

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Подъ редакціей Арс. И. Введенского.

въ 4-хъ томахъ.

Съ біографическимъ очеркомъ, факсимile и портретомъ
Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ
въ Лейпцигѣ.

Томъ II.
ПОЭМЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1891.

Дозволено цензурою. СПБ. 30 марта 1891 г.

Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая, д. № 1.

Поэмы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПѢСНЯ

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО
КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

(1837 г.).

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго кутица, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяеть на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидить во златомъ вѣнцѣ,
Сидить грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоять стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божию,
Въ удовольствие свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелъль тогда
 Вина сладкаго заморскаго
 Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
 И поднести его опричникамъ.
 — И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
 Удалой боецъ, буйный мѣлодецъ,
 Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
 Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
 Опустилъ головушку на широку грудь,—
 А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
 И навелъ на него очи зоркія,
 Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
 На младаго голубя сизокрылаго,—
 Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
 — Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
 И дубовый полъ на полчетверти
 Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,—
 Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
 — Вотъ промолвилъ царь слово грозное,—
 И очнулся тогда добрый мѣлодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
 Аль ты думу затаилъ нечестивую?
 Али славѣ нашей завидуешь?
 Али служба тебѣ честная прискучила?
 Когда восходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
 Что свѣтлый имъ гулять по поднебесью;
 А которая въ тучку прячется—
 Та стремглавъ на землю падаетъ...
 Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
 Царской радостью гнушатися;
 А изъ рода ты вѣдь Скуратовыхъ
 И семьею ты вскормлѣнъ Малютиной!..»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
 Царю грозному въ поясъ кланяясь:
 — «Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
 Не кори ты раба недостойнаго:
 Сердца жаркаго не залить виномъ,
 Думу черную—не запотчивать!
 А прогнѣвалъ я тебя—воля царская:
 Пrikажи казнить, рубить голову...»

Тяготить она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится».

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да обѣ чѣмъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Иль конь захромаль худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москву-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣтъ такъ Кирилѣвичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— «Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходить весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— «Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоять у тесовыхихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешоптываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— «На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходить плавно — будто лебѣдушка,
Смотрѣть сладко — какъ голубушка,
Молвить слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяные,
Какъ заря на небѣ Божиѣмъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенные,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алѣной Дмитрѣвной.

— «Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
 Опускаются руки сильныя.
 Помрачаются очи бойкія;
 Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
 Одному по свѣту маяться.
 Опостыли мнѣ кони легкіе,
 Опостыли наряды парчевые,
 И не надо мнѣ золотой казны:
 Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
 Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
 Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
 Отпусти меня въ степи приволжскія,
 На житѣе на вольное, на казацкое.
 Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
 И сложу на копье басурманское;
 И раздѣлять по себѣ злы татаровья
 Коня доброго, саблю острую
 И сѣдельце бранное черкасское.
 Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
 Мои кости сирый дождикъ вымоетъ,
 И безъ подхоронъ горемычный прахъ
 На четыре стороны развѣется...»

И сказалъ, смѣясь. Иванъ Васильевичъ:
 «Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
 Твоему горю пособить постараюсь.
 Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
 Да возьми ожерелье жемчужное.
 Прежде свахѣ смышлённой покланяйся,
 И пошли дары драгоценные
 Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
 Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
 Не полюбишься—не прогнѣвайся».

— «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
 Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
 Не сказалъ тебѣ правды истинной,
 Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
 Въ церкви Божіей перевѣнчана,
 Перевѣнчана съ молодымъ кутикомъ
 По закону нашему христіанскому...»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!

Ужъ потѣшьте вы доброго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидить молодой купецъ,
Статный мѣлодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горить заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонить ихъ метелица, распѣвающи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
Запираеть Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣнь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходить онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрыть дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-типлится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилсѧ?»
— «Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечерни пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попѣ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать—

А по-сю-пору твоя хоziюшка
 Изъ приходской церкви не вернулася.
 А что дѣтки твои малыя
 Почивать не легли, не играть пошли—
 Плачемъ плачутъ, все не унимаются».

И смущился тогда думой крѣпкою
 Молодой купецъ Калашниковъ.
 И онъ сталъ къ окну, глядить на улицу—
 А на улицѣ ночь темнѣхонька;
 Валить бѣлый снѣгъ, разстилается,
 Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью клопнули,
 Потомъ слышитъ шаги торопливые;
 Обернулся, глядитъ—сила крестная!
 Передъ нимъ стоить молода жена.
 Сама блѣдная, простоволосая,
 Косы русыя, расплетенные
 Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
 Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
 Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
 На какомъ, на дворѣ, на площади,
 Что растрепаны твои волосы,
 Что одѣжа вся твоя изорвана?
 Ужъ гуляла ты, пировала ты,
 Чай, съ сынками все боярскими?...
 Не на то предъ святыми иконами
 Мы съ тобой, жена, обручились,
 Золотыми кольцами мѣнялися!...
 Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
 За дубовую дверь окованную,
 Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
 Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алѣна Дмитрѣвна
 Задрожала вся, моя голубушка,
 Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
 Горько-горько она восплакала,
 Въ ноги мужу повалилась.

— «Государь ты мой, красно-солнышко,
 Иль убей меня, или выслушай!
 Твои рѣчи—будто острый ножъ;

Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

— «Отъ вечерни я домой шла ионече
Вдоль по улицѣ одинѣшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хрустить;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной.
Я слуга царя царя грознаго,
Прозываюся Кирилѣвичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...—

— «Испугалась я пуще прежняго;
Закружилася моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня целовать-ласкать,
И целуя, все приговаривалъ:
— Отвѣтай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цветной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—

— «И ласкалъ онъ меня, целовалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцелуи его окаянные...
А смотрѣли въ калиткусосѣдушки;
Смѣючись, на насть пальцемъ показывали...»

— «Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.

Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злые сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

— «Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кроме тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ-вѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючими слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились,
И такое слово ему молвили:

— «Ты повѣданъ намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилось,
Что послалъ ты за нами во темную ночь.
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будеть кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника.
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побѣть онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меныше грѣховъ накопилось,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
— «Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесыи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орель зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвцовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужь потѣште вы доброго боярина
И боярню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвою великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменної,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучи сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужь зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками.
И велѣлъ растянуть цѣль серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣнили мѣсто въ двадцать пять саженъ,
Для охотничьаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?

Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побѣть кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходить удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершия въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоять, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:

— «Присмерѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпушу живаго съ покалніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванию Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиные
На опричника смотрять пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевые рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямляются,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:

— «А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,

И жиль я по закону Господнему:
 Не позорилъ я чужой жены,
 Не разбойничалъ ночью темною,
 Не таился отъ свѣта небеснаго...
 И промолвилъ ты правду истинную:
 По одномъ изъ насъ будуть панихида пѣть,
 И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
 И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
 Съ удалимыми друзьями пирующи...
 Не шутку шутить, не людей смѣшить,
 Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
 Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
 Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенний снѣгъ;
 Бойки очи его затуманились,
 Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
 На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
 Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
 И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
 И ударилъ его посерѣдь груди—
 Затрещала грудь молодецкая,
 Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
 На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
 Со святыми мощами изъ Киева,
 И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
 Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
 И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
 «Чему быть суждено, то и сбудется;
 Постою за правду до-послѣднѣва!»
 Изловчился онъ, приготовился,
 Собрался со всею силою
 И ударилъ своего ненавистника
 Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
 Закачался, упалъ замертво;
 Повалился онъ на холодный снѣгъ,
 На холодный снѣгъ, будто сосенка,
 Будто сосенка, во сыромъ бору
 Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго куница
И привѣстъ его предъ лицо свое.

Какъ возгѣворилъ православный царь:

— «Отвѣтай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нѣхотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

«Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...»

— «Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлино.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣТЬ-нарядить,
Въ большой колоколь прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудить-воеть колоколь,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрью;
По высокому мѣstu лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навострѣнныимъ,

Руки голыя потираючи,
Палаць весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алѣнѣ Дмитрѣвнѣ.
Закажите ей меныше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютую, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимирской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдеть старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдеть мѣлодецъ—пріосанится,
Пройдеть дѣвица—пригорюнится,
А проидутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!

Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

[1829 — 1840].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
 Леталъ надъ грѣшною землей;
 И лучшихъ дней воспоминанья
 Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
 Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
 Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
 Когда бѣгущая комета
 Улыбкой ласковой привѣта
 Любила помѣняться съ нимъ;
 Когда сквозь вѣчные туманы,
 Познанья жадный, онъ слѣдилъ
 Кочующіе караваны
 Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
 Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
 Счастливый первенецъ творенья,
 Не зналъ ни злобы ¹⁾, ни сомнѣнья,
 И не грозилъ уму ²⁾ его
 Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
 И много, много... и всего
 Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Давно отверженный блуждалъ
 Въ пустынѣ міра безъ пріюта ³⁾.
 Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
 Какъ за минутою минута,
 Однообразной чередой.
 Ничтожной властвую землей,
 Онъ съяль зло безъ наслажденья;
 Нигдѣ искусству своему
 Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
 И зло наскучило ему.

¹⁾ ...ни страха... ²⁾ ...душѣ...³⁾ Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
 Давно безъ цѣли и пріюта...

III.

И надъ вершинами Кавказа
 Изгнаникъ рая пролеталъ.
 Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
 Снѣгами вѣчными сиялъ,
 И, глубоко внизу чернѣя,
 Какъ трещина, жилище змѣя,
 Вился излучистый Дарьялъ;
 И Терекъ, прыгая какъ львица,
 Съ косматой гривой на хребтѣ,
 Ревѣлъ; и горный ¹⁾ звѣрь, и птица,
 Кружась въ лазурной высотѣ,
 Глаголу водъ его внимали,
 И золотыя облака
 Изъ южныхъ странъ, изъ далека,
 Его на сѣверъ провожали;
 И скалы тѣсною толпой,
 Таинственной дремоты полны,
 Надъ нимъ склонялись головой,
 Слѣдя мелькающія волны;
 И башни замковъ на скалахъ
 Смотрѣли грозно сквозь туманы:
 У вратъ Кавказа на часахъ
 Сторожевые великаны!
 И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
 Весь Божій міръ; но гордый духъ
 Презрительнымъ окинулъ окомъ
 Творенье Бога своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
 Красы живыя расцвѣли:
 Роскошной Грузіи долины
 Ковромъ раскинулись вдали.
 Счастливый, пышный край земли!
 Столпообразные руины,
 Звонко-бѣгущіе ручьи
 По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
 И кущи розъ, гдѣ соловьи
 Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ

¹⁾ ...хищный...

На сладкий голосъ ихъ любви;
 Чинаръ развесистыя сѣни,
 Густымъ вѣнчанныя плющемъ;
 Пещеры ¹⁾, гдѣ палящимъ днемъ
 Таятся робкие олени;
 И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
 Стозвучный говоръ голосовъ,
 Дыханье тысячи растеній;
 И полдня сладострастный зной,
 И ароматною росой
 Всегда увлажненныя ночи,
 И звѣзды яркія, какъ очи,
 Какъ взоръ грузинки молодой.
 Но, кроме зависти холодной,
 Природы блескъ не возбудилъ
 Въ груди изгнаника безплодной
 Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
 И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
 Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
 Сѣдой Гудаль себѣ построилъ...
 Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
 Рабамъ послушнымъ, съ давнихъ поръ.
 Съ утра на скать сосѣднихъ горъ
 Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
 Въ скалѣ нарублены ступени:
 Онъ отъ башни угловой
 Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
 Покрыта бѣлою чадрой ²⁾,
 Княжна Тамара молодая
 Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
 Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
 Но пиръ большой сегодня въ немъ,
 Звучить зурна ³⁾ и льются вины:
 Гудаль сосваталъ дочь свою;
 На пиръ онъ созвалъ всю семью.

¹⁾ Ущелья... ²⁾ Чадра—покрываю.

³⁾ Музикальный инструментъ въ родѣ волынки.

На кровлѣ, устланной коврами,
Сидѣтъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальными горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя, ¹⁾
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Береть невѣста молодая.
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится,—глядѣть,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливої рѣсницы;
То черной бровью поведеть,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользить, плыть
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
Но лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единъ царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызгущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою ²⁾
Не омывалъ подобный станъ; ³⁾

¹⁾ Съ этого стиха первоначально, до конца главы, было:
И вотъ Тамара молодая
Береть свой бубенъ росписной;
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской.
Она забыла міръ земной.

²⁾ Ея уворною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается wysoko;
Уста блѣднѣютъ и дрожать;
И жадной страсти половъ взглядъ,
Какъ страсть палящей и глубокой.
³⁾ Своей алмазною росою...
³⁾ Не брызгалъ на подобный станъ.

Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понынѣ
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣніе
Темнило свѣтлыхъ черты;
Но были все ея движенья ¹⁾
Такъ стройны, полны выраженія.
Такъ полны милой простоты,
Что если-бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся-бъ—и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновеніе
Неизъяснимое волненіе
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнуль онъ святыню
Люби, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался,—и мечты
О прежнемъ счастьѣ, цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.

¹⁾ Var. VIII ил.:

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.

Въ ней было то полуземное
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.
И были все ея движенья...

Прикованный незримой силой.
 Онъ съ новой грустью ¹⁾ сталъ знакомъ,
 Въ немъ чувство вдругъ заговорило
 Роднымъ когда-то языкомъ.
 То былъ-ли призракъ возрожденья?
 Онъ словъ коварныхъ искушенья
 Найти въ умѣ своемъ не могъ.
 Забыть?—забвенья не даль Богъ,
 Да онъ и не взялъ бы забвенья.

.

X.

Измучивъ доброго коня,
 На брачный пиръ, къ закату дня,
 Сѣшиль женихъ нетерпѣливый.
 Арагвы свѣтлой онъ счастливо
 Достигъ зеленыхъ береговъ.
 Подъ тяжкой ношею даровъ
 Едва-едва переступая,
 За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
 Дорогой тянется, мелькая;
 Ихъ колокольчики звенятъ...
 Онъ самъ, властитель Синодала,
 Ведетъ богатый караванъ.
 Ремнемъ затянутъ ловкій ²⁾ станъ;
 Оправа сабли и кинжала
 Блеститъ на солнцѣ; за спиной
 Ружье съ насѣчкой вырезной;
 Играеть вѣтеръ рукавами
 Его чухи ³⁾; кругомъ она
 Вся галуномъ обложена.
 Цвѣтными вышито шелками
 Его сѣдо; узда съ кистями;
 Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
 Безцѣнной масти золотой.—
 Питомецъ рѣзвый Карабаха
 Прядеть ушми и, полный страха,
 Храпя, косится съ крутизны
 На пѣну скачущей волны.
 Опасенъ, узокъ путь прибрежный:

¹⁾ ...думой... ²⁾ ...стройный...

³⁾ Верхняя одежда съ откидными рукавами.

Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно.—На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Туть съ давнихъ лѣтъ почтеть въ Бога
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.—
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но прѣрѣлъ удалой ¹⁾ женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ,—
Его, коварною мечтою,
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣль... Что такое?..
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ ²⁾,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ руки сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щѣлкъ,—и какъ орель
Онъ кинулся,—и выстрѣль снова,—
И дикий крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

XII.

Затихло все... Тѣснясь толпой
На трупы всадниковъ, порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо ³⁾ въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли.

¹⁾ ...молодой... ²⁾ Шапка въ родѣ эриванки. ³⁾ Чуть слышно...

Разграбленъ пышный караванъ,
 И надъ тѣлами христіанъ
 Чертитъ круги ночная птица!
 Не ждетъ ихъ мирная гробница
 Подъ слоемъ монастырскихъ плинтъ,
 Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
 Не придутъ сестры съ матерями,
 Покрыты длинными ¹⁾ чадрами,
 Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
 На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣсть!
 За-то усердною рукою,
 Здѣсь у дороги, подъ скалою,
 На память водрузится крестъ;
 И плющъ, разросшійся весною,
 Его, ласкаясь, обовьетъ
 Свою сѣткой изумрудной;
 И, своротивъ съ дороги трудной,
 Не разъ усталый пѣшеходъ
 Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани.
 Храпитъ и рвется будто къ брані;
 То вдругъ осадить на скаку,
 Прислушается къ вѣтерку,
 Широко ноздри раздувая,
 То, разомъ въ землю ударяя
 Шипами звонкими копыть,
 Взмахнувъ растрепанною гривой,
 Впередъ безъ памяти летить.
 На немъ есть всадникъ молчаливый;
 Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
 Припавъ на гриву головой.
 Ужъ онъ не править поводами,
 Задвинувъ ноги въ стремена,
 И кровь широкими струями
 На чепракъ его видна...
 Скакунъ лихой, ты господина ²⁾
 Изъ боя вынесъ какъ стрѣла,
 Но злая пуля осетина
 Его во мракъ догнала!

¹⁾ ...бѣлыми.... ²⁾ Скакунъ надежный господина...

xiv.

Въ семье Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запалѣнныи ¹⁾
И паль на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружье и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожарь
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лиховал..

xv.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣлая Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышеть..
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадеть;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣственная жжетъ;
Онъ далеко, онъ не узнаеть,
Не оцѣнить тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаеть
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣvy...
Что жизни мелочны сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?

¹⁾ Первоначально затѣмъ сливовало:

Кто блѣдный всадникъ у воротъ?
Недолго жениха младова, и т. д.

Нѣть, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

«На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтраиль,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтиль.

Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.

Часть разлуки, часть свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣть желанья,
И прошедшаго не жаль ¹⁾).

Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И беспечна, какъ они!

«Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнить,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчить;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселый;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесь глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанеть—
И на тебя украдкой взглянетъ,—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсицы
Сны золотые навѣваться...»

¹⁾ Послѣ этого слѣдовала строфа:
Дѣти вольности воздушной
Безъ желаній, безъ страстей,

Смотрять гордо, равнодушно
На волненія людей.
Въ день томительный...
20*

XVI.

Слова умолкли; въ отдалены
 Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
 Она, вскочивъ, глядить вокругъ...
 Невыразимое смятенье
 Въ ея груди: печаль, испугъ,
 Восторга пыль—ничто въ сравненьи.
 Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ:
 Душа рвала свои оковы,
 Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
 И этотъ голосъ чудно новый,
 Ей мнилось, все еще звучалъ.
 И передъ утромъ сонъ желанный
 Глаза усталые смежилъ,
 Но мысль ея онъ возмутиль
 Мечтой пророческой и странной:
 Пришлецъ туманный п нѣмой,
 Красой блестая неземной,
 Къ ея склонился изголовью;
 И взоръ его съ такой любовью,
 Такъ грустно на нее смотрѣль,
 Какъ будто онъ обѣ ней жалѣль.
 То не былъ ангель-небожитель,
 Ея божественный хранитель:
 Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
 Не украшать его кудрей;
 То не былъ ада духъ ужасный,
 Порочный мученикъ,—о, нѣть!
 Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
 Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
 Свою Тамару не брань.
 Я плачу. Видишь эти слезы?...
 Уже не первыя они...
 Не буду я ни чьей женою— ¹⁾

¹⁾ Напрасно женихи толпою
 Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ
 мѣсть... Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
 Не мало въ Грузіи невѣсть;
 А мнѣ не быть ни чьей женою... Я гибну—сжалася надо мной!
 О, не брань, отецъ, меня! Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
 Я вяну—жертва влой отравы!
 Меня терзаетъ духъ лукавый
 Неотразимою мечтой;
 Отдай въ священную обитель...

Скажи моимъ ты женихамъ:
 Супругъ мой взять сырой землею,—
 Другому сердца не отдамъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
 Мы схоронили подъ горой.
 Меня тревожить духъ лукавый
 Неотразимо мечтой;
 Въ тиши ночной меня тревожить
 Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
 Молиться днемъ душа не можетъ:
 Мысль далеко отъ звука словъ;
 Огонь по жиламъ пробѣгаєтъ...
 Я сохну, вяну день отъ дня.
 Отецъ! душа моя страдаетъ...
 Отецъ мой, попади меня!
 Отдай въ священную обитель
 Дочь безразсудную свою:
 Тамъ защитить меня Спаситель,
 Предъ Нимъ тоску мою пролью.
 На свѣтѣ нѣть ужъ мнѣ веселья...
 Святыни миromъ осѣня,
 Пусть приметъ сумрачная келья,
 Какъ гробъ, заранѣе меня».

II.

И въ монастырь уединенный
 Ее родные отвезли,
 И власяницаю смиренной
 Грудь молодую облекли.
 Но и въ монашеской одеждѣ,
 Какъ подъ узорною парчой,
 Все беззаконною мечтой ¹⁾
 Въ ней сердце билося, какъ прежде.
 Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣтъ,
 Въ часы торжественного пѣнья,
 Знакомая, среди моленья,
 Ей часто слышалася рѣчь.
 Подъ сводомъ сумрачного храма
 Знакомый образъ иногда
 Сколзилъ безъ звука и слѣда:
 Въ туманѣ легкомъ фиміама

¹⁾

Все беспокойною мечтой...

Сияль онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?.. ¹⁾

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинарь и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ,—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы ²⁾ младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндалевыхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,—
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,—
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшою скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муззини;
И звучный колокола гласть
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой,—
Вершины цѣли сиѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались.
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румянной пеленой.

¹⁾ ...Въ туманѣ легкомъ фиміама
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ.

²⁾ ...грѣшницы...

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головои,
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной, ¹⁾
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ предлогъ мученью—
И утра лучъ, и мракъ ночеи.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадеть—
И плачетъ; и въ ночномъ молчанье
Ея тяжелое рыданье
Тревожить путника вниманье, ²⁾
И мыслить онъ: «то горный духъ
Прикованный въ пещерѣ стонеть!»—
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученаго гонить...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумья одинокомъ,
И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: «онъ придетъ!»
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей

¹⁾ Но Демонъ огненнымъ дыханіемъ
Тамары душу запятналь,
И Божій міръ своимъ близи-
станиемъ
Восторга въ ней не пробуди-
жалъ.
Страсть безотчетная какъ
тѣнью
Жизнь осѣнила передъ ней;
И стало все предлогъ... и т. д.

²⁾ ... Тревожить путника вниманье,
Сквозь шумъ далекаго ручья
И трель живую соловья.
Норою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоить безъ мысли, холодна...
И страшныя лепечуть рѣчи
Ея дрожащія уста;
Желанье груль ея волнуетъ,
И чудный призракъ все рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта.

Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочеть-ли молиться,
А сердце молится *ему*;
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится-ли на ложе сна—
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Пылаютъ грудь ея и плечи ¹⁾),
Нѣть силь дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...

.

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродить; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ средь общаго молчанья
Чингара ²⁾ стройное брященье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.

¹⁾ Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи... ²⁾ Чингаръ - родъ штари.

Не ангель-ли съ забытымъ другомъ
 Вновь повидаться захотѣлъ,
 Сюда украдкою слетѣлъ,
 И о быломъ ему пропѣлъ,
 Чтобъ уладить его мученье?..
 Тоску любви, ея волненье
 Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
 Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,—
 Его крыло не шевелится!
 И, чудо!—изъ померкшихъ глазъ
 Слеза тяжелая катится...
 Понынѣ возлѣ кельи той
 Насквозь прожженный виденъ камень
 Слезою жаркою какъ пламень,
 Не человѣческой слезой!..

VIII.

И входить онъ, любить готовый,
 Съ душой, открытой для добра;
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепетъ ожиданья,
 Страхъ неизвѣстности нѣмой,
 Какъ будто въ первое свиданье,
 Спознались съ гордою душой;
 То было злое предвѣщанье...
 Онъ входить, смотритъ, передъ нимъ
 Посланникъ рая—херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ.
 И отъ врага, съ улыбкой ясной,
 Пріосѣнилъ ее крыломъ...
 И лучъ божественного свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
 И вмѣсто сладкаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ:

IX.

«Духъ беспокойный, духъ порочный,
 Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
 Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣть;
 Зло не дышало здѣсь понынѣ!
 Къ моей любви, къ моей святынѣ
 Не пролагай преступный слѣдъ!»

Кто звалъ тебя?»

Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностю взглѣдъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя!—сказалъ онъ грозно:—
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно, ¹⁾
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣть твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!»

И ангель грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ,
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...

Х.

ТАМАРА.

О, кто ты? Рѣчъ твоя опасна! ²⁾
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ.

Ты прекрасна!

ТАМАРА.

Но молви, кто ты?.. Отвѣчай!..

ДЕМОНЪ.

Я тотъ, которому винимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ:
Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтеть,
Я тотъ, кого никто не любить,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ ³⁾ рабовъ моихъ земныхъ,

¹⁾ Отнынѣ жить нельзя намъ ровно... ²⁾ ...ужасна. ³⁾ Я богъ...

Я царь познанья и свободы,
 Я врагъ небесь, я зло природы,
 И видиши—я у ногъ твоихъ!
 Тебѣ принесъ я въ умиленьи
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье
 И слезы первыя мои.
 О, выслушай изъ сожалѣнья!
 Меня добру и небесамъ
 Ты возвратить могла бы словомъ;
 Твоей любви святымъ покровомъ
 Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
 Какъ новый ангелъ, въ блескѣ новомъ.
 О, только выслушай, молю,
 Я рабъ твой, я тебя люблю!
 Лишь только я тебя увидѣлъ ¹⁾—
 И тайно вдругъ возненавидѣлъ
 Безсмертіе и власть мою,—
 Я позавидовалъ невольно
 Неполной радости земной:
 Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
 И страшно—розно жить съ тобой.
 Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный...
 Опять затеплился живѣй,
 И грусть на днѣ старинной раны
 Защевелилася какъ змѣй.
 Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
 Моихъ владѣній безконечность?—
 Пустыя звучныя слова,
 Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
 Молчи, не вѣрю я врагу!
 Творецъ!.. увы, я не могу
 Молиться; гибельной отравой
 Мой умъ слабѣющій обѣять.
 Послушай, ты меня погубишь;

¹⁾ Когда я въ первый разъ увидѣлъ, Твой чудный, твой волшебный взоръ, Я тайно вдругъ возненавидѣлъ Мою свободу, какъ позоръ. Свою властью недовольный. Я позавидовалъ невольно Неполнымъ радостямъ людей. Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный...

Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ.

Зачѣмъ, красавица?—Увы,
Не знаю; полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все бывшее бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоенъ, всею властью
Бесмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мною носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго энира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства, мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О, еслибы ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,—
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!..

Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось,—съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мною пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтиль, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ золата;

Но что же?—прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнаниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы!—я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался... но куда? зачѣмъ?—
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отверженъ; какъ эдемъ
Миръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летить безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!

Но я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ,
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ;
Не долго... Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
А стоили-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой...
И мчался путникъ одинокой,
Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И, въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ—и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ ¹⁾.

¹⁾ Какъ часто на вершинѣ лѣди-
стой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнристой

Сидѣлъ я мрачный и нѣмой...
И бѣлогривыя мятели
Какъ львы у ногъ моихъ ревѣли.

Какъ часто, подымая прахъ,
 Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
 Одѣтый молнѣй и туманомъ,
 Я шумно мчался въ облакахъ,
 Чтобы въ толпѣ стихій мятеjной
 Сердечный ропотъ заглушить,
 Спастись отъ думы неизбѣжной—
 И незабвенное забыть!
 Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
 Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
 Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
 Передъ минутою одной
 Моихъ непризнанныхъ мученій?
 Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
 Они прошли, они пройдутъ!
 Надежда есть: ждетъ правый судъ;
 Простить онъ можетъ, хоть осудить!
 Моя-жъ печаль безсмѣнно тутъ,
 И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
 И не вздремнуть въ могилѣ ей!
 Она—то ластится какъ змѣй,
 То жжетъ и блещетъ будто пламень,
 То давить мысль мою какъ камень—
 Надеждѣ погибшихъ ¹⁾ и страстей
 Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА.

Кто-бѣ ни былъ ты, мой другъ случайный,
 Покой навѣки погубя,
 Невольно я съ отрадой тайной,
 Страдалецъ, слушаю тебя.
 Но если рѣчъ твоя лукава,
 Но если ты, обманъ тал...
 О, пощади!... какая слава!...
 На что душа тебѣ моя?
 Ужели небу я дороже
 Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
 Онѣ, увы! прекрасны тоже;
 Какъ здѣсь, ихъ дѣственное ложе
 Не смято смертного рукой!...
 Нѣть! дай мнѣ клятву роковую...
 Скажи,—ты видишь: я тоскую,

¹⁾ Мечтаній прежнихъ...

Ты видишь женскія мечты!
 Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
 Но ты все понялъ, ты все знаешь
 И сжалішься, конечно, ты!
 Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
 Отречься нынѣ дай обѣтъ!
 Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
 Ненарушимыхъ больше нѣть?...

ДЕМОНЪ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
 Клянусь его послѣднимъ днемъ,
 Клянусь позоромъ преступленья
 И вѣчной правды торжествомъ;
 Клянусь паденя горькой мукой,
 Побѣды краткою мечтой;
 Клянусь свиданіемъ съ тобой
 И вновь грозящею разлукой;
 Клянуся сонмищемъ духовъ,
 Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
 Мечами ангеловъ безстрастныхъ.
 Моихъ недремлюющихъ враговъ;
 Клянуся небомъ я и адомъ,
 Земной святыней и тобой;
 Клянусь своимъ послѣднимъ взглядомъ.
 Твою первою слезой,
 Незлобныхъ усть твоихъ дыханьемъ.
 Волною шоковыхъ кудрей;
 Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
 Клянусь любовью моей,—
 Отрекся я отъ старой мести.
 Отрекся я отъ гордынъ думъ;
 Отнынѣ ядъ коварной лести
 Ни чай ужъ не встревожить умъ.
 Хочу я съ небомъ примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я вѣровать добру;
 Слезой раскаянья сотру
 Я на челъ, тебя достопномъ,
 Слѣды небеснаго огня,
 И міръ въ невѣдѣнїи спокойномъ
 Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
 О, вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ

Тебя постигъ и оцѣнилъ.
 Избравъ тебя моей святыней,
 Я власть у ногъ твоихъ сложилъ;
 Твоей любви я жду какъ дара,
 И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ,—
 Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
 Я неизмѣненъ и великъ.
 Тебя я, вольный сынъ эонра,
 Возьму въ надзвѣздные края,
 И будешь ты царицей міра,
 Подруга первая ¹⁾ моя;
 Безъ сожалѣнья, безъ участья
 Смотрѣть на землю станешь ты,
 Гдѣ нѣть ни истиннаго счастья,
 Ни долговѣчной красоты,
 Гдѣ преступленья лишь, да казни,
 Гдѣ страсти мелкой только жить;
 Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
 Ни ненавидѣть, ни любить.
 Иль ты не знаешь, что такое
 Людей минутная любовь?—
 Волненіе крови молодое!
 Но дни бѣгутъ,—и стынетъ кровь.
 Кто устоитъ противъ разлуки,
 Соблазна новой красоты,
 Противъ усталости и скуки,
 И своимъ мечты?
 Нѣть! не тебѣ, моей подругѣ ²⁾,
 Узнай, назначено судьбой
 Уянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
 Ревнивой грубости рабой,
 Средь малодушныхъ и холодныхъ,
 Друзей притворныхъ и враговъ,
 Боязней и надеждъ безплодныхъ,
 Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
 Печально за стѣнѣ высокой
 Ты не угаснешь безъ страстей,
 Среди молитвъ, равно далеко

¹⁾ ...вѣчнай...

²⁾ И пусть другія-бѣ утѣшались
 Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
 Ихъ думы неба не касались.
 Миръ лучшій недоступенъ имъ.

Но ты, прекрасное созданье,
 Не въ жертву имъ обречена:
 Тебя иное ждетъ страданье...
 и пр.

Отъ божества и отъ людей.
 О, нѣть! прекрасное созданье,
 Къ иному ты присуждена:
 Тебя иное ждеть страданье,
 Иныхъ восторговъ глубина!
 Оставь же прежнія желанья
 И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
 Пучину гордаго познанья
 Въ замѣнь открою я тебѣ.
 Толпу духовъ моихъ служебныхъ
 Я приведу къ твоимъ стопамъ;
 Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
 Тебѣ, красавица, я дамъ;
 И для тебя съ звѣзды восточной
 Сорву вѣнецъ я золотой,
 Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
 Его усыплю той росой;
 Лучемъ румянаго заката
 Твой станъ, какъ лентой, обовью;
 Дыханьемъ чистымъ аромата
 Окрестный воздухъ напою!
 Всечасно дивною игрою
 Твой слухъ лелѣять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Изъ бирюзы и янтаря;
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дамъ тебѣ все, все земное—
 Люби меня!..

xi.

— И онъ слегка
 Коснулся жаркими устами
 Къ ея трепещущимъ губамъ:
 Соблазна полными рѣчами
 Онъ отвѣчалъ ея мольbamъ.
 Могучій взоръ смотрѣль еи въ очи,—
 Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи
 Надъ нею прямо онъ сверкалъ,
 Неотразимый, какъ кинжалъ.
 Увы, злой духъ торжествовалъ!
 Смертельный ядъ его лобзанья
 Мгновенно въ грудь ея проникъ...

Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье.
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой...

* * * * *

XII.

Въ то время сторожъ полunoчный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укратилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ усть согласное лобзанье,
Минутный крикъ, и слабый стонъ.
И нечестивое сомнѣніе
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновеніе —
И смолкло все; издалека
Лишь дуновеніе вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святаго
Спѣшить онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злаго
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Крестить дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

* * * * *

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своеемъ лежала;
Бѣлый и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.

Навѣкъ опущены рѣчицы...
 Но кто-бѣ, о небо! не сказалъ,
 Что взоръ подъ ними лишь дремалъ
 И, чудный, только ожидалъ
 Иль поцѣлуя, иль денницы?
 Но бесполезно лучъ дневной
 Скользилъ по нимъ струей златой;
 Напрасно ихъ въ нѣмой печали
 Уста родныя цѣловали,—
 Нѣть, смерти вѣчную печать
 Ничто не въ силахъ ужъ сорвать! ¹⁾)

XIV.

Ни разу не былъ въ дни веселья,
 Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
 Тамары праздничный нарядъ.
 Цвѣты родимаго ущелья
 [Такъ древній требуетъ обрядъ]
 Надъ нею льють свой ароматъ,
 И, скаты мертвовою рукою,
 Какъ бы прощаются съ землею.
 И ничего въ ея лицѣ
 Не намекало о концѣ
 Въ пылу страстей и упоенья.
 И были всѣ ея черты
 Исполнены той красоты,
 Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума.

¹⁾ Какъ продолженіе XIII главы, Какъ древній надписи узоръ, первоначально сльдовало:
 Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой
 И все, гдѣ пылкой жизни сила
 странной
 Такъ внятно чувствамъ гово-
 Тается повѣсть прежнихъ лѣтъ,
 рила,
 Тогдахъ думъ забытый сльдъ.
 Теперь одинъ ничтожный прахъ.
 Улыбка странная застыла,
 Символъ премудрости туманной,
 Едва мелькнувшіи, на устахъ;
 Глубокихъ думъ забытый сльдъ.
 Но теменъ, какъ сама могила.
 И долго бѣдной жертвы тѣлъ
 Печальный смыслъ улыбки той.
 Не трогай ангель разрушенья;
 Что въ ней? Насмѣшка надъ
 И были всѣ ея черты
 судьбой,
 Исполнены той красоты,
 Непобѣдимое-ль сомнѣнье?
 Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
 Иль къ жизни хладное презрѣніе,
 Лишенной чувства и ума,
 Иль съ небомъ горда вражда?
 Таинственной, какъ смерть сама...
 Какъ знать?—для свѣта навсегда
 Ни разу не былъ въ дни веселья...
 Утрачено ея значеніе.
 ...Какъ бы прощаются съ землею.
 Она невольно манить взоръ,
 и т. д. до
 Толстой соєди и родные... и т. д.

Таинственной, какъ смерть сама.
 Улыбка странная застыла,
 Мелькнувши по ея устамъ;
 О многомъ грустномъ говорила
 Она внимательнымъ глазамъ:
 Въ ней было хладное презрѣніе
 Души, готовой отцѣсти,
 Послѣдней мысли выраженіе,
 Землѣ беззвучное: *прости.*
 Напрасный отблескъ жизни прежней,
 Она была еще мертвѣй,
 Еще для сердца безнадежнѣй
 Навѣкъ угаснувшихъ очей.
 Такъ въ чась торжественный заката,
 Когда, растаявъ въ морѣ зата,
 Ужъ скрылась колесница дня,
 Снѣга Кавказа на мгновеніе,
 Отливъ румяннїй ¹⁾ сохраня,
 Сіяющъ въ темномъ отдаленіи.
 Но этаотъ лучъ полуживой
 Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
 И путь ни чай онъ не освѣтитъ
 Съ своей вершины ледяной!..

xv.

Толпой сосѣди и родные
 Ужъ собрались въ печальный путь.
 Терзая локоны сѣдыя,
 Безмолвно поражая грудь,
 Въ послѣдній разъ Гудаль садится
 На бѣлогриваго коня,—
 И поѣздъ двинулся.—Три дня,
 Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
 Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
 Пріють покойный вырыть ей.
 Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
 Грабитель странниковъ и сель,
 Когда болѣзнь его сковала
 И часть раскаянья пришелъ,
 Грѣховъ минувшихъ въ искупленіе
 Построить церковь обѣщалъ
 На вышинѣ гранитныхъ скалъ,

¹⁾ ...пурпурный...

Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.—
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплый посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

xvi. ¹⁾

Въ пространствѣ синяго эоира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ.
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.

¹⁾ Этой главѣ предшествовало:

Едва на жесткую постелъ,
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася метель;
И громче хицнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ.
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленъ звукъ послѣд-
ній... и т. д.

или: Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный фиміамъ;
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ ша-
говъ,—

Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангель легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердию мольбой
За душу грѣшницы младой.
И въ то же время царь по-
рока
Туда примчался съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденного потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таи-
лась;
По слѣду крылья его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда-жъ онъ предъ собой уви-
дѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидал,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнуль.

Издалека ужъ звуки рая
 Къ нимъ доносилися—какъ вдругъ,
 Свободный путь пересѣкая,
 Взвился изъ бездны адскій духъ.
 Онъ былъ могучъ какъ вихорь шумный,
 Блисталь какъ молніи струя,
 И гордо, въ дерзости безумной,
 Онъ говорить: «она моя!»

Къ груди хранительной прижалась,
 Молитвой ужасъ заглуша,
 Тамары грѣшная душа.
 Судьба грядущаго рѣшалась:
 Предъ нею снова онъ стоялъ,
 Но, Боже!—кто-бъ его узналъ?
 Какимъ смотрѣль онъ злобнымъ взглядомъ,
 Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
 Вражды, незнающей конца;
 И вѣяло могильнымъ хладомъ
 Отъ неподвижнаго лица.

«Исчезни мрачный духъ сомнѣнья!»
 Посланникъ неба отвѣчалъ:
 «Довольно ты торжествовалъ;
 Но часъ суда теперь насталъ,
 И благо Божie рѣшенье!
 Дни испытанія прошли;
 Съ одеждой бренною земли
 Оковы зла съ нея ниспали.
 Узнай, давно ее мы ждали!
 Ея душа была изъ тѣхъ,
 Которыхъ жизнь—одно мгновеніе
 Невыносимаго мученья,
 Недосыгаемыхъ утѣхъ;
 Творецъ изъ лучшаго энпра
 Соткалъ живыя струны ихъ,
 Онѣ не созданы для міра,
 И міръ былъ созданъ не для нихъ!
 Цѣнной жестокой искушила
 Она сомнѣнія свои...
 Она страдала и любила,—
 И рай открылся для любви!»

И ангель строгими очами
 На искуителя взглянуль,

И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяныи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоять до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный.
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣеть.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтеть и зеленѣеть,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется,—и караваны
Идутъ, звеня, изъ далека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестить и гѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдныи старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждуть луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжать, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядеть сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:

То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещеть, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...

— Все дико. Нѣть нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнить ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его! ¹⁾
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще ионынѣ:
И у воротъ ея стоять
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты;
И на груди ихъ. вмѣсто латы,
Лѣды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмутившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходить,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ.
То пѣсню долгую заводить,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшать толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плить
Давно никто ужъ не грустить!
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ.
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутить.

¹⁾ За этимъ стихомъ сначала Гуляютъ нынѣ лишь метели,
слѣдовало только: Да стан вольныхъ облаковъ.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли, Скала угрюмаго Казбека... и т. д.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

„ДЕМОНА“.

I.

(1829 г.).

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Я буду петь, пока поется,
 Пока волненья позабыть,
 Пока высокимъ сердце бьется,
 Пока я жизнь не пережилъ.
 Въ душѣ горять, хотя безвѣстнѣй,
 .Лучи небеснаго огня;
 Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
 Мой другъ, не требуй отъ меня...
 Я умръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
 Забыта мною сторона
 Давно. Какъ скученъ день осенний,
 Такъ жизнь моя была скучна;
 Такъ впечатлѣній непріятныхъ
 Душа всегда была полна;
 Понынѣ о годахъ развратныхъ
 Не престаетъ скорбѣть она.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Я буду петь, пока поется,
 Пока, друзья, въ груди моей
 Еще высокимъ сердце бьется
 И жалость не погибла въ ней!
 Но той веселости прекрасной
 Не требуй отъ меня напрасно;
 И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,
 Ты не вернешь: ихъ нѣть, какъ нѣть...
 Какъ солнце осени суровой,
 Такъ пасмурна и жизнь моя.
 Среди людей скучаю я:
 Минѣ впечатлѣніе не ново...
 И вотъ печальная мечты,
 Плоды душевной пустоты!

Печальный демонъ, духъ изгнанья
 Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
 И лучшихъ дней воспоминанья
 Чредой тѣснились передъ нимъ;
 Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,

Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращалъся отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

«Демонъ узнаетъ, что ангелъ любить одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстилъ ее, рассказывая, что Богъ несправедл. и проч. Свою ист.»

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный следъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?...

«Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), и она его наконецъ любить; но демонъ видитъ ея ангела-хранителя, и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой».

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался:
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осениею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣеть пень горѣлый,
Сраженъ стрѣлою громовой:
Онъ прямо высится главой
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученою боленъ,

Ничъмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣдалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣра ничему
И ничего не припимая.

Въ полночь, между высокихъ скалъ.
Однажды, надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ, чернѣеть надъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпанную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голость... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значиль этого звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и муки,
Вѣка безплодныхъ размышеній—
Все оживилось въ немъ—и вновь
Погибшій вѣдасть любовь.

М.

О чѣмъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть...
Кто ты?... Мольба моя напрасна...
Чего ты хочешь?

Д.

Ты прекрасна.

М.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеніи не молись:
Не искусить пришель я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земные первыя мученья
И слезы первыя мои.

II.

ДЕМОНЪ.

(ПИСАНО ВЪ ПАНСИОНѢ, ВЪ НАЧАЛѢ 1830 ГОДА).

Cain. Who art thou?*Lucifer.* Master of Spirits.*Cain.* And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?*Luc.* I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.*Cain.* Are ye happy?*Luc.* We are mighty.*Cain.* Are ye happy?*Luc.* No: art thou?

1. Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой теснились передъ нимъ;
Техъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращался отъ него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ мира. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатю роковой
Все то, къ чему ни прикасался:
И часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму,
Душой измученnoю боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣрия ничему
И ничего не признавая.
2. Однажды вечеромъ межъ скаль
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,

Бѣглецъ эдема пролеталъ
 И грѣшныи взоромъ созерцалъ
 Земли пустынныя равнины.
 И зритъ: бѣльютъ подъ горой—
 Стѣна обители святой
 И башенъ странныя вершины.
 Межъ бѣдныхъ келій тишина.
 Встаетъ багровая луна.
 И въ усыпленную обитель
 Вступаетъ мрачный искуситель.
 Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
 Подобный звуку лютни, внемлеть
 И чей-то голосъ. Жадный слухъ
 Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
 Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ—
 Его крыло не шевелится,
 И—чудо!—изъ померклихъ глазъ
 Слеза свинцовая катится...
 Понынѣ возлѣ кельи той
 Насквозь прожженный виденъ камень
 Слезою, жаркою какъ пламень,
 Не человѣческой слезой.

3. Какъ много значить этотъ звукъ!
 Вѣка минувшихъ упоеній,
 Вѣка изгнанія и муки,
 Вѣка безплодныхъ размышленій:
 Все оживилось въ немъ опять;
 Но что жъ? Ему не воскресать
 Для иѣжныхъ чувствъ. Такъ, если мчится
 По небу лѣтнему порой
 Отрывокъ тучи громовой,
 И лучъ случайно отразится
 На сумрачныхъ краяхъ, она
 Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
 И дальше, дальше улетаетъ,
 Холодной гордостью полна.

Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
 Людскаго счастья тайный воръ,
 Минуя образъ позлащенный,
 Какъ будто видя въ немъ укоръ,
 Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
 Онъ зритъ божественные книги,
 Лампаду, четки и вериги;
 Но гдѣ же звуки; гдѣ же та,
 Къ которой сильная мечта
 Его влечеть?...

Она сидѣла
 Съ испанской лютнею въ рукахъ,
 И пѣсню горъ, играя, пѣла;
 И все, и все въ ея чертахъ
 Земной безопасностью дышало;
 И кольца мягкия кудреи
 Сбѣгали, будто покрывало,

На вѣки блѣдныя очей.
 Исполнена какой-то думой
 Младая волновалась грудь.
 Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
 Она задумала взглянуть.
 Какъ звѣзды омраченной дали
 Глаза монахини сияли;
 Ея лилейная рука,
 Бѣла, какъ утромъ облака,
 На черномъ платьѣ отдѣлялась;
 И отвѣчали струны ей,
 Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
 Тоской раскаянья, казалось,
 Была та пѣсня сложена.
 Межъ тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
 Въ окно, участiemъ полна,
 На дѣву, жертву грусти скрытной,
 Смотрѣла ясная луна.
 Окованъ сладкою игрою,
 Стоялъ злой духъ. Ему любить
 Не должно сердца допустить.
 Онъ связанъ клятвой роковою
 [И эту клятву молвилъ онъ,
 Когда блистающей Сіонъ
 Оставилъ съ гордымъ сатаною].

.

Онъ искушать хотѣлъ—не могъ;
 Не находилъ въ себѣ искусства;
 Забыть—забвенья не даль Богъ;
 Любить—не доставало чувства.
 Что дѣлать? Новые мечты
 И чуждыя понынѣ муки!

(Онъ былъ бы для любви готовъ
 Оставить полкъ своихъ духовъ,
 И безъ могущества, безъ силы,
 Скитаться посреди міровъ,
 Какъ трупъ вампира, изъ могилы
 Исторгшись, бродить межъ людей
 Страшилищемъ нѣмыхъ почей...
 Легокъ, какъ падающій снѣгъ
 По вѣтру, средь зимы холодной,
 Мой демонъ, волею свободный,
 Летучій направляетъ бѣгъ—
 Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые
 Земные слезы уронилъ,
 Нарушилъ клятвы роковыя
 И князя бездны раздражилъ). ¹⁾
 Такъ, демонъ, слыша эти звуки.
 Земную страсть извѣдалъ ты ^{2).}
 Ты плакалъ горькими слезами,

¹⁾ Въ скобкахъ печатаются стихи, вычеркнутые Лермонтовымъ.

²⁾ Вар. Чудесно измѣнился ты.

Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣль лежить межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣть;
Когда ты зналъ, что не принудить
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твою жертвой будетъ.

И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелестъ звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенія
Ужъ не загладить ничего...

4. (Но кто-жъ она? Зачѣмъ скрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольный пленъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежда
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это-ль бѣдное житѣ,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли—о томъ узнать
Никто не думалъ испытать...
Какъ часто дѣва у окошка
Взирала на берегъ морской;
Печаль ея хотя немножко
Въ то время дѣлалась живой.
На морѣ вихри бушевали
И волны синія вставали;
А дѣва—взоръ ясный лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ.
Но съ той минуты, какъ нечистый
Къ ней приходилъ въ ночи тѣнистой,
Она молиться ужъ неидетъ
И не играетъ, не поетъ;
Ей колокола звонъ противенъ,
Въ ней кроется холодный ядъ,—
Ни моря шумъ, ни вѣтъ, ни ливень
Мечты, какъ было, не родятъ).

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный
И съ любопытствомъ прочиталъ

Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣриль, и порой
Жалѣль обѣ ней въ часы мечтанья.
Онъ перевѣль на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ!

5. Печальный демонъ удаился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посыпаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, пеѣзжалый путь.
Когда метель гудить и свищетъ
Онъ охраняетъ пришлѣца,
Сдуваеть снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
(И часто прежней пустоты
Онъ слышитъ муки. Красоты
Волшебный станъ предъ нимъ витаетъ,
И пламя новое мечты
Его крылами обнимаетъ.
Изгпанникъ помнить свѣть небесь,
Огни потеряннаго рая;
Тоской пеистовой сгорая,
Онъ зажигаетъ темный лѣсь,—
Любясь на пожаръ трескучій.
Скалы на корнѣ вѣковомъ
Срываля, какъ нежданный громъ,
Свергаеть внизъ рукой могучей—
И гулъ подъемлется кругомъ...)
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молнѣй и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить.
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все то его тревожить,
Что прежде: тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любить онъ.
И хочеть въ путь опять пускаться,

Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6. Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлые, и келью,
И подъ рѣшотчатымъ окномъ
Цвѣтушій садикъ.—И кругомъ
Обходитъ демонъ; но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Воть дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ,
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто бы онъ тамъ погубить,
Что на минуту отдалъ рокъ...
Теперь лишь видно, что онъ любить!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень неземной крови—
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!..
- Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлая струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.
- (пѣснь монахини.)
- Незримый ангелъ пѣлъ мнѣ разъ
Про міръ иной. Съ того мгновенія
Спокойствіе бѣжитъ отъ глазъ;
Уснула—сна желанный часъ
Тревожать чудныя видѣнья.
Какъ заахъ милаго цвѣтка
Вѣсть подаетъ объ немъ порою,
Такъ знаю я, когда тоска
Покинеть грудь мою слегка,—
Что ангель счастія со мною.
Я одного его люблю,
За-то любовью безконечной;
И слышитъ пѣсню онъ мою
Въ какомъ бы ни былъ онъ краю.
Нѣжнѣй меня его любить
Не станетъ женщина другая;
Но долженъ мнѣ Творецъ простить,—
Любовь къ нему не можетъ быть
Преступна, какъ любовь земная.)

ПѢСНЬ МОНАХИНИ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангель святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ иль ко мнѣ,—
Я напрасно бѣ старалась узнать.
Быть-можеть, то было во снѣ...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя-ли мнѣ спать ¹⁾.

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понѣнѣ съ младенческихъ дней;
Но видѣть душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста какъ мой ангель опа,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ—
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ

Явился мнѣ;

Онъ будстъ для меня всегда

Звѣзда

Надеждъ въ иной странѣ.

Моей виной,

Создатель мой,

Любовь къ нему не можетъ быть:

Любить

Приказали тобой!

7. Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ упесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пить ея дыханья?
Не вздохъ любви—могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груды разбитой
Протяжно вышелъ паконецъ,
И сердце, яростью облито,
Отяжелѣло какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ; хоть взоръ отверстъ,
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья—но къ чему?
Что показалося ему?

8. Послашникъ рая, ангель нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блестающимъ челомъ

¹⁾ Var. О, зачѣмъ долженъ сонъ улетать.

Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣпилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!..
И миценье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣспятся! сколько думъ
Мѣняетъ беспокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть падо.
Ее не поцадить онъ вновь.
Погибнѣсть!—Прожая любовь
Не будеть для цепь оградой!..

9. Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь счастия возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ бы демонъ сожалѣвъ,
И благодатное прощепье
Ему-бѣ случилось получить.
Но поздно! сны безгрѣшный рай
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ;
Кицить онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ. ¹⁾
(И вотъ, облекшись въ образъ томный,
Обманчивый онъ принялъ видъ:
Онъ юноша печальный, скромный,
Какой-то тѣнью взоръ облить;
Его опущенные крылья
Обыяты участю безсилья;
На головѣ вѣнецъ златой
Померкнулъ и покрылся мглой).
Онъ образъ смертный приимаетъ
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черные горятъ...
Но что-жъ? Очей тѣхъ пламень—ядъ.

¹⁾ Но впрочемъ онъ перемѣнился
Не могъ бы: это былъ лишь сонъ,
И рано-ль, поздно-ль, пробудиться
Навѣки долженъ бытъ бы онъ.
Успѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишихъ
дней,—

Добро не ужилось бы въ ней;
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ бы демонъ никогда
И все въ немъ было бы чужое
И сталъ бы онъ несчастный вдвое.

Взгляните на волну, когда
Въ ней отражается звѣзда:
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ сребристыя струи!
Но что же? блескъ тотъ—блескъ
небесъ:
Не завладѣютъ имъ они,
Ихъ лучъ звѣзды той не со-
грѣеть:
Онъ гаснетъ—и волна темнѣеть.
Злой духъ не долго размышлялъ
Онъ не впервые отошлагъ...

Онъ ждеть, у стѣнь святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубить навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10. Лампада въ кельи чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидѣть,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣдила, внемлетъ.

О. А.

Страстей волненье позабыть
Я поклалась давно, ты знаешь!
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

ДУХЪ.

Ты прекрасна!

О. А.

Кто ты?

ДУХЪ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеніи не молись—
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ погамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставляй я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобы просить
У Бога вашего прощенья:

Я полюбиль мои мученья
 И не могу ихъ разлюбить.
 Но ты, ты можешь оживить
 Своей любовью неприворной
 Мою томительную лѣнь
 И жизни скучной и позорной
 Непролетающую тѣнь...

Такъ говорилъ онъ и рукою
 Онъ трепетную руку жаль,
 И поцѣлями порою
 Плечо дѣвицы покрывалъ:
 Она противиться не смѣла,
 Слабѣла, таяла, горѣла
 Отъ неизвѣстнаго огня,
 Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дря...

11. Въ часы суровой испогоды,
 Въ осенний день, когда межъ скаль,
 Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
 Восточный вѣтеръ бушевалъ,
 И темносѣрыми рядами
 Неслися тучи небесами:
 Зловѣщій колокола звонъ,
 Какъ умирающаго стонъ,
 Раздался глухо надъ волнами.
 Къ чemu манить отшельницъ онъ?..
 Не на молитву поспѣшили
 Въ обширный и высокій храмъ,
 Не двумъ счастливымъ женихамъ
 Свѣчи дрожащія пылали:
 Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
 Въ гробу мертвѣцъ лежалъ безгласный,
 И рядъ монахинь окружалъ
 Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
 Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ?
 И не видать во храмѣ ихъ?
 И кто мертвѣцъ? Едва примѣтны
 Остатокъ прежней красоты
 Являютъ мертвые черты;
 Уста закрытыя беззвѣтны,
 И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
 Сіи глаза не поселять,
 Хотя еще весьма недавно
 Владѣли бурною душой,
 Неизъяснимой, своенравной,
 Въ борьбѣ безумной и неравной
 Незнавшей власти надъ собой.
- За часъ до горестной кончины,
 Когда сырья ночи мгла
 На усыпленные долины
 Сребристой дымкою легла,—
 Духовника на мигъ единый
 Младая дѣва призвала,

Чтобъ жизни грѣшнаго дѣлныя
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтиль.
Онъ на лицѣ ея замѣтиль
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстояніихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
«О!.. демонъ!.. о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдиу... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
(Губитель девушки прелестной)—
Тогда не понялъ старецъ честный;
И жизнь монахини моей
Осталась людимъ неизвѣстной...
Но, говорить, какъ приесли
Къ могилѣ трупъ ея печальной,
И хоръ раздался погребальной,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь беззокойная летала.

12. Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустыла тихая обитель,
И время, обицій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталь жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждастъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсыпнѣ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріють отъ зимней непогоды
Искала въ кельи,—и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленіе
Её... Но нынче ни чему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мрѣть, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало,—
Но время вживѣ удержано
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,

И сильно плещеть и шумить,
 Когда волнами устремится
 Обнять береговой гранитъ;
 Онъ вдался въ море одиноко,
 На немъ чернѣетъ крестъ высокой;
 Всегда скалой отражена,
 Покрыта пѣной бѣлосѣжной,
 Тѣснится у волны волна,
 И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
 И удаляются толпой,
 Другимъ предоставляя бой.

13. Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,

Однажды, утренней порою,
 Съ глубокой думою стояль
 Дитя эдема, ангель мирный,
 И слезы молча утираль
 Своей одеждью сапфирной.
 И кудри мягкие какъ ленъ
 Съ главы вѣнчанной упадали,
 И крылья легкия какъ сонъ
 За бѣмыми плечами сіали.
 И былъ небесный сводъ надъ нимъ
 Украшенъ радугой цвѣтистой,
 (И былъ отраденъ воздухъ чистый)
 И волны съ пѣной серебристой,
 Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
 Къ склонамъ тѣсились вѣковымъ.
 Все было тихо. Взоръ унылый
 На небо подняль ангель милый,
 И съ непонятною тоской
 За душу грѣшницы младой
 Творцу молился онъ, и мнилось—
 Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...

Тогда надъ синей глубиной,
 Духъ гордости и отверженья
 (Летѣлъ съ вершины дикихъ горъ,
 Какъ будто прелести творенья
 Непозволительный укоръ.
 Какъ сводъ безлунный въ день осенний
 Былъ мраченъ искушитель-гений)
 Безъ щѣли мчался съ быстротой;
 Но ни раскаянья, ни миценя,
 Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
 Онъ побѣждать себя привыкъ,
 Не для другихъ его мученья!
 Онъ близъ могилы промелькнулъ,
 И, взоръ пронзительный кидая,
 Посла потеряннаго рая
 Улыбкой горькой упрекнулъ...

III.

(1831 г.)

Д Е М О Н Ъ.

По голубому небу пролеталь
Однажды демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ,
И вспоминаны передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ, и наконецъ
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно въ блескѣ вѣчно молодомъ.

Какъ было въ тотъ святой, великий часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянуль на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ, одинъ, одинъ...
Врагъ счастья—и порока властелинъ.

Изгнаникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ—тебѣ укоръ.
— Будь гордъ, старайся мстить, живи, губя.—
Но что жъ!—и зло не радуетъ тебя?

И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. «У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палиящей капли адскихъ муки.
И вѣчность [это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все]—имъ не страшна.
Нѣть, вѣчность для рабовъ не создана!

Такъ мыслилъ демонъ. Медленно крыломъ,
Спускался на землю, разсѣкалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ,
Весенний день, краснѣя, догоралъ.
Растенія и волны, вѣтеркомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучемъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво подымался надъ землей.

И только кресть пустынный, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ.
Но въ ихъ молчаны есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ всталла и луна. Повсюду сонъ.

Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любить шаръ твой золотой:

Въ его сіяны нѣжится она,
Одѣтая полуирозачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой; какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты, памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ?
Я хотѣлъ описать эту поэму въ стихахъ, но нѣть—въ прозѣ лучше.

IV.

(1833 г.)

Д Е М О Н Ъ.

I.

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда опь не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога
Не отвращаясь отъ него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ мира—и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался;
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощеня гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забыть и одинокъ—
Грозой оторванный листокъ—
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая ¹⁾.

¹⁾ Въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей затѣмъ сльдуетъ:

Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцевъ уроки:
У перемѣнчивыхъ людей
Не измѣнялись пороки!

Все также грозныя слова.

Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ—
Не предназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ стра-
даньямъ.

Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ чељ,
Сторожевые великаны,
Гнѣздились стаи облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Межу высокихъ береговъ.

О море, море!... Какъ прекрасны
Въ блестящий день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!...
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена
И, какъ царица молодая,
Течеть одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныхъ движенья,
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю беспечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безкощечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И бесполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣль и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ муки, безъ счастія, безъ цѣли...

Межу прибрежныхъ дикихъ скаль
Бѣглецъ эдема пролеталъ.
Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный міръ земной.
И зритъ въ туманѣ отдаленія
Верхи обители святой.
У стѣнь ея, прохлады полны,
Однообразно шепчутъ волны;
Кругомъ ея—густыхъ деревъ
Сплелись кудрявые вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, оставъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней—
Символъ спасенія забвенный—
Чернѣеть ржавый крестъ, согбенный
Усильемъ бури и дождей.
Межъ бѣдныхъ келій храмъ огромный.

Едва, сквозь длинное окно,
Глядить лампады лучъ нескромный.
Внутри все спить давнымъ-давно,
Все вокругъ таинственно темно.

Вотъ одипока и красна
Встасть двурогая луна.
И въ усыпешную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлеть
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ,—
Его крыло пе шевелится;
И—чудо!—изъ поморкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Попытъ возлѣ кельи той
Насквозь прожженый виденъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слозой.

Какъ много запачилъ этотъ звукъ!
Вѣка мипувшихъ уноеній,
Вѣка изгнанія и муки,
Вѣка бесплодныхъ размышеній
О настоящемъ, о быломъ—
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?... одной минутой рая
Не оживеть душа пустая!...
Бессильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться,—
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмить покровъ твой золотой.

Прошикуль въ келью, духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращасть взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей,
У стѣники дѣвственное ложе
[Луна, смысь, въ окно глядитъ],
А у окна... всесильный Боже!...
Что съ нимъ?... онъ млѣТЬ!... онъ дрожить!...
По струнамъ лютни ударяя,
Предъ нимъ, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной—
Была монахиня младая.
Она—сидѣла передъ нимъ,
Обытая жаромъ вдохновенъя,
Мила, какъ первый херувимъ,

Какъ звѣзды первыя творенья...
 Въ большихъ глазахъ ея порой
 Невнятно говорило что-то
 Невыразимою тоской,
 Неизъяснимою заботой...
 Полураскрытыя уста
 Живые изливали звуки;
 Въ нихъ было все: моленья, муки
 Слова надеждь, слова разлуки,
 И дѣтскихъ мыслей простота...
 И грудь высоко вздымалась,
 И обнаженная рука—
 Бѣй, чѣмъ утромъ облака—
 Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась...

Клянусь святыней гробовой,
 Лучемъ заката и востока,
 Властитель Персіи златой
 И ни единый царь земной
 Не щѣловалъ такого ока.
 Гаремовъ брызжущій фонтанъ
 Ни разу, лѣтнею порою,
 Своей алмазною росою
 Не обмывалъ подобный станъ.
 Ни разу гордый сынъ порока
 Не осквернялъ руки такой,—
 Клянусь святыней гробовой,
 Лучемъ заката и востока...

Духъ отверженія и зла
 Стоялъ недвижимъ у порога;
 Не смѣлъ онъ приподнять чела
 Страшася въ ней увидѣть Бога!
 Увы, въ душѣ его была
 Давно забытая тревога!
 Онъ искушать хотѣлъ,—не могъ,
 Не находилъ въ себѣ искусства;
 Забыть?—забвенья не далъ Богъ;
 Любить?—не доставало чувства.

И удалиться онъ спѣшилъ
 Отъ этой кельи, гдѣ впервые
 Нарушилъ клятвы роковыхъ,—
 Земной святыни уступилъ.
 Но прелестъ звуковъ и видѣнья
 Остались на душѣ его
 И въ памяти сего мгновенія
 Ужъ не изгладить ничего.

II.

Скажу-ль? Сначала думалъ онъ,
 Хотѣлъ во что бы то ни стало
 Исторгнуть изъ души какъ жало
 Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ.
 И, побѣдивъ свое презрѣніе,
 Онъ замѣшался межъ людей,

Чтобы ядомъ пагубныхъ рѣчей
 Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣніе.
 Но до него, какъ и при немъ,
 Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
 И полонъ скуки непонятной,
 Онъ скоро кинулъ міръ развратный,
 И на хребетъ пустынныхъ горъ
 Переселился съ этихъ поръ.
 Тамъ надъ жемчужнымъ водоиадомъ
 Себѣ пещеру отыскалъ,
 Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
 Душою жизнь ея объяль.
 Какъ часто на вершинѣ льдистой
 Одинъ межъ небомъ и землей,
 Какъ царь съ развѣянной главой,
 Подъ кровомъ радуги огнистой
 Сидѣлъ онъ—мрачный и нѣмой,
 И бѣлогривыя метели
 Какъ львы у ногъ его ревѣли.
 Какъ часто, подымая прахъ
 Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
 Одѣтый молньей и туманомъ,
 Онъ дико мчался въ облакахъ,
 Чтобы въ толѣ стихій мятежной
 Сердечный ропотъ заглушить,
 Спастись отъ думы неизбѣжной
 И незаввенное забыть.
 Но ужъ не то его тревожить,
 Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
 Прошелъ... Любить онъ можетъ, можетъ...
 И въ самомъ дѣлѣ любить онъ.
 И хотеть въ путь опять пускаться,
 Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
 И невозвратно улетѣть.

Востока ясное свѣтило
 На небѣ юное взошло,
 И моря синее стекло
 Лучами утро озарило.
 Вотъ милый берегъ! вотъ она,
 Обѣтованная земля!
 Вотъ испещренная цвѣтами
 Густой лимонной рощи сѣнь,
 Вотъ предъ святыми воротами
 Часовня... Южный теплый день
 Играетъ яркими лучами
 По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ.
 Безмолвно-мраморныя плиты,
 Отъ стѣнъ ведущія во храмъ,
 Плющемъ душистымъ перелиты;
 Вокругъ него ряды крестовъ—
 Нѣмыя сторожа гробовъ,
 Какъ стадо лѣтомъ предъ грозой,
 Пестрѣя жмутся межъ собой...

Страшась надеждамъ волю дать,
 Къ знакомой кельѣ опь подходить.
 Кругомъ нея задумчивъ бродить—
 Жива-ль она? одна-ль? какъ знать?
 Къ дверямъ прильнуль онъ жаднымъ ухомъ,—
 Ни струнъ, ни пѣсни не слыхать!
 Невольно онъ смутился духомъ,
 Невольно, какъ въ пещеру змѣй,
 Закралось въ умъ его сомнѣнья,
 И вѣцій лучъ грядущихъ дней
 Сверкнулъ въ его воображеньи!
 То былъ лишь мигъ, но страшный мигъ.
 Смиривъ напрасное волненіе,
 Онъ въ келью свѣтлую проникъ...
 Взошель, взглянуль... ужасный крикъ,
 Какъ бури свистъ порой ночною,
 Раздался въ воздухѣ пустомъ,
 И яростъ адскою волною
 Какъ лава разлилась по немъ.
 Простите кроткія надежды
 Любви, блаженства и добра,—
 Открылъ дремавшія онъ вѣжды...
 И то сказать—давно пора!

Посланий разъ, ангель пѣжный,
 Въ одаждѣ дымной бѣлосиѣжной
 Стоялъ съ блистающимъ челомъ
 Передъ монахиней прекрасной.
 И отъ врага, съ улыбкой ясной,
 Пріосенялъ ее крестомъ.
 Они счастливы, святы оба!...
 Довольно! ненависть и злоба
 Взыграли демонской душой.
 Онъ вышелъ твердою стопой.
 Онъ вышелъ,—сколько чувствъ различныхъ,
 Съ давнишихъ поръ ему привычныхъ,
 Въ душѣ тѣсняться; сколько думъ
 Мѣняясь недовольный умъ!
 Красавицѣ погибнуть надо,
 Ее не пощадить опь вновь,
 Погибнетъ: прежняя любовь,
 Не будетъ для нея оградой!..
 Свершилось! онъ опять таковъ,
 Какимъ лвился межъ рабовъ
 Великому Царю вселенной
 Въ часы той битвы незабвенной,
 Гдѣ на преступное чело
 Проклятье вѣчное легло!

Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блужданъ,
 Когда останется одна
 Его монахиня младая;
 Когда нескромная луна
 Взойдетъ, пустыню озаряя;
 Онъ ожидаетъ часъ глухой,

Текущий подъ ночною тглой
 Часть тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
 И незамѣтныхъ преступлений.
 Онъ къ ней прокрадется туда,
 Подъ сѣнь обитали успившій,
 И тамъ погубить навсегда
 Предметъ любви своей минувшей!...
 Лампада въ кельѣ чутъ горитъ.
 Лукавый съ дѣвою сидитъ,
 И чудный страхъ ее объемлетъ;
 Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

МОНАХИЯ.

Забыть волненія страстей
 Я поклялась давно, ты знаешь;
 Къ чему-жъ теперь меня смущаешь
 Любовью странною своей?...
 О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
 Чего ты хочешь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Ты прекрасна!

МОНАХИЯ.

Кто ты?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Я демонъ. Не страшись:
 Святыни здѣшней не нарушу;
 И о спасеніи не молись,—
 Не искусить пришелъ я душу.
 Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
 Несу покорнаго моленія,
 Земпныя первыя мученія
 И слезы первыя мои.
 Не отгоняй меня укоромъ,
 Не выжимай изъ груди стонъ,—
 Несправедливымъ приговоромъ
 Я на изгнанье осужденъ.
 Не зная радости минутной,
 Живу надъ моремъ и межъ горъ,
 Какъ перелетный метеоръ,
 Какъ степи вѣтеръ, безпріютный.
 И слишкомъ гордъ я, чтобы просить
 У Бога вашего прощенія.
 Я полюбилъ мои мученія
 И не могу ихъ разлюбить.
 Но ты, ты можешьъ оживить
 Своей любовью непріитворной
 Мою томительную лѣни
 И жизни скучной и позорной
 Непролетающую тѣнь...

МОНАХИЯ.

Кчему мнѣ знать твои печали,
 Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
 Ты согрѣшилъ...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Противъ тебя ли?

МОНАХИНА.

Насъ могутъ слышать.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мы одни.

МОНАХИНА.

А Богъ?....

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

На насъ не кинеть взгляда,
Онъ занятъ небомъ, не землей!

МОНАХИНА.

А наказанье? Мука ада?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая...

Оставь сомнѣнія свои.

И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя беспечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носить все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣть.
Благословиши ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

МОНАХИНА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Оставь, не вѣрю я врагу!
Творецъ... увы! Я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объяты!
Послушай! ты меня погубиши!
Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! Полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо сняль вѣнецъ терновый,—
Я все былое бросилъ въ прахъ.
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Я проклялъ прошлую беспечность:

Съ тобою розно міръ и вѣчность—
Пустыя звучныя слова,
Прекрасный храмъ безъ божества.
Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоенъемъ, всею властью
Бесмѣртной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись, но пожалѣй!
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужница чудныхъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной
Его усыплю той росой;
Лучемъ румяна го заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Черготи пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земнос—
Люби меня...

И онъ слегка
Прижался страстными устами
Къ ея пылающимъ устамъ;
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Онъ неизвѣстнаго огня,
Какъ блѣдый воскъ отъ взоровъ дня.

Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутої,
Когда ударила часъ урочнѣй,
Бродилъ съ чугунною доской.
Но возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укратилъ,
И руку надѣлъ доской чугунной,
Смутясь душой остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышать онъ
Двухъ усть согласное лобзанье,
Невнятный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье

Прокралось въ душу старика:
 «То не отшельницы моленье!»—
 Подумалъ онъ,—и до замка
 Уже коснулся... Тихо снова,
 Ни словъ, ни шуму не слыхать...
 Канонъ угодника святаго
 Спѣшить онъ въ страхѣ прочитать;
 Крестить дрожащими перстами
 Мечтой взволниованную грудь,
 И молча, скорыми шагами
 Обычный продолжаетъ путь.

За часъ до солнечнаго всхода,
 Еще высокій берегъ спалъ,
 Вдругъ зашумѣла непогода
 И океанъ забушевалъ.
 И вмѣстѣ съ бурей и громами,
 Какъ умирающаго стонъ,
 Раздался глухо надъ волнами
 Зловѣщій колокола звонъ.
 Не для молитвы призывали
 Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
 Не двумъ счастливымъ женихамъ
 Свѣчи дрожащія пылали:
 Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
 Досками черными обитый,
 И въ томъ гробу мертвѣцъ лежалъ,
 Холоднымъ саваномъ увитый.
 Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ?
 И не видать во храмѣ ихъ?
 И кто мертвѣцъ? Едва примѣтны
 Остатокъ прежней красоты
 Являютъ блѣдныя черты;
 Уста закрытыя безмолвны,
 И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
 Сіи глаза не поселять,—
 Хотя еще весьма недавно
 Владѣли пылкою душой,
 Неизѣяснимой, своенравной,
 Въ борьбѣ безумной и неравной
 Незнавшей власти надъ собой!
 И иѣть тебя, младал дѣва!...
 Какъ злакъ потопленныхъ полей,
 Добыча ревности и гнѣва,
 Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
 Напрасно будетъ солнце юга
 Игратъ привѣтно надъ тобой,
 Напрасно будетъ дождь и вьюга
 Ревѣть надъ плитой гробовой;
 Лобзанье юноши живое
 Твои уста не разомкнетъ!..
 Земля взяла свое земное—
 Она назадъ не отдастъ...

III.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
Пустѣла древняя обитель,
И время, вѣчный разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный—
Добыча бури и дождей,
Сталь молчаливъ, какъ мавзолей,—
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной
Блуждаетъ вѣтъ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ,
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладеть сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжалъ со скаль крутыхъ⁷
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріють отъ зимней непогоды
Искала въ кельи—и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время пичему
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ,—то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало.
И время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...

И море пѣпитъ и злится,
И сильно плещеть и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море, одинокій,
Надъ нимъ чернѣеть кресть высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью бѣлоснѣжной,
Толпитъся у волны волна,
И слышень ропотъ ихъ мятеjный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангель мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждью сапфирной.
И кудри мягкия какъ ленъ
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья, легкия какъ сонъ,
За бѣлыми плечами сіяли.
И былъ небесныи сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой;

И волны съ пѣной серебристой
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангель милый;
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ,—и мнилось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилас... .

Тогда надъ синей глубиной
Духъ отверженья и порока
Безъ цѣли мчался съ быстротой
Новорожденнаго потока;
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась,
По слѣду крылья его тащилась,
Багровой молніи струя.
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и пенавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая.
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

М Ц Й Р И.¹⁾

(1840 г.).

Вкушая вкусихъ мало меда, и
се азъ умираю.

І Книга Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ.
Тамъ, гдѣ сливаются шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видѣть пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильница благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насть.
Теперь одинъ старикъ сѣдой.
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертю забыть,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,

¹⁾ *Мцири*—на грузинскомъ языке значить «неслужащій монахъ», нѣчто въ родѣ «послушника».

Которыхъ надпись говорить
О славѣ прошлой—и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

И Божья благодать сошла
На Грузію!—Она цвѣла
Съ тѣхъ порь въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаясь враговъ
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генераль
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣниаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакоомъ ищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгаль онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ.
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣть
Изречь монашескій обѣтъ;

Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ,
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ, ¹⁾
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ: ²⁾

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если-бъ могъ. ³⁾

¹⁾ После этого стиха и до конца главы первонациально было:

И вотъ, предсмертною тоской
Уже томиться сталъ больной.
Тогда рѣшился онъ сорвать
Молчанья гордаго печатъ.

²⁾ ...И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда одинъ святой чернецъ
Уговорилъ его сорвать
Молчанья гордаго печатъ.
И сердце, скжатое тоской,
Предъ смертью высказалъ боль-

ной.

Старикъ, качая головой,

Ему винимъ; понять не могъ
Онъ этихъ жалобъ и тревогъ,
И рѣчью хладною не разъ
Онъ прерывалъ его рассказъ.

³⁾ Первоначально замѣнило до конца главы сильдовано:

Когда-бъ я быль хоть вольный
Звѣрь,
Я не томился-бъ, какъ теперь,
Души болѣзнио нѣмой;
Я-бъ отыскаль врага и бой,
Я-бъ разомъ умеръ, не грустя,
Судьбѣ покорный, какъ дитя.

Я зналъ одной лишь думы власть,
 Одну—но пламенную страсть:
 Она какъ червь во мнѣ жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 Отъ келий душныхъ и молитвъ
 Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
 Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
 Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
 Я эту страсть во тьмѣ ночной
 Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю,
 И о прощеньи не молю.

IV.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
 Что ты меня отъ смерти спасъ.—
 Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
 Грозой оторванный листокъ,
 Я выростъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
 Душой дитя, судьбой монахъ.
 Я никому не могъ сказать
 Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ,—
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ—могиль!

Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
 Въ душѣ я клятву произнесъ:
 Хотя на мигъ, когда-нибудь,
 Мою иылающую грудь
 Прижать съ тоской къ груди другой,
 Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья тѣ
 Погибли въ полной красотѣ,
 И я, какъ жиль, въ землѣ чужой
 Умру рабомъ и сиротой.

V.

«Меня могила не страшить:

Тамъ, говорять, страданье спить
 Въ холодной вѣчной тишинѣ;
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
 Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и иолей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижалвшись, голубъ молодой
 Сидѣть, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Что за нужда? Ты жилъ, старикъ! ¹⁾
 Тебѣ есть въ мірѣ чѣмъ забыть,
 Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

VI.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
 На волѣ?—Пышные поля,
 Холмы, покрытые вѣнцомъ
 Деревъ, разросшихся кругомъ,
 Шумящихъ свѣжею толпой,
 Какъ братья въ пляскѣ круговой.
 Я видѣлъ груды темныхъ скаль,
 Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
 И думы ихъ я угадалъ:
 Мнѣ было выше то дано!
 Простерты въ воздухѣ давно
 Обѣяния каменные ихъ
 И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
 Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
 Имъ не сойтися никогда!
 Я видѣлъ горные хребты,

¹⁾ Ты много жилъ и долго; въ столько

льть

Пережила душа твоя.

Успѣлъ узнать людей и свѣтъ
 И много горести и бѣдъ

Но, Боже, вѣрно такъ, какъ я,
 Ты не страдалъ.

Причудливые какъ мечты.
 Когда въ часъ утренней зари
 Курилися какъ алтари,
 Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
 И облачко за облачкомъ,
 Покинувъ тайный свой noctlegъ,
 Къ востоку направляло бѣгъ,
 Какъ будто бѣлый караванъ
 Залетныхъ итицъ изъ дальнихъ странъ!
 Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
 Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
 Сѣдой, незыблемый Кавказъ;
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Минѣ тайный голосъ говорилъ,
 Что нѣкогда и я тамъ жиль,
 И стало въ памяти моей
 Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
 Ущелье наше, п кругомъ
 Въ тѣни разсыпанный ауль;
 Минѣ слышался вечерній гуль
 Домой бѣгушихъ тауновъ
 И дальній лай знакомыхъ псовъ.
 Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
 При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
 Противъ отцовскаго крыльца
 Сидѣвшихъ съ важностью лица;
 И блескъ оправленныхъ ножонъ
 Кинжаловъ длинныхъ... И какъ сонъ
 Все это смутной чередой
 Вдругъ пробѣгало предо мной.
 А мой отецъ? Онъ какъ живой
 Въ своей одеждѣ боевой
 Являлся мнѣ.— и помнилъ я
 Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
 И гордый, непреклонный взоръ,
 И молодыхъ моихъ сестеръ,—
 Лучи ихъ сладостныхъ очей,
 И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчи
 Надъ колыбелю моей...
 Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ.

Онъ пшменъ быль, но неглубокъ;
 Къ нему, на золотой песочъ,
 Играть я въ полдень уходилъ
 И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
 Когда онъ, передъ дождемъ,
 Волны касалися крыломъ.
 И вспомнилъ я нашъ мирный домъ,
 И предъ вечернимъ очагомъ
 Разсказы долгіе о томъ,
 Какъ жили люди прежнихъ дней,
 Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
 На волѣ? Жилъ, и жизнь моя
 Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
 Была-быть печальнѣй и мрачнѣй
 Безсильной старости твоей.
 Давнымъ-давно задумалъ я
 Взглянуть на дальняя поля;
 Узнать, прекрасна-ли земля:
 Узнать, для воли иль тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы.
 И въ часъ ночной, ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 Я убѣжалъ. О! я какъ братъ
 Обняться съ бурей быль бы радъ,
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнію ловилъ...
 Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнь
 Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
 Той дружбы краткой, но живой,
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

IX.

«Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
 Не знаю! Ни одна звѣзда
 Не озаряла трудный путь.
 Мнѣ было весело вдохнуть
 Въ мою измученную грудь
 Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,—
 И только. Много я часовъ

Бѣжалъ, и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣть.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различаль я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не скаль души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался какъ змѣи.

X.

«Внизу глубоко подо мною
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣль, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотни голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчны ропотъ, вѣчны споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихаль онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнуль листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю,
Мнѣ стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ.
Туда вели ступени скаль,
Но лишь злон духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

«Кругомъ меня цвѣль Божій садъ.
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ деревъ
 Прозрачной зеленою листовъ;
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой
 Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ,
 И снова вслушиваться стала
 Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И все природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался
 Въ торжественный хваленъя часть
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы—имъ ужъ нѣть слѣда;
 Но я-бъ желалъ ихъ разсказать.
 Чтобы жить, хоть мысленно, опять.
 Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевой!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться стала.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты.
 Держась за гибкіе кусты.
 Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ—за нимъ бразда
 Дымилась, прахъ вился столбомъ:
 Гудя и прыгая, потомъ

Онь поглощаемъ быль волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной,—
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
 Новѣяла навстрѣчу мнѣ,
 И жадно я припалъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ — легкій шумъ шаговъ...
 Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
 Невольнымъ трепетомъ обѣять,
 Я поднялъ боязливый взглядъ
 И жадно вслушиваться сталъ.
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузинки голосъ молодой,
 Такъ безъискусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звуки дружескихъ именъ
 Произносить былъ пріученъ.
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ залегла;
 И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
 Незримый духъ ее поеть.

ХIII.

«Держа кувшинъ надъ головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила къ берегу. Порой
 Она скользила межъ камней,
 Смѣясь неловкости своей.
 И бѣденъ былъ ея нарядъ;
 И шла она легко, назадъ
 Изгибы длинные чадры
 Откинувъ. Лѣтніе жары
 Покрыли тѣнью золотой
 Лицо и грудь ея; и знай
 Дышаль отъ устья ея и щекъ.
 И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
 Такъ полонъ тайнами любви,
 Что думы пылкія мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звонъ—когда струя
 Бливалась медленно въ него—
 И шорохъ... больше ничего.

Когда же я очнулся вновь
 И отлила отъ сердца кровь,
 Она была ужъ далеко;
 И шла хоть тише—но легко,
 Стройна подъ ношою своей,
 Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко, въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымокъ струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилася опять...

— Тебѣ, я знаю, не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если-бъ могъ—мнѣ было-бъ жаль:
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

xiv.

«Трудами ночи изнуренъ,
 Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
 Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
 И снова видѣлъ я во снѣ
 Грузинки образъ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заныла грудь.
 Я долго силился вздохнуть —
 И пробудился. Ужъ луна
 Вверху сияла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней,
 Какъ за добычею своей,
 Объятъя жадныя раскрывъ.
 Миръ теменъ былъ и молчаливъ;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цѣпи сиѣговой
 Вдали сверкали предо мной,
 Да въ берега плескалъ потокъ.
 Въ знакомой саклѣ огонекъ
 То трепеталъ, то снова гасъ:
 На небесахъ въ полночный часъ
 Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
 Хотѣлось мнѣ... но я туда

Взойти не смѣль. Я цѣль одну,—
Пройти въ родимую страну,
Имѣть въ душѣ,—и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ, дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

xv.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный илющемъ:
Все лѣсь былъ, вѣчный лѣсь кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И миллиономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждого куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева,—
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсь.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленїи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣгъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ,—克莱нусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

xvi.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсь,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной

Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ, и легъ,
Играя, навзничъ на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ:
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ; и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ kraю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

XVII.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вои
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердito лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скакочокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсекъ...
Онъ застоналъ какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закончилъ, смертельный бой!

XVIII.

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть

Мое оружье... Онъ завылъ,
 Рванулся изъ послѣднихъ силь,
 И мы, сплетаясь какъ пара змѣй,
 Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
 Упали разомъ, и во мглѣ
 Бой продолжался на землѣ.
 И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
 Какъ барсъ пустынныи, золь и дикъ,
 Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
 Какъ будто самъ я былъ рожденъ
 Въ семействѣ барсовъ и волковъ
 Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
 Казалось, что слова людей
 Забылъ я,—и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Зрачки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно—и потомъ
 Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
 Но съ торжествующимъ врагомъ
 Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
 Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

XIX.

«Ты видишь на груди моей
 Слѣды глубокіе когтей;
 Еще они не заросли
 И не закрылись; но земли
 Сырой покровъ ихъ освѣжитъ
 И смерть навѣки заживить.
 О нихъ тогда я позабылъ,
 И, вновь собравъ остатокъ силъ,
 Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
 Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
 Она смеялась надо мной!

XX.

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
 Проснулся день, и хороводъ
 Свѣтилъ напутственныхъ исchezъ
 Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ

Заговорилъ. Вдали ауль
 Куриться началъ. Смутный гуль
 Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
 Я сѣль и вслушиваться сталъ;
 Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
 И кинулъ взоры я кругомъ:
 Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.¹⁾
 И страшно было мнѣ,—понять
 Не могъ я долго, что опять
 Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
 Что бесполезно столько дней
 Я тайный замыселъ ласкалъ,
 Терпѣлъ, томился и страдалъ...
 И все зачѣмъ?.. чтобы въ цвѣтѣ лѣть,
 Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
 При звучномъ ропотѣ дубравъ
 Блаженство вольности познавъ,
 Унести въ могилу за собой
 Тоску по родинѣ святой,
 Надеждѣ обманутыхъ укорѣ

¹⁾ Съ этого стиха и до конца главы сначала было:

И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
 Когда я пѣть хвалу Тому,
 Тотъ край казался мнѣ знакомъ... Кто на землѣ мнѣ одному
 И странно, страшно стало мнѣ! Даъ вмѣсто родины—тюрьму...
 Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ Другой варъянтъ со стиха—
 Раздался звукъ... и въ этотъ разъ Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь:
 Я понялъ смыслъ его тотчасъ: «О Боже! думалъ я: зачѣмъ
 То былъ предвѣстникъ похоронъ— Ты далъ мнѣ то, что далъ Ты
 Большаго колокола звонъ. всѣмъ—
 И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ: И крѣпость силь, и мысли власть,
 Казалось, звонъ тотъ выходилъ Желанья, молодость и страсть.
 Изъ сердца, будто кто-нибудь Зачѣмъ Ты умъ наполнилъ мой
 Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь. Неутолимою тоской
 И вдругъ унылой чередой По дикой волѣ?.. почему
 Дни дѣтства встали предо мной. Ты на землѣ мнѣ одному
 И вспомнилъ я вашъ темный храмъ Даъ вмѣсто родины тюрьму?
 И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ Ты не хотѣлъ меня спасти!
 Изображенія святыхъ Ты мнѣ желаннаго пути
 Твоей земли. Какъ взоры ихъ Не указалъ во тьмѣ ночной...
 Сѣдили медленно за мной И нынѣ я—какъ волкъ ручной...
 Съ угрозой мрачной и пѣмой! Такъ я ропталъ. То былъ, старики,
 И на рѣшотчатомъ окнѣ Отчаянья безумный крикъ,
 Играло солнце въ вышинѣ... Страданье вынужденный стонъ...
 О, какъ туда хотѣлось мнѣ, Скажи, вѣдь буду я прощень?
 Отъ мрака кельи и молитвъ, Я былъ обманутъ въ первый разъ!
 Въ тотъ чудный міръ страстей и До сей минуты каждый часъ
 битвъ... Надежду темную дарилъ:
 Я слезы горькія глоталъ Молился я, и ждалъ, и жилъ.

И вашей жалости позоръ!..
 Еще въ сомнѣнья погруженъ,
 Я думалъ: это страшный сонъ...
 Вдругъ дальний колокола звонъ
 Раздался снова въ тишинѣ,—
 И тутъ все ясно стало мнѣ...
 О, я узналъ его тотчась!
 Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
 Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
 Про миныхъ близкихъ и родныхъ,
 Про волю дикую степей,
 Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
 Про битвы чудныя межъ скаль,
 Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣжалъ!..
 И слушалъ я безъ слезъ, безъ силь.
 Казалось, звонъ тотъ выходилъ
 Изъ сердца—будто кто-нибудь
 Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
 И смутно понялъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда.

xxi. ¹⁾

«Да, заслужилъ я жребій мой!
 Могучій конь, въ степи чужой
 Плохаго сбросивъ сѣдока,
 На родину издалека
 Найдеть прямой и краткій путь...
 Чѣмъ я предъ нимъ?—Напрасно грудь
 Полна желанья и тоской:
 То жаръ безсильный и пустой, ²⁾
 Игра мечты, болѣзнь ума.
 На мнѣ печать свою тюрьма
 Оставила... Таковъ цвѣтокъ
 Темничный: выросъ одинокъ

xxi.

О, я узналъ тотъ вѣцій звонъ!
 Къ нему быть съ дѣтства пріученъ
 Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда!
 И быстро духомъ я упаль.
 Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
 Вонзаясь въ сердце, говорять,
 Такъ въ жилахъ разливается

хладъ...

Я презиралъ себя. Я былъ
 Для слезъ и бѣшенства безъ силь;
 Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
 Свое ничтожество постигъ,
 И задушилъ въ груди моей
 Слѣды надежды и страстей,
 Какъ душить оскорбленный змѣй
 Своихъ трепещущихъ дѣтей...
 — Скажи, я слабою душой
 Не заслужилъ-ли жребій свой?..
²⁾ То жаръ напрасный и пустой...

И блѣденъ онъ межъ плить сырыхъ;
 И долго листьевъ молодыхъ
 Не распускаль, все ждалъ лучай
 Живительныхъ. И много дней
 Прошло, и добрая рука
 Печалью тронулась цвѣтка,
 И былъ онъ въ садѣ перенесенъ,
 Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
 Дышала сладость бытія...
 Но что-жъ? Едва взошла заря,
 Палящій лучъ ея обжогъ
 Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

«И, какъ его, палилъ меня
 Огонь безжалостнаго дня.
 Напрасно прятать я въ траву
 Мою усталую главу:
 Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
 Терновымъ надъ моимъ челомъ
 Свивался,—и въ лицо огнемъ
 Сама земля дышала мнѣ.
 Сверкая быстро въ вышинѣ,
 Кружились искры; съ бѣлыхъ скаль
 Струился паръ. Міръ Божій спалъ
 Въ озѣпенѣніи глухомъ,
 Отчаянья тяжелымъ сномъ.
 Хотя-бы крикнулъ коростель,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась, или ручья
 Ребячій ленеть... Лишь змѣя,
 Сухимъ бурьяномъ шелестя,
 Сверкая жолтою спиной,
 Какъ будто надписью златой
 Покрытый до-низу клинокъ,
 Браздя разсыпчатый песокъ,
 Скользила бережно; потомъ,
 Играя, нѣжася на немъ,
 Тройнымъ свивалася кольцомъ:
 То, будто вдругъ обожжена,
 Металась, прыгала она,
 И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

XXIII.

«И было все на небесахъ

Свѣтло и тихо. Сквозь пары
 Вдали чернѣли двѣ горы.
 Нашъ монастырь изъ-за одной
 Сверкаль зубчатою стѣной.
 Внизу Арагва и Кура,
 Обвивъ каймой изъ серебра
 Подошвы свѣжихъ острововъ,
 По корнямъ шепчущихъ кустовъ
 Бѣжалы дружно и легко...
 До нихъ мнѣ было далеко!
 Хотѣлъ я встать,—передо мной
 Все закружилось съ быстротой;
 Хотѣлъ кричать,—языкъ сухой
 Беззвученъ и недвижимъ быгъ...
 Я умиралъ. Меня томилъ
 Предсмертный бредъ.

Казалось мнѣ,

Что я лежу на влажномъ днѣ
 Глубокой рѣчки,—и была
 Кругомъ таинственная мгла.
 И, жажду вѣчную поя,
 Какъ ледъ холодная струя.
 Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
 И я боялся лишь заснуть—
 Такъ было сладко, любо мнѣ...
 А надо мною въ вышинѣ
 Волна тѣснилася къ волнѣ.
 И солнце сквозь хрусталь волны
 Сіяло сладостнѣй луны... ¹⁾
 И рыбокъ пестряя стада
 Въ лучахъ играли иногда.
 И помню я одну изъ нихъ:
 Она привѣтливѣй другихъ
 Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
 Была покрыта золотой
 Ея спина. Она вилась
 Надъ головой моей не разъ.
 И взоръ ея зеленыхъ глазъ
 Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
 И надивиться я не могъ:

¹⁾ За этимъ стихомъ первоначально смыдовало еще:
 Я въ чудный міръ быть унесенъ.
 О, еслибъ смерть—такой-же сонъ!

Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣль, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
Останься здѣсь со мною:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.

«Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

«Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

«О, милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...» ¹⁾

¹⁾ Первоначально до конца ма-
вь затмъ смыдовало:
Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ.
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой,
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудить,
Какъ будто тысяча копыть
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнью вокругъ,
И вижу: кто-то на конѣ,
Взвивая прахъ, летить ко мнѣ;
За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной ше-

Сверкали гордо ихъ глаза!
И съ дикими свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ,
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
Послѣдній щахъ мой отецъ...
И, вотъ кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня,
И, тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей;
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И стала онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;

домъ Но я какъ будто бы приросъ
Обернуть бѣлымъ башлыкомъ; Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ
И подъ кольчугою надѣть слезъ,
На каждомъ красный былъ беш- Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ—
метъ. И ничего не отвѣчалъ.

«И долго, долго слушалъ я;
 И мнилось, звучная струя
 Сливала тихій ропотъ свой
 Съ словами рыбки золотой.
 Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
 Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
 Безсилью тѣла уступилъ...»

XXIV.

«Такъ я найдёнъ и поднять былъ...
 Ты осталъное знаешь самъ.
 Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
 Или не вѣрь—мнѣ все равно.
 Меня печалитъ лишь одно:
 Мой трупъ холодный и нѣмой
 Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
 И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
 Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
 Вниманье скорбное ничье
 На имя темное мое.

XXV.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ.
 Ты чувствуешь: моя въ огнѣ...
 Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней,
 Таяся, жилъ въ груди моей;
 Но нынѣ пищи нѣть ему,
 И онъ прожогъ свою тюрьму,
 И возвратится вновь къ Тому,
 Кто всѣмъ законной чередой
 Даётъ страданье и покой...
 Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
 Въ святомъ, заоблачномъ kraю,
 Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
 Увы! за нѣсколько минутъ
 Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
 Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
 Я-бѣ рай и вѣчность промѣнялъ!..»

XXVI.

«Когда я стану умирать,—
 И вѣрь, тебѣ не долго ждать,—
 Ты перенестъ меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акацій бѣлыхъ два куста...
 Трава межъ ними такъ густа,

И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
 И такъ прозрачно золотистъ
 Играюцій на солнцѣ листъ!
 Тамъ положить вѣли меня.
 Сиянемъ голубаго дня
 Упьюся я въ послѣдній разъ.
 Оттуда виденъ и Кавказъ!
 Быть-можетъ онъ съ своихъ высотъ
 Привѣтъ прощальныи мнѣ пришлетъ,
 Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
 И близъ меня передъ концомъ
 Родной оиять раздастся звукъ!
 И стану думать я, что другъ
 Иль братъ, склонившись надо мною,
 Отеръ внимательной рукой
 Съ лица кончины хладный потъ,
 И что въ-полголоса поетъ
 Онъ мнѣ про милую страну...
 И съ этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!...»

[СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ].

(1841 г.).

*У*мчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
 И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
 Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
 [Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
 И публика не права, между тѣмъ.
 Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю;
 А самъ стиховъ давно я не читаю,—
 Не потому, чтобы не любилъ стиховъ,
 А такъ: смѣшно-жъ терять для звучныхъ строфъ
 Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
 Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.
 Стиховъ я не читаю; но люблю
 Марать, шутя, бумаги листъ летучій,
 Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю,
 Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
 И влажныхъ риомъ, какъ напримѣръ, на *ю.*
 Вотъ почему пишу я эту сказку.
 Ея волшебно-темную завязку
 Не стану я подробно объяснять,

Чтобъ кои-какихъ вопросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кния огнемъ и сплой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣль про демона инова:
То былъ безумный, страшный, дѣтскій бредъ...
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается-ль душистая перчатка
Ея листовъ—и слышно: *c'est joli?*..
Иль мышь надъ ней старается въ пыли?
Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта:
Аристократъ, и не похожъ на черта.

Перенестись теперь пропу сейчасъ
За мною въ спальню. Розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глязъ
Слѣдить ковра восточные узоры.
Пріятныи трепеть вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышеть воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираеть Мефистофель.

• То былъ-ли самъ великий сатана,
Иль мелкій бѣсь изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ?
Не знаю!—Если-бы имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ-бы сволочь различить со знатью;
Но духъ... извѣстно, что такое духъ!...
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ.
И мысль—безъ тѣла, часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сияль
Гакой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою

Сжималася,—и этотъ дикий бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдался—стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется-ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой!..
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ.
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ опъ;
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчъ его—коварныхъ искушеній
Была полна; вѣдь онъ не даромъ гений!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчанїѣ.
Пускай! зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула-бѣ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему... терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлую.

«Когда ты спишь, о, ангель мой земной,
И шибко бьется дѣвственнаю кровью
Младая грудь подъ грѣзою ночной,
Знай: это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся, и говорю съ тобои,
И въ тишинѣ, наставникъ твой случайныи,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталь надъ сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румялый западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались,—какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;

Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались, и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

«Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени:
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубые,
Глядя съ высотъ на горды прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнью палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощою ламиадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликоваль иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье!

«Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наследственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ быль онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьѣй,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно-темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

«Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,

Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблукомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашихъ франтахъ.

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли,
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостинной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой; и, блескъ смѣнивъ бывалой,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ,
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы.

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острыхъ словъ
Перебираль или читалъ Вольтера.
Какъ быть?—сильна къ преданнымъ въ людяхъ вѣра!
Имѣть онъ дочь четырнадцати лѣтъ,
Но съ ней видался рѣдко: за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной.
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ.
Или, скорѣй, какъ блѣдный цветъ подснежника.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большие стали глазки.
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна,—
И вдалекѣ мечты ея блуждали.
Но кае ее играть не посыпали.

«Тогда она сходила въ длинный залъ.
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ.
Между колоннъ. Разрытою могилой

Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ;
 И въ зеркалахъ являлися предметы
 Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
 Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
 Неясный шорохъ слышался вокругъ:
 То загремитъ, то снова тише, тише...
 [То были тѣни предковъ или мыши].

«И что-жъ?—Она привыкла толковать
 По-своему развалинъ говоръ странный,
 И стала мысль горячая летать
 Надъ блѣдною головкой, и туманный,
 Воздушный рой видѣній навѣвать.
 Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепеть
 Подслушивать, невинной груди трепетъ
 Слѣдить, ея дыханіемъ съ нѣмой,
 Мучительной и жадною тоской,
 Какъ жизнью, упиваться—это было
 Смѣшно, но мнѣ такъ ново и такъ мило!

«Влюбился я... И точно, хороша
 Была не въ шутку маленькая Нина.
 Нѣть, никогда свинецъ карандаша
 Рафаэля, иль кисти Перуджина
 Не начертали, пламенемъ дыша,
 Подобный профиль. Всѣ ея движенія
 Особаго казались выраженья
 Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
 Ея глаза не измѣняли ей,
 Тая равно надежду, радость, горе;
 И было тѣмно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ.

«Я понялъ, что душа ея была
 Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
 Для мукъ и счастья, для добра и зла
 Въ нихъ пищи много; только невозвратно
 Онѣ пдуть, куда ихъ повела
 Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
 И жалобы.—Имъ въ жизни нѣть уроковъ;
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
 Такія души я любилъ давно
 Отыскивать по свѣту на свободѣ:
 Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

«Ее смущали странныя мечты.
 Порой она среди пустаго зала
 Сиянье, роскошь, музыку, цвѣты,

Толпу гостей и шумъ воображала;
 Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты;
 На платьицѣ чудесные узоры
 Видѣлись ей,—и вотъ гремѣли шпоры:
 Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
 И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
 И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
 И, утомясь, на кресла упадала...

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ.
 И выставивъ едва примѣтно ножку.
 Двусмысленный и темный разговоръ
 Съ нимъ завести старалась понемножку.
 Сначала быль онъ весель и остеръ,
 А иногда и черезчуръ небреженъ;
 Но подъ конецъ за то какъ миль и нѣженъ!..
 Что дѣлать ей?—Притворно-строгій взглядъ
 Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ...
 А сердце билось въ ней такъ шибко, шибко,
 И по устамъ змѣилася улыбка.

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
 То волосы пригладить, то красивый
 Цвѣтокъ пришипилить къ нимъ; движенью глазъ,
 Головкѣ наклоненной видѣлъ лѣнивый
 Придавъ, стоять... и учится. Не разъ
 Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый,—
 Но умъ ея, и смѣтливый, и здравый,
 Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
 Такъ годы шли безмолвной чередой;
 И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
 Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

«То быль великий день: семнадцать лѣтъ!
 Все, что досель таилось за рѣшоткой,
 Теперь надменно явится на свѣтъ!
 Стариkъ-отецъ послалъ за старой теткой,
 И сѣхались родные на совѣтъ.
 Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала;
 Чѣмъ, будеть дворъ, иль нѣть?—Иныхъ пугала
 Застѣнчивость дикарки молодой;
 Но очень тонко замѣчалъ другой,
 Что это видѣлъ ей дастъ оригиналъный.
 Потомъ нарядъ осматривали бальны.

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
 Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ,

Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой;
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ.
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье: свѣтъ ее замѣтилъ.

«Кипѣль, сияль ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Моихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безъименныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!...»

БѢГЛЕЦЪ.

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

(1841 г.).

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрый, чѣмъ заяцъ отъ орла,—
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля браны,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежать ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течеть и просить мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ:
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку,—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленою.
Пахнуло холodomъ съ востока
И надъ пустынею Пророка

Всталь тихо мѣсяцъ золотой.
 Усталый, жаждою томимыи,
 Съ лица стирая кровь и потъ,
 Гарунъ межъ скаль ауль родимый
 При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
 Подкрался онъ, никѣмъ незримыи;
 Кругомъ молчанье и покой.
 Съ кровавой битвы невредимый
 Лишь онъ одинъ пришелъ домой.
 И къ сакль онъ спѣшить знакомой;
 Тамъ блещеть свѣть: хозяинъ—дома.
 Скрѣяясь, душой, какъ только могъ,
 Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
 Селима звалъ онъ прежде другомъ;
 Селимъ пришельца не узналъ;
 На ложѣ, мучимый недугомъ,
 Одинъ, онъ молча умиралъ.
 «Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
 Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
 Велѣлъ беречь тебя для славы...
 Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
 Поднявъ слабѣющія вѣжды.
 И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
 И онъ привсталъ, и кровь бойца
 Вновь разыгралась въ часъ конца.
 —Два дня мы бились въ тѣснинѣ;
 Отецъ мой палъ, и братья съ нимъ.
 И скрылся я одинъ въ пустынѣ,
 Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ;
 Съ окровавленными ногами
 Отъ острыхъ камней и кустовъ,
 Я шелъ безвѣстными тропами
 По слѣду вепреи и волковъ.
 Черкесы гибнуть. Врагъ повсюду.
 Прими меня, мой старый другъ,
 И—вотъ Пророкъ!—твоихъ заслугъ
 Я до могилы не забуду.—
 А умирающій въ отвѣтъ:
 «Ступай, достоинъ ты презрѣнья!
 Ни крова, ни благословенія
 Здѣсь у меня для труса нѣть!»
 Стыда и тайной муки полныи,
 Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,

Ступил оять Гарунъ безмолвный
 За непривѣтливый порогъ.
 И саклю новую минуя,
 На мигъ остановился онъ.
 И прежнихъ дней летучій сонъ
 Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлую
 Его холодное чело.
 И стало сладко и свѣтло
 Его душѣ; во мракѣ ночи,
 Казалось, пламенныя очи
 Блеснули ласково предъ нимъ;
 И онъ подумалъ: « я любимъ,
 Она лишь мной живеть и дышетъ...»
 И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
 И слышить пѣсню старины,—
 И стать Гарунъ блѣднѣй луны.

«Мѣсяцъ плыветь
 И тихъ, и спокоенъ,
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.
 Ружье заряжаетъ джигитъ,
 И дѣва ему говоритъ:
 « Мой милый, смѣлѣе
 Вѣряйся ты року;
 Молися Востоку,
 Будь вѣренъ Пророку,
 Будь славѣ вѣриѣ.
 Своимъ измѣнившій
 Измѣнной кровавой,—
 Врага не сразивши,
 Погибнетъ безъ славы:
 Дожди его ранъ не обмоютъ,
 И звѣри костей не зароютъ.
 Въ горахъ никого нѣть,
 Кто-бѣ вынесъ позоръ,—
 И труса прогонить
 Красавица горъ! »

Главой поникнувъ, съ быстротою
 Гарунъ свой продолжаетъ путь,
 И крупная слеза порою
 Съ рѣсицы падаетъ на грудь.—
 Но вотъ, отъ бури наклоненный,
 Предъ нимъ родной бѣлѣть домъ;

Надеждой снова ободренный,
 Гарунъ стучится подъ окномъ.
 Тамъ, вѣрно, теплые молитвы
 Восходятъ къ небу за него;
 Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
 Но ждетъ его не одного.
 «Мать, отвори! я странникъ бѣдный.
 Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
 Сквозь пули русскія безвредно
 Пришелъ къ тебѣ...»—Одинъ?—«Одинъ!»
 — А гдѣ отецъ и братья?—«Пали.
 Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
 И ангелы ихъ души взяли.»
 — Ты отомстилъ?—«Не отомстилъ.
 Но я стрѣлой пустился въ горы,
 Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
 Чтобы твои утѣшить взоры
 И утереть слезу твою.»
 — Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
 Ты умереть не могъ со славой!
 Такъ удались, живи одинъ:
 Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
 Не омрачу я стары годы.
 Ты рабъ и трусь... а мнѣ не сынъ!—
 Умолкло слово отверженья,
 И все кругомъ объято сномъ.
 Проклятъя, стоны и моленія
 Звучали долго подъ окномъ.
 И наконецъ ударъ кинжала
 Пресекъ несчастнаго позоръ,
 И мать поутру увидала,
 И хладно отвернула взоръ.
 И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
 Никто къ кладбищу не отнесъ,
 И кровь его съ глубокой раны
 Лизалъ, рыча, домашній песъ.
 Ребята малые ругались
 Надъ хладнымъ тѣломъ мертвепа:
 Въ преданьяхъ вольности остались
 Позоръ и гибель бѣглеца.
 Душа его отъ глазъ Пророка
 Со страхомъ удалилась прочь.
 И тѣнь его въ горахъ Востока

Понынѣ бродить въ темну ночь;
 И подъ окномъ, поутру рано,
 Онъ въ саклю просится, стуча;
 Но, внемля громкій стихъ Корана,
 Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
 Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

ПОЭМЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛИТВИНКА.

(1830 г.).

- I. Чай старый теремъ на горѣ крутой
 Рисуется съ зубчатою стѣной?
 Безсмѣнныи царь сливающихъ полей,
 Кого хранить онъ твердостью своей?
 Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
 Молитвы шепотъ и веселья кликъ?..
 Его владѣльца назову я вамъ:
 Подъ именемъ Арсения друзьямъ
 И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,
 И не мечталъ объ имени другомъ.
 Его права оспаривать не смѣлъ
 Еще никто;—онъ больше не хотѣлъ!
 Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
 Не постыжалъ сосѣдей никогда,
 Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ;
 Когда къ нему являлся они,—
 Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ.
 Презрѣниемъ дышалъ его привѣтъ;
 Онъ даже лаской гостя унижалъ,
 Хотя, быть-можеть, самъ того не зналъ.
 Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
 Повелѣвать толпой былъ пріученъ?
- II. На ложѣ наслажденья и въ бою
 Провелъ Арсеній молодость свою.
 Когда звучалъ ударъ его меча
 И красная являлась епанча,
 Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,—
 И часто стоилъ войска онъ одинъ!
 Вся въ ранахъ грудь отважнаго была;
 И посреди морщинъ его чела,

Приличнейший нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣль рубець—литовской сабли слѣдъ.

- iii. И, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ забытый старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ рассказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть озарила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была...
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны, облака,
Свободно сердце и любовь легка...

- iv. Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будеть тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь и имъ дыша,
Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь, и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?..
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для пльнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой;
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ усть, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.
- v. Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,

Вдоль по землѣ скользить прощальный лучъ
 Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
 Какъ будто міра мрачное чело
 Его любви достойно! Наконецъ
 Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
 Горы высокой — теремъ озарилъ,
 И пламень свой негрѣющій разлиль
 По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
 Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
 Облокотясь на столикъ, у окна,
 Ждала супруга вѣрная жена;
 Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
 Чуть поднималъ отцовское копье.
 Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
 Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
 Безмолвная подруга лучшихъ дней —
 Разстроенная лютня передъ ней,
 И, по струнѣ оборванной скользя,
 Блестить зари послѣдняя струя...
 Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
 И очи, голубая какъ лазурь,
 Она сидитъ на западѣ устремивъ;
 Но не зари плѣняль ее разливъ:
 Тамъ родина! Пѣвецъ и воинъ тамъ
 Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
 Тамъ вольны дѣвы! тамъ никто бы ей
 Не смѣль сказать: «хочу любви твоей!..»

vi. Она должна съ покорностью нѣмой
 Любить того, кто грозною войной
 Опустошилъ поля ея отцовъ;
 Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
 Затверживать, и ненависть, тоску —
 Учить любви святому языку;
 Младую грудь къ волненію принуждать
 И страстью небывалой объяснять
 Летучій валохъ и влажный пламень глазъ.
 Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

vii. Вечерній пиръ готовъ. Рабы шумятъ,
 Въ покояхъ пышныхъ блещеть свѣтъ лампадъ,
 Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино,
 Къ его пирамъ привыкнувші давно;
 Арсеній пить янтарную струю,
 Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...

И пльница, его встрѣчая взоръ,
 Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ;
 И ложная улыбка, громкій смѣхъ
 Кромѣ ея обманываютъ всѣхъ.
 И вѣря той улыбѣ, восхищень
 Арсеній; и литвинку обнялъ онъ,
 И кудри золотыхъ ея волосъ,
 Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
 Скатилися прозрачной пеленою
 На грубый ликъ, отмѣченный войной.
 Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
 Невольной грусти, Клара говоритъ:
 «Ты любишь-ли меня?»—«Какой вопросъ!—
 Воскликнулъ онъ:—Кто-жъ больше перенесъ
 И для тебя такъ много погубилъ,
 Какъ я?.. И твой Арсеній не любилъ?
 И, человѣкъ,—я-бъ могъ обнять тебя,
 Не трепеща душою, не любя?..
 О, шутками меня не искушай!
 Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
 У ногъ твоихъ!.. И если я не тутъ,
 И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
 Дворецъ и плаха для меня равны!
 Досадой дни мои отравлены!
 Я непороченъ у груди твоей,
 Суровъ и дикъ между другихъ людей!
 Тебѣ въ колѣна голову склонивъ,
 Я какъ дитя безпеченъ и счастливъ,
 И теплое дыханье усть твоихъ
 Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!..
 Ты рождена, чтобы повелѣвать:
 Моя любовь то можетъ доказать.
 Пусть я твой рабъ,—но лишь не рабъ судьбы!
 Достойны-ли тебя ея рабы?
 Повѣрь, когда-бъ меня не создаль Богъ,
 Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!»—

VIII.

«О, если-бъ точно ты любилъ меня,—
 Сказала Клара, голову склоня:—
 Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
 Ты говоришь: онъ—мой... А что мнѣ въ немъ?
 Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
 Очамъ онъ милъ,—но сердцу онъ чужой.
 Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,

Но рѣчку ту не Валіей зовутъ;
 И вѣтеръ, здѣсь колеблющій траву,
 Мнѣ не приносить пѣсни про Литву!..
 Нѣть, русскій, я не вѣрую любви!
 Безъ милой воли—что дары твои?»
 И отвернулась Клара, и укоръ
 Изобразилъ презрѣнья хладный взоръ.
 Недвижимъ былъ Арсеній близъ нея,
 И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
 Чтобы получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
 Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

ix. Но что за гость является ночной?

Стучать въ ворота сильною рукой,
 И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
 Кричить: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
 Въ долинѣ буря свищетъ и реветь,
 Какъ дикий звѣрь, и тьмить небесный сводъ.
 Впустите обогрѣться хоть на часъ;
 А завтра, завтра мы оставимъ васъ,
 Но никогда въ моленіяхъ своихъ
 Гостепріимный кровъ степей чужихъ
 Мы не забудемъ!..» Стражъ не отвѣчалъ,
 Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
 Объ доски тяжкій загремѣль затворъ,—
 Расхлопнулись ворота, и на дворъ
 Два странника вѣзжаютъ; фонаремъ
 Озарены; идутъ въ господскій домъ.
 Широкій плацъ на каждомъ, и порой
 Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

x. Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
 И съ ними рѣчь привѣтную завель;
 Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
 Не много пьють и меньше говорятъ.
 Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
 Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
 И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
 Употреблять не русскій онъ языкъ.
 И младшій гость по виду былъ смѣлый:
 Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
 Съ литвинки молодой, и взоръ его
 Для многихъ бы не значилъ ничего...
 Но видно ей когда-то былъ знакомъ
 Тотъ дикий взоръ съ возвышеннымъ челомъ;

Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминаль,—какъ знать!.. Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспешно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

xl. «Ты поблѣдѣла, Клара!»—«Я больна...»—

И въ комнату свою сѣсть она;
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блестить вдали, забыть и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумить, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесень.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ беспечный, рѣзvый умъ!
О, если-бъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заиграть румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль?.. Но гдѣ и какъ узнать?..
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонеть въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратять въ страданіе одно.

xii. Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой.

Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонить память прошлыхъ бѣль.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣль,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтицы лучъ его проникъ,
И, придавая чудный блескъ стеклу,

Безпечно разыгрался на полу
 И озарилъ персидскій онъ коверъ,
 Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
 Но что за звукъ раздался за стѣной?
 Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
 Подобный звуку пѣсни... Если-бъ онъ
 Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
 Но вотъ опять!.. Такъ точно... Кто-жъ поетъ?..
 Ты, плѣнница, узнала! вѣрно туть,
 Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
 Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
 Несбыточнымъ мечтаньямъ предана.
 Къ окну склонившись, думаетъ она:
 Бѣ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
 Туда, туда меня они зовутъ;
 И имъ отозвался въ груди моей
 Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...
 xiii. Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
 Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
 И все, чѣмъ сердцу родина мила,
 Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
 И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
 И все, что женской гордости лишь могъ
 Внушить позоръ, явилось передъ ней
 Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
 Она схватила лютню, и струна
 Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
 Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
 Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣть
 Нигдѣ,—она мгновенна лишь была,
 И въ чьей груди родилась—умерла.
 И понялъ, кто внималъ! не мудрено:
 Понятье о небесномъ намъ дано.
 Но слишкомъ для земли нась создаль Богъ,
 Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

xiv. Взошла заря, и отдѣлился лѣсь
 Стѣной зубчатой на краю небесъ.
 Но отчего же сторожъ у воротъ
 Молчать и въ доску мѣдную не бѣгъ?
 Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
 Ужель онъ спить?—Онъ спить, но... вѣчнымъ сномъ!
 Тяжелый кинуть на землю затворъ,
 И близъ него старики: закрытый взоръ,

Уста и руки сжаты навсегда,
 И вся въ крови сѣдая борода.
 Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ;
 Съ бездѣйствіемъ отчаянья, вокругъ
 Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
 Они стояли, головы склоня,
 И каждый состраданіемъ пылалъ.
 Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
 И гдѣ ночной убіица? Чья рука
 Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
 Кто растворилъ высокое окно
 И узкое оттуда полотно
 Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
 Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?..
 Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
 Понятно все: ихъ нѣтъ... и Клары нѣтъ!

xv. И долго неожиданную вѣсть
 Никто не смѣлъ Арсенію принести;
 Но, наконецъ, рѣшились. Онъ внималъ,
 Хотѣль вскочить и неподвиженъ сталъ.
 Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвѣцъ,
 Съ открытымъ взглядомъ встрѣтившій конецъ.
 И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
 Блестя огнемъ, былъ холodenъ какъ ледъ;
 Рука, сокинувшись, кверху поднялась,
 И рѣчъ изъ синихъ губъ оторвалась.
 На клятву походила рѣчъ его,
 Но въ ней никто не понялъ ничего;
 Она была на языкѣ родномъ,
 Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

xvi. Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
 Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
 Но сердце, пораженное тоской,
 Ужъ было мертвѣо,—хоть въ груди живой.
 Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь,—
 Но что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
 Кто подъ луной умѣеть? Кто мечтамъ
 Назначить кругъ завѣтный, какъ словамъ?
 И отъ души какая можетъ власть
 Отсѣчь ея мучительную часть?
 Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
 Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
 Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,

Не измѣнивъ обычный цвѣть чела...
 Но если онъ, не зная отвести,
 Ударъ судьбы умѣль перенести;
 Но если показать онъ не желаль,
 Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
 То язва, имъ презрѣнная, потомъ
 Все становилась глубже день за днемъ...
 Онъ Клару не умѣль бы пережить,
 Когда бы только смерть; но измѣнить!..
 И прежде презиралъ ужъ онъ людей,—
 Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
 И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ?
 Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

xvi. Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
 Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣть;
 Она сама собою стѣснена,
 Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
 И небо обвинять нельзя ни въ чемъ,
 И, какъ на зло, все весело кругомъ.
 Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
 Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
 Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
 Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
 Приговоренный къ казни; и назадъ
 Она кидаетъ беспокойный взглядъ.
 Но слѣдъ волны потеряны въ бездиѣ водъ.
 И листъ отпавшій вновь не запвѣтеть...
 Есть демонъ сокрушитель благъ земныхъ:
 Онъ радость намъ дарить на краткій мигъ,
 Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй;
 Врагъ истины, врагъ неба и людей,
 Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
 Пока страданья не умчать, какъ сонъ,
 Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,—
 Все, что ему еще завидно въ насъ...

xvii. Противъ Литвы пошелъ великий князь.
 Его дружины, местью воспалясь,
 Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
 Гдѣ загорится пламенникъ войны.
 Желая защищать свои права,
 Дрожитъ за вольность гордая Литва;
 И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
 Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

- xix. И въ рускій станъ, осеннимъ, сѣрымъ днемъ,
 Явился разъ, одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
 Боецъ, извѣстный храбростью своей,
 И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
 Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
 Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
 Явился онъ?—Не честь страны родной
 Онъ защищать хотѣлъ своей рукой,
 И между многихъ вражескихъ сердепъ
 Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.
- xx. Вдолъ по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
 Разносить вѣтеръ бранный шумъ и вой.
 Въ широкомъ полѣ цвѣть своихъ дружинъ
 Свели сегодня рускій и литвинъ.
 Чертой багряной сѣрый небосклонъ
 Отъ голубыхъ полей ужъ отдаленъ;
 Темнѣютъ облака на небесахъ,
 И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
 Все бой кипитъ. И гнется рускій строй,
 И, окруженъ отчаянной толпой,
 Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
 Всѣ души чудной силою потрясъ?..
 Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
 Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
 Вооруженъ сѣкирою стальной,
 Предсталъ,—и врагъ валится, и другой,
 Съ запекшееся кровью на устахъ,
 Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
 Сыновъ Литвы. Ослушные кони
 Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
 Хотѣли вновь побѣду удержать:
 Ихъ гонять, бѣуть,—они должны бѣжать.
 Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
 Они ударовъ тяжкихъ сыплють градъ.
- xxi. Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ:
 Онъ кровію рѣшился, наконецъ.
 Огонь въ груди проснувшійся залить;
 Онъ ненавидѣть міръ, чтобы не любить
 Одно созданье!.. Кучи мертвѣцовъ
 Кругомъ него простерты безъ щитовъ,
 И радостью блестаетъ этотъ взоръ,
 Которымъ месть владѣеть съ давнихъ поръ.
 Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,

Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ.
 Когда-жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
 Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
 То было поздно... «Вижу, часъ насталъ!»—
 Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
 Послѣдней жертвы. «Это онъ!»—
 За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
 Арсеній обернулся,—и хотѣлъ
 Проклятье произнестъ, но не успѣлъ...
 Какъ ангелъ браны, въ легкомъ шишакѣ,
 Стояла Клара съ саблею въ рукѣ;
 И юноши тѣснилися за ней.
 И словомъ, и движеньемъ очей
 Распоряжая пылкою толпой,
 Она была, казалось, ихъ судьбой.
 И, встрѣтивши Арсенія, она
 Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
 И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
 Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
 Она сказала: «Воины, впередъ!
 Надежды нѣть, покуда не падеть
 Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
 Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
 Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
 Тому моя рука, моя любовь!»

xxii. Арсеній отвернулся, надменный взоръ,
 Когда онъ услыхалъ свой приговоръ;
 «И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.
 Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
 Какъ будто сердца лучшая струна
 Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
 Съ презрѣніемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ—
 И обернулся медленно плащомъ,
 Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
 Что въ часъ конца Арсеній побѣднѣлъ...
 И три копья пронзили эту грудь,
 Которой такъ хотѣлось отдохнуть;
 Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
 И наконецъ оно превозмогло.
 Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ.—
 Не вздрогнулъ, не взглянуль, не закричалъ;
 Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
 Онъ произнесъ,—но нѣть, онъ былъ далекъ

Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрющей душой.

Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля обѣ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣль сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ звать...

xxiii. И опустилъ его высокій домъ:

И странниковъ не угощаютъ въ немъ,
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все какъ прежде: лютня у окна,
И вокругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежать
На мягкому ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва страшь чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтъ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядить луна— нескромная луна!

xxiv. Есть монастырь. И тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой;
И блещетъ въ перкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отповѣдь;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготить сырыхъ его костей;
Никто обѣ немъ не плакаль,—лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она!..
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любиль. онъ не жалѣлъ,

Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обмануть былъ съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?..
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трепцинѣ развалинѣ иногда
Береза вырастаетъ: молода
И зелена,—и взоры веселить,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Грустить о ней и мыслить: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Уянеть преждевременно она...
Но что-жъ?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!..

И С П О ВѢДЬ.

(1830 г.).

І. *Д*ені. гасъ. Въ нарядѣ голубомъ
Крутясь бѣжалъ Гвадалквиширъ.
И не заботясь о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Свѣтило южное текло,
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ;
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшелынико молодой,
Испанецъ родомъ и душой.
Таковъ былъ рокъ! Зачѣмъ, за что?
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступлены обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ;

Онъ зналъ людей, и зналъ законъ...
 И ничего отъ нихъ не ждалъ ¹⁾.
 Но вотъ по лѣстницѣ крутой
 Звучатъ шаги, открылась дверь
 И старецъ дряхлый и сѣдой
 Взошелъ въ тюрьму. Зачѣмъ теперь,
 Чѣмъ сожалѣнья и привѣтъ
 Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣта!

- II. «Ты здѣсь опять! Напрасны труды!...
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ,—
 Все люди, люди, мои отецъ...
 Пускай погибну, смерть моя
 Не продолжить ихъ бытія,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить,—и въ крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой—
 Согрѣть имъ вновь не суждено
 Сердца, увядшія давно;
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ ни была свята,
 Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
 Ступенемъ новой къ небесамъ;
 И тѣнь невиннаго, повѣрь,
 Не отопреть имъ рая дверь.
 Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорятъ, страданье спить
 Въ холодной вѣчной тишинѣ.
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
 Я молодъ—молодъ,—зналь-ли ты,
 Что значитъ молодость, мечты?—
 Или не зналъ,—или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
 Какъ сердце билося живѣи
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,

¹⁾ Первоначально замѣть съ словами:
 Но кто идетъ къ нему теперь? И старецъ дряхлый и сѣдой
 Гремитъ запоръ, открылась дверь. Взошелъ тяжелою стопой.

Прижавшись голубъ молодой
Сидить, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасныи свѣтъ
Тебѣ постыль: ты слыши, ты сѣдъ, —
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? — ты жилъ, стариkъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть! —
Ты жилъ! я также могъ бы жить!

- III. «Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, —благодарю.
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль? —Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать, —
А душу можно-ль разсказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ:
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой.
Онъ оправдалъ меня, —одинъ
Онъ сердца полный властелинъ;
И тайну страшную мою
Я какъ могила сохрани,
Пока земля въ урочныи часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ нась.
Доселѣ жизнь была мнѣ — плѣнь
Среди угрюмыхъ вашихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства свѣтлые года
Я проводилъ. Богъ вѣсть куда,
Какъ сонъ, безъ счастія и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ;
И воскресить тѣ дни едва-ль
Желалъ бы я, — а все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно слушаешь меня?
Я воленъ... я не брать живыхъ;
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю... Но, стариkъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить.

За то, что прежде, можетъ-быть,
 Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ—
 Погаснетъ въ мирной тишинѣ,—
 Я, свѣжій, пылкій, молодой,
 Который здѣсь передъ тобой
 Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,—
 Весь превращуся въ слово: нѣтъ!...
 И прахъ, лишенный бытія,
 Ужъ будеть прахъ одинъ,—не я».

- IV. «И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
 Какъ вы душой оставить свѣтъ
 И жить, не вѣдая страстей,
 Подъ солнцемъ родины моей?
 Ты позабылъ, что сѣдина
 Межъ этихъ кудрей не видна,
 Что пламень въ сердцѣ молодомъ
 Не остыдишь мольбой, постомъ.
 Когда надъ бездною морской
 Свирипой бури слышенъ вой,
 И громъ гремитъ по небесамъ,—
 Вели не трогаться волнамъ!
 И сердцу бурному вели
 Не слушать голоса любви!...
 Да, если-бъ черныи сей нарядъ
 Не допускалъ до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виноватъ;
 Но подъ одеждой власяной
 Я человѣкъ, какъ и другой.
 И ты, безчувственный старикъ,
 Когда-бъ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ,
 И, въ изступленїи, можетъ-быть,
 Рѣшился-бъ также согрѣшить;
 Отвергнувъ все, законъ и честь,
 Ты былъ бы счастливъ перенестъ
 За слово, ласку или взоръ,
 Мое страданье, мой позоръ!...

- V. «Я о спасеныи не молюсь,
 Небесъ и ада не боюсь.
 Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
 Вѣдь съ ней не встрѣчуясь никогда!
 Разлуки первый грозныи часъ

Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насть.
 И если-бѣ рай передо мной
 Открыть бытъ властью неземной,
 Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
 У вратъ священныхъ бы спросиль,
 Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
 Погибшій рай надеждъ моихъ?
 Нѣть, перестань, не возражай!...
 Чтѣ безъ нея земля и рай?
 Пустыя, звонкія слова,
 Блестящій храмъ безъ божества.
 Увы! отданъ ты мнѣ назадъ
 Ея улыбку, милый взглядъ,
 Отданъ мнѣ свѣжія уста,
 И голосъ сладкій, какъ мечта...
 Одинъ лишь слабый звукъ отданъ...
 О! старецъ, что такое рай?...

- vi. «Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
 Не видно солнечныхъ лучей.
 Но разъ на мрачное окно
 Упалъ одинъ—давнымъ-давно,—
 И съ этихъ поръ между камней,
 Ничтожныій слѣдъ веселыхъ дней,
 Забыть, какъ узникъ, одинокъ,
 Растетъ блѣднѣющій цвѣтокъ;
 Но вовсе онъ не расцвѣтеть,
 И гдѣ родился—тамъ умреть!
 И не сходна-ль, отецъ святой,
 Его судьба съ моей судьбой?
 Знай, можетъ-быть ея ужъ нѣть!...
 И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
 Поди, бѣги, зови скорѣй
 Окровавленныхъ палачей;
 Судить и медлить вамъ на что?
 Она не тутъ,—и все ничто!)
 Прощай, старикъ; вотъ казни часъ!...
 За нихъ молись. Въ послѣдній разъ
 Тебѣ клянусь передъ Творцомъ,
 Что не виновенъ я ни въ чемъ.
 Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
 Безъ угрызеній и тревогъ,
 Что съ тайной гибельной моей
 Я не разстался для людей.

Забудь, что жилъ я... что любиль
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ...
Кого любиль?—Отецъ святой,
Вотъ что умреть во мнѣ, со мной;
За жизнь, за міръ, за небо вамъ
Я тайны этой не продамъ!»

vii. (И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ степи вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной,
И въ храмъ высокій онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки, стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣты
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ.
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирной и святой.
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительна мила;
Въ ея лицѣ никто-бѣ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!...
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принести
Онъ рѣчъ любви, иль смерти вѣсть!...
Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ,—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ вѣрно иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой).

АЗРАИЛЪ.

(1831 г.).

Рѣчка. Кругомъ широкія долины. Курганъ. На берегу издохшій конь лежитъ близъ кургана, и вороны летаютъ надъ нимъ. Все дико.

АЗРАИЛЪ (сидитъ на курганѣ).

Дождуся здѣсь; мнѣ не жестка
Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
Серебряный ковыль волнуетъ,
И быстро гонитъ облака.
Кругомъ все дико и безплодно,
Издохшій конь передо мной
Лежитъ, и коршуны свободно
Добычу дѣлять межъ собой.
Ужъ хладныя бѣлѣютъ кости,
И скоро прѣръ кровавый свой
Незваные оставятъ гости.
Такъ точно и въ душѣ моей:
Все пусто, лишь одно мученье
Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
И гонить прочь отдохновенье;
Но никогда не устаетъ
Его отчаянная злоба,
И въ тѣсной, темной кельѣ гроба
Оно навѣки не уснетъ.
Все умираетъ, все проходитъ.
Гляжу, за вѣкомъ вѣкъ уводить
Толпы народовъ и міровъ,
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.
Но духъ мой гибели не знаетъ:
Живу одинъ средь мертвѣцовъ,
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой страданьями облитой,
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучить грудь мою.
И я бессмертенъ, и за что-же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку, Боже, Боже!
Хотя-бы могъ я не любить.

Она придетъ сюда, я обниму
 Красавицу, и грудь къ груди прижму,
 У сердца сердце будетъ горячѣй;
 Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
 Нѣмая рѣчь любви. Я разскажу;
 Ей все—и міръ и вѣчность покажу;
 Она слезу уронить надо мной,
 Смягчить Творца молитвой молодой,
 Поиметь меня, поиметь мои мечты
 И скажетъ: какъ великъ, какъ жалокъ ты.
 Сей рѣчи звукъ—мнѣ будетъ жизни звукъ,
 И этотъ часъ—послѣдній долгихъ мукъ...
 Клянусь воспоминаніе обѣ немъ
 Глубоко въ сердцѣ схоронить моемъ,
 Хотя бы на меня возсталъ весь адъ.
 Тотъ уголъ, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
 Не осквернить ни ропотъ, ни упрекъ,
 Ни месть, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
 Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
 Въ туманѣ вѣчномъ тонеть навсегда,—
 Я не боюсь; есть сердце у меня
 Надменное и полное огня,
 Есть въ немъ любви ея святой залогъ—
 Послѣдняго-жъ не отнимаетъ Богъ...
 Но слышенъ звукъ шаговъ, она, она...
 Но для чего печальна и блѣдна!..
 Вѣнокъ пестрѣеть надъ ея челомъ,
 Играетъ солнце медленнымъ лучомъ
 На бѣлыхъ персахъ, на ея кудряхъ...
 Идеть. Ужель меня тревожить страхъ?..

(Дѣва входитъ. Цвѣты въ рукахъ и на головѣ,
 въ бѣломъ платьѣ. Крестъ на груди у нея).

ДѢВА.

Вѣтеръ гудѣть,
 Мѣсяцъ плыветь,
 Дѣвушка плачетъ,
 Милый на чужбину скачетъ.
 Ни дѣва, ни вѣтеръ
 Не замолкнуть.
 Мѣсяцъ погаснетъ,
 Милый измѣнить.

Прочь печальная пѣсня. Я опоздала, Азраилъ. Такъ-ли тебя зовутъ, мой другъ? (Садится рядомъ).

Азраилъ. Что до названія? Зови меня своимъ любезнымъ; пускай твоя любовь замѣнить мнѣ имя, я никогда не желалъ-бы имѣть другаго; зови, какъ хочешь смерть—уничтоженіемъ, гибелью, покоемъ, тленiemъ, сномъ—она все равно поглотить свои жертвы.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями.

Азраилъ. Такъ, моя любовь чиста, какъ голубь; но она хранится въ мрачномъ мѣстѣ, которое темнѣеть съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Азраилъ. Изгнанникъ, существо сильное и побѣженное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобой! Ты поблѣдишь? Примѣтно дрожь пробѣгаешь по твоимъ членамъ, твои вѣки опустились къ землѣ. Милый, ты становишься страшнѣй.

Азраилъ. Не бойся, все опять прошло.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства; ты помнишь, когда мы встрѣтились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло у груди твоей. Съ тѣхъ поръ моя душа съ твоей одно. Ты несчастливъ; вѣрь мнѣ свою печаль; кто ты? откуда? ангелъ? демонъ?

Азраилъ. Ни то, ни другое.

Дѣва. Расскажи мнѣ свою повѣсть; если ты требуешь слезъ, у меня онѣ есть; если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи,—о, возьми все, что я имѣю, возьми мое сердце и приложи его къ язвѣ, терзающей твою душу, моя любовь сожжетъ этого червя, который гнѣздится въ ней. Расскажи мнѣ твою повѣсть!

Азраилъ. Слушай, не ужасайся; склонись къ моему плечу, сбрось эти цвѣты,—твои губы душистѣе. Пускай эти гвоздики и фіалки унесутъ ближній потокъ, какъ пѣкогда время унесетъ твою собственную красоту. Какъ, ужели эта мысль ужасна, ужели въ столько столѣтій люди не могли къ ней привыкнуть, ужели никто не можетъ пользоваться всею опытностью предшественниковъ? О, люди! вы жалки, но со всѣмъ тѣмъ я смѣнилъ-бы мое вѣчное существованіе на мгновенную искру жизни человѣческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но имѣть надежду когда-нибудь позабыть, что я жилъ и мыслилъ. Слушай-же мою повѣсть:

РАССКАЗЪ АЗРАИЛА.

Когда еще ряды свѣтиль
Земли не знали межъ собой,
Въ тѣ годы я ужъ въ мірѣ былъ,
Смотрѣлъ очами и душой,
Молился, действовалъ, любилъ;
И не одинъ я сотворенъ.—
Насъ было много; чудный край
Мы населяли, только онъ,
Какъ вашъ давно забытый рай,
Былъ преступленьемъ оскверненъ.
Я власть великую имѣлъ,
Летать какъ мысль, куда хотѣлъ,
Могъ звѣзды навѣщать порой
И любоваться ихъ красотой

Вблизи, не утомля взоръ;
Какъ перелетныи метеоръ,
Я могъ исчезнуть и блеснуть:
Вездѣ мнѣ быть свободныи путь.

Я часто ангеловъ видалъ
И громкимъ иѣснямъ ихъ внималъ,
Когда въ багряныхъ облакахъ
Они, качаясь на крылахъ.
Всѣ вмѣстѣ славили Творца—
И не было хваламъ конца.
Я имъ завидовалъ, они
Безпечно проводили дни,
Не знали тайныхъ беспокойствъ,
Душевныхъ болей и разстройствъ,
Волненія враждебныхъ думъ
И горькихъ слезъ; ихъ свѣтлый умъ
Безвѣстной цѣли не искалъ,
Любовью грѣшной не страдалъ.
Не зналъ пристрастія къ вещамъ,—
Онъ весь былъ отданъ небесамъ.
Но я, блуждая много лѣтъ,
Искалъ—чего, быть—можеть, нѣть:
Творенье, сходное со мною
Хотябы мukoю одной.
И началъ громко я роптать,
Мое рожденіе проклинать,
И говорилъ: Всесильный Богъ,
Ты знать про будущее могъ,—
Зачѣмъ—же сотворилъ меня?
Желанье глупое храня,
Вездѣ искать мнѣ суждено
Призраѣ, видѣніе одно.
Ужели милъ Тебѣ мой стонъ?
И если я ужъ сотворенъ,
Чтобы игрушкою служить.
Душой,—бессмертной, можетъ—быть,—
Зачѣмъ меня Ты одарилъ?
Зачѣмъ я вѣрилъ и любилъ?
И наказаніе въ отвѣтъ,
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нѣть!
Твою безпечность не убью,
Не дамъ понятія о томъ,

Что лишь съ возвышеннымъ умомъ
 И съ непреклонною душой
 Извѣдать вѣечно судьбой.
 Чѣмъ дольше мука тяготить,
 Тѣмъ глубже рана отъ нее:
 Обливши смертью бытіе,
 Она опять его живитъ.
 И эта жизнь пуста, мрачна,
 Какъ пропасть, гдѣ не знаютъ дна:
 Глотая все, добро и зло,
 Не наполняется она.
 Взгляни на блѣдное чело,
 Примѣть морщинъ печальный рядъ,
 Неровный ходъ моихъ рѣчей,
 Мой горькій смѣхъ, мой дикий взглядъ
 При вспоминаніи прошлыхъ дней,—
 И если тотчасъ не прочтешь
 Ты ясно всѣхъ моихъ страстей,
 То вѣчно, вѣчно не поймешь
 Того, кто за безумный сонъ,
 За мигъ—столѣтьями казненъ.
 Я пережилъ звѣзду свою:
 Какъ дымъ разсыпалась она,
 Рукой Творца раздроблена.
 Но смерти вѣрной на краю,
 Взирая на погиблій міръ,
 Я жилъ одинъ, забыть и сиръ.
 По безпредѣльности небесъ
 Блуждалъ я много, много лѣтъ,
 И зрѣль, какъ старый міръ исчезъ
 И какъ родился новый свѣтъ;
 И страсти первыя людей
 Не скрылись отъ моихъ очей!
 И нынѣ я живу межъ васъ,
 Безсмертный смертную люблю,
 И съ трепетомъ свиданья часъ,
 Какъ пылкій юноша, ловлю.
 Когда-же родъ людей пройдетъ
 И землю вѣчность разобьетъ,
 Услышавъ грозную трубу,
 Я въ новыи удалился міръ,
 И стану тамъ, какъ прежде сиръ,
 Свою оплакивать судьбу.

Вотъ повѣсть чудная моя.
Повѣрь иль нѣть—мнѣ все равно,
Довѣрчивое сердце я
Привыкъ не находить давно;
Однако-жъ я молю: повѣрь
И тѣмъ тоску мою умѣрь;
Никто не могъ тебя любить
Такъ пламенно, какъ я теперь.
Чтѣрь сердце по-пусту язвить,
Зачѣмъ вдвойнѣ его казнить?
Но нѣть, ты плачешь? Я любимъ,
Хоть только существомъ однимъ,
Хоть въ первый и послѣдній разъ!
Мой умъ свѣтлѣй отнынѣ сталъ,
И, признаюсь, лишь въ эту часть
Я умереть-бы не желалъ...

Дѣва. Я тебя не понимаю, Азраиль; ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ,—гдѣ-жъ онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраиль. Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

Дѣва. Полно, ты меня хочешь только испугать.
Азраиль блѣднѣеть.

Дѣва. Я пришла сюда, чтобы съ тобой проститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно,—я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ, его пламъ блеститъ какъ жаръ и мечъ его опаснѣе молніи.

Азраиль. Вотъ женщина... Она обнимаетъ одного, и отдаетъ свое сердце другому!

Дѣва. Что сказалъ ты? О, не сердись.

Азраиль. Я не сержусь. (Горько). И за что сердиться?..

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

восточная повѣсть.

(1831 г.).

ПОСВѢЩАЕТСЯ А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ, безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Вспоминанья—и тобой!

Среди безчувственныхъ тоскуя, ¹⁾
Въ душѣ все прежнее храня,

¹⁾ Я дни мои влачу тоскуя
И въ сердцѣ образъ твоя храня;

И обѣ одномъ тебя прошу я...

Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангель смерти для меня!

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пустъ будеть твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

I.

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза, дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ легче мчатся облака,
Гдѣ чище катится рѣка,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелестъ сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видаль
Твоихъ красавицъ, не забудеть
Надменный пламень ихъ очей.
И безъ сомнѣнья вѣрить будеть
Печальной повѣсти моей!

Есть Ангель Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ муки и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья,
И страшенъ видъ его для глазъ
Бессильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣль:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И усмирялъ земныя страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть!

Равно во всѣ края вселеной
 Являлся Ангель молодой;
 На все, что только прахъ земной,
 Глядѣть съ презрѣніемъ нетлѣнныи.
 Его приходъ благословенныи
 Дышалъ небесной тишиной;
 Лучами тихими блестая,
 Какъ полуночная звѣзда,
 Манилъ онъ смертныхъ иногда.
 И провожалъ онъ къ дверямъ рая
 Толпы освобожденныхъ душъ;
 И самъ былъ счастливъ.—Почему-жъ
 Теперь томить его объятье,
 И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко оть береговъ
 И волнъ ревущихъ океана,
 Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
 Синѣеть длинный рядъ холмовъ.
 Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
 Скалами сѣрыми украшенъ.
 И вдался въ море; и на немъ
 Орлы да коршуны гнѣздятся,
 И рыбаки къ нему боятся
 Подъѣхать въ сумракъ ночномъ.
 Одѣта дикими кустами
 На немъ пещера есть одна—
 Жилище змѣй—хладна, темна,
 Какъ умъ, обманутый мечтами,
 Какъ жизнь, которой цѣли нѣть,
 Какъ недосказанный очами
 Убийцы хитраго привѣть.
 Ея лампада—мѣсяцъ полный,
 Съ ней говорять морскія волны,
 И у отверстія стоять
 Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
 Пришелецъ, юный Зоралимъ.
 Онъ на землѣ былъ только странникъ,—
 Людьми и небомъ былъ гонимъ.
 Онъ могъ быть счастливъ,—но блаженства
 Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ:
 Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,

А самъ — самъ былъ не лучше ихъ.
 Искалъ великаго въ ничтожномъ;
 Страшась надѣяться, жалѣлъ
 О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
 И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
 Повѣрить никому не смѣлъ.
 Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
 И все въ природѣ,—и людей,
 Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
 Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
 Но сердца пылкаго не могъ
 Заставить также охладиться:
 Любовь насильства не боится,
 Она—хоть прѣзрѣна—все боять.
 Одно сокровище—святыню
 Имѣлъ подъ небесами онъ:
 Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
 Но что жъ?—Всегда-ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
 Растеть могильный кипарисъ,
 И вѣтки илюща обвились
 Вокругъ его прямаго стана;
 Пусть вихорь мчится и шумитъ
 И сломить кипарисъ высокій;
 Вокругъ кипариса плющъ обвитъ,—
 Онъ не погибнетъ одиноко!..
 Такъ, міру чуждыи, Зораимъ
 Не вовсе бѣденъ — Ада съ нимъ.
 Она рѣзва, какъ лань степная,
 Мила, какъ Пери молодая;
 Все страстно въ ней,—и грудь, и станъ,
 Глаза—два солнца южныхъ странъ.
 И дѣвѣ было все забавой,
 Нокуда не явился ей
 Изгнаникъ мрачный, величавый,
 Съ холодной дерзостью очей.
 И ей пришло тогда желанье—
 Огонь въ очахъ его родить,
 И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
 Любви безумное страданье.
 И удалось ей. Зораимъ
 Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
 Судьбина ихъ соединила,

А разлучить—одна могила.

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальными сіаетъ,
Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
И беспокойная волна,

Ночной прохладою полна,
Утесь, бѣлѣя, обнимаетъ.

Я помню,—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый ирою,
Звучаль, теряясь за горы:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада! Вѣтерокъ
Не освѣжить ея ланиты,
И томный взоръ полузакрытый
Напрасно смотрить на востокъ;
И утра ждетъ она напрасно,—
Ей не видать зари прекрасной:
Она до утра будеть тамъ,
Гдѣ дня не нужно вовсе намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ—колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.

Въ рукѣ изгнанника бѣлѣеть
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣеть.

«Но смерть», онъ мыслить, «не близка;
Рука—не жизнь; болѣзнь простая
Все не кончина роковая».

Такъ иногда надежды свѣть
Являеть то, чего ужъ нѣть:
И намъ хотя не остается
Для заблужденья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него!

Въ то время Смерти Ангель нѣжный
Летѣть чрезъ южныи небосклонъ.
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятеjный,

И плачъ любви... и слабый стонъ;
 И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
 Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
 Тоску послѣдняго мученья
 Духъ смерти уладить хотѣлъ,
 И на устахъ покорной Ады
 Свой поцѣлуй напечатлѣлъ.
 Онъ дать не могъ другой отрады;
 Или, быть-можеть, Зораимъ,
 Еще замѣченъ не былъ имъ!
 Но скоро при огнѣ лампады
 Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ.
 Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
 И Ангель Смерти сожалѣніе
 Въ душѣ почувствовалъ святой.
 Скажу-ли?—даже въ преступленъѣ
 Онъ обвинялъ себя порой.
 Онъ отнялъ все у Зораима:
 Одна была лишь имъ любима,
 Его любовь была сильней
 Всѣхъ думъ—и всѣхъ другихъ страстей.
 И онъ не плакалъ. Но понятно
 По цвѣту странному чела,
 Что мука смерть превозмогла,
 Хоть потерялъ онъ невозвратно.
 И Ангель зналъ—и какъ не знать?—
 Что безнадежности печать
 Въ спокойномъ холодѣ молчанья.
 Что легче плакать, чѣмъ страдать
 Безъ всякихъ признаковъ страданья...
 И Ангель, мыслю пораженъ,
 Достойною небесь,—желаетъ
 Вознаградить страдальца онъ.
 Ужель Создатель запрещаетъ
 Несчастныхъ утѣшать людей?
 И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
 Душою ангельской своей.
 И, чудо! кровь въ груди остылой
 Опять волнуется, кипитъ,
 И взоръ, волшебной полонъ силой,
 Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
 Такъ Ангель Смерти съединился
 Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;

Но умъ границамъ подчинился,
И власть не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранить онъ думы прежнихъ лѣтъ.
Ихъ появление Адѣ странно,
Какъ ночью—метеора свѣтъ;
И ей смѣшина ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои,
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!..

II.

Однажды, на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волнъ морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнаникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла;
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянныя взгляды
На красный западъ онъ кидаль,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣть! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить;
Я воленъ,—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнъ?—Давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней быть смертный ядъ;
Я не вздрогну, я выпить радъ!
Не всѣль блаженства—лишь отравы?
Когда-нибудь—и скоро я
Оставлю ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ

Того, чье сердце столько лѣть
 Мысль о ничтожествѣ томила?
 И мнѣ спокойну быть!—о, нѣть!
 Взгляни: за этими горами,
 Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами,
 Стоять два грозные царя;
 И завтра, только что заря
 Успѣеть въ облакахъ проснуться,
 Труба войны и звукъ мечей
 Въ пустынѣ нашей раздадутся.
 И къ одному изъ тѣхъ царей
 Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
 Но ты не жди, чтобы возвратился
 Я побѣжденнымъ; нѣть, скорѣй
 Волна, гонимая волнами
 По безконечности морей,
 Въ пріютъ родимыхъ камышей
 Воротится. Но если съ нами
 Побѣда будетъ, я принести
 Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
 Себѣ оставлю только честь;
 И буду счастливъ, и тогда-то
 Мы заживемъ съ тобой богато.
 Я знаю: никогда любовь
 Геройскій мечъ не презирала!..
 Но если-бъ даже ты желала,
 Мой другъ! я долженъ видѣть кровь...
 Вѣрь: для меня ничто угрозы
 Судьбы коварной и слѣпой.
 Какъ? ты блѣднѣешь?.. слезы! слезы!
 О чѣмъ же плакать, ангелъ мой!»
 И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
 «Видаль-ли ты, какъ отражаетъ
 Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
 Когда вода не шевелится,
 Цвѣтокъ недвижно въ ней глядится;
 Но если свѣжій вѣтерокъ
 Волну зеленую встревожить,
 И всколебается волна,—
 Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
 Не колебаться, какъ она?
 Мою судьбу съ твоей судьбою
 Соединилъ такъ точно рокъ

Волна—твой образъ, мой—цвѣтокъ!
Ты грустенъ—я грустна съ тобою...
Какъ знать?—быть—можеть, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насы!..»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ!
Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманить прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Иныхъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчать розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь.

Въ долинѣ пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны,
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе... и сразились,
И звуку копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье—царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой

На трупы трупы упадали...
 Но отступаетъ наконецъ
 Одна толпа... и побѣжденный
 Ужъ не противится боепъ,
 И по травѣ окровавленной
 Скользить испуганный бѣглецъ.
 Одинъ лишь воинъ, окруженный
 Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
 Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣль
 Вокругъ него была ограда...
 И тутъ остался онъ одинъ.
 Онъ не былъ царь, ни царскій сынъ,
 Хоть одаренъ былъ силой взгляда
 И смѣлой важностью чела.—
 Но вдругъ коварная стрѣла
 Пронзила витязя младова!
 И шумно навзничъ онъ упалъ.
 И кровь струилась... и ни слова
 Онъ, упавая, не сказалъ,
 Когда побѣдный крикъ раздался,
 Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
 И мимо гордый врагъ промчался,
 Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
 Съ горы кремнистой и крутой,
 Стояла Ада молодая
 Одна, волнуема тоской;
 И грудь высоко подымая,
 Боязною сердце билось въ ней;
 Всечасно слезы набѣгали
 На очи, полныя печали.
 О, Боже! для такихъ очей
 Кто не пожертвовалъ бы славой?
 Но Зорайму былъ милъ
 Дѣвичьей ласки—путь кровавый.
 Безумецъ! ты цѣны не зналъ
 Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
 Не вѣдалъ ты, что Ангель нѣжный
 Оставилъ рай свой безмятежный,
 Чтобъ сердце Ады оживить,
 Что многихъ онъ лишилъ отрады
 Въ послѣдній мигъ, чтобъ уладить
 Твоё страданье.—Бѣдной Ады

Мольбы отвергнуль хладно ты.
 Возможно-ль? Ангель красоты
 Тебѣ, изгнаникъ, не дороже
 Надменной и пустой мечты!..
 Она глядить, и ждетъ... но что же?
 Давно ужъ въ полѣ тишина,
 Враги умчались за врагами,
 Лишь искаженными тѣлами
 Долина битвы устлана...
 Увы! гдѣ Ангель угашенья?..
 Гдѣ вѣстникъ рая молодой?
 Онъ мучимъ страстию земной,
 И не услышить ихъ моленья!..
 Ужъ солнце низко!.. Ада ждетъ!..
 Все тихо вокругъ... онъ все нейдетъ!..

Она спускается въ долину
 И видить страшную картину.
 Идетъ межъ труповъ чуть дыша;
 Какъ у невиннаго предъ казнью,
 Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
 Ея волнуется душа!
 Она предчувствовать страшится.
 И съ каждымъ шагомъ воротиться
 Она желала-бъ; но любовь
 Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
 Блѣдны ланиты дѣвы милой,
 На грудь склонилась голова...
 И вотъ недвижна! Такова
 Была-бъ лилея надъ могилой!..
 Гдѣ Зорамъ? Что, если онъ
 Убитъ!—Но чей раздался стонъ?..
 Кто этотъ, раненый стрѣлою,
 У ногъ красавицы? Чей гласъ
 Такъ сильно душу въ ней потрясъ?..
 Онъ мертвыхъ окружень грядою.
 Но часъ кончины ужъ надъ нимъ...
 Кто-жъ онъ?—Свершилось!—Зорамъ!
 «Ты здѣсь! теперь?—и ты ли, Ада?
 О, твой приходъ мнѣ не отрада;
 Зачѣмъ?.. Для ужасовъ войны
 Твои глаза не созданы;
 Смерть не должна быть ихъ предметомъ.
 Тебя излишняя любовь

Вела сюда... Что пользы въ этомъ?..
 Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
 Ивижу... И приходъ мгновенья,
 Когда усну безъ сновидѣнья...
 Я жертва сѣни гробовой,
 Я гибну!—Первою звѣздой
 Намъ возвѣстить судьба разлуку.
 Не бойся крови,—дай мнѣ руку;
 Я виноватъ передъ тобой.
 Прости! Ты будешь сиротой,
 Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
 И даже... на груди другова
 Не будешь счастлива опять:
 Кто можетъ дважды счастье знать?..

«Мой другъ! къ чему твои лобзанья
 Теперь, столь полныя огня?
 Они не оживятъ меня,
 И увеличать лишь страданья,
 Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
 О, если-бъ, если-бъ я забылъ,
 Что въ мірѣ есть воспоминанья!
 Я чувствую къ груди моей
 Все ближе, ближе смертный холодъ...
 О! кто-бъ подумалъ! какъ я молодъ,
 Какъ много я провелъ бы дней
 Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
 Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,—
 Когда-бъ сегодня рокъ жестокой
 Не обманулъ надеждъ моихъ!..

«Еще въ странѣ моей родимой
 Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
 Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ...
 И громкій подвигъ совершу я,
 И гласъ молвы произнесетъ
 Мое названье, торжествуя.
 Но...» Тутъ, какъ арфы дальней звонъ,
 Его слова невнятны стали,
 Глаза всю яркость потеряли,
 И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
 Лишь молча крѣпко обнимала,
 Забывъ, что у нея ужъ нѣть
 Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;

Что попѣлуй ея безсильный,
 Ничтожный, какъ ничтожны звукъ,
 Не озаряетъ тьмы могильной,
 Не облегчить послѣднихъ мукъ.
 Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
 Одна алмазная звѣзда
 Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
 Чиста, прекрасна какъ всегда,
 И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
 Что на землѣ онъ озаряетъ;
 Такъ онъ игриво нисходилъ
 На жертву тлѣнья и могиль.

И хочетъ юноша напрасно
 Послѣднимъ ласкамъ отвѣтать;
 И все, что можетъ онъ сказать—
 Уныло, мрачно, но не страстно.
 Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
 Ланиты хладныя какъ ледъ,
 Течетъ по каплямъ кровь изъ раны;
 И съ крикомъ, точно духъ ночной,
 Надъ ослабѣвшей головой
 Летаетъ коршунъ, гость незваный.
 И грустно юноша взглянуль
 На отдаленное свѣтило,
 Взглянуль онъ въ очи дѣвы милой,
 Привсталъ—и вдрогнулъ—и вздохнулъ—
 И умеръ.—Съ синими губами
 И съ побѣлѣвшими очами,
 Ликъ, прежде милый, былъ страшнѣй
 Всего, что страшно для людей!

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
 Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
 Съ земли возносится туда,
 Гдѣ блещеть первая звѣзда?
 Вѣнецъ играетъ серебристый
 Надъ тихимъ, радостнымъ челомъ,
 И долго виденъ свѣтъ огнистыи
 За нею въ сумракѣ ночномъ...
 То Ангель Смерти, смертью тлѣнной
 Отъ узъ земныхъ освобожденный!..
 Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
 Его отчизна въ небесахъ.
 Тамъ все, что онъ любилъ земнова,

Онъ встрѣтить и полюбить снова!..

Все тотъ же онъ, и власть его
Неизмѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волиенье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему,
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовью къ нему.
Все тотъ же онъ,—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣнять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангель Смерти молодой
Простился съ прежней добротой,—
Людей узналъ онъ: « состраданья
Они не могутъ заслужить,
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?..

Его неизбѣжной встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ:
Тревожать насть, какъ злой укоръ,
Его привѣтственная рѣчи,
И мраченъ неподвижный взоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!..

КАЛЫ¹⁾.

(1831 г.).

'T is the clime of the East; 't is the land of the Sun—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

Byron.

I. « Т еперь насталъ урочныи часъ,
И тайну я тебѣ открою.

¹⁾ По-черкесски—„убийца“.

Мои совѣты—Божій глаſъ;
 Клянись имъ слѣдоватъ душою...
 Узнай: ты чудомъ сохраниенъ
 Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
 Чтобъ неба оправдать законъ
 И отомстить за побѣжденныхъ;
 И не тебѣ принадлежать
 Твои часы, твои мгновенія:
 Ты на землѣ—орудье мщенія,
 Палачъ,—а жертва Акбулатъ!..
 Отецъ твой, мать твоя и братъ,
 Отъ рукъ злодѣя погибая,
 Молили небо объ однотѣ:
 Чтобъ хоть одна рука родная
 За нихъ развѣдалась съ врагомъ!—
 Старайся быть суровъ и мраченъ,
 Забудь о жалости пустой;
 На грозный подвигъ ты назначенъ
 Закономъ, клятвой и судьбой.—
 За всѣ минувшія злодѣйства
 Изъ обреченного семейства
 Ты никого не пощади;
 Ударилъ часть ихъ истребленія.
 Возьми-жъ мои благословенія.
 Кинжалъ булатный, и рази!»

Такъ говорилъ мулла жестокій,
 И кабардинецъ черноокій,
 Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
 Уроку мщенія внималъ.
 Онъ молодъ сердцемъ и годами,
 Но, чуждый страха, онъ готовъ
 Обычай дѣдовъ и отцовъ
 Исполнить свято надъ врагами;
 Онъ поклялся своей рукой
 Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II. Ужъ день погасъ. Угрюмо бродить
 Аджи вокругъ сакли... И давно
 Въ горахъ все тихо и темно.
 Луна, какъ желтое пятно,
 Изъ тучки въ тучку переходить,
 А вѣтеръ свищетъ и гудѣть.
 Какъ призракъ, юноша идетъ
 Теперь къ завѣтному порогу;

Кинжалъ изъ кожаныхъ ножонъ
 Ужъ вынимаетъ понемногу...
 И вдругъ дыханье слышитъ онъ!
 Аджи не долго разсуждаетъ;
 Врагу заснувшему онъ въ грудь
 Кинжалъ безъ промаха вонзаетъ.
 И въ ней спѣшить перевернуть.
 Кому убійцей быть судьбина
 Велить—тотъ будь имъ до конца;
 Одинъ погибъ; но съ кровью сына
 Смѣшать онъ долженъ кровь отца.
 Предъ нимъ стариkъ: власы сѣды!
 Черты открытаго лица
 Спокойны, и усы большие
 Уста закрыли бахромой!
 И для молитвы сжаты руки!
 Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
 Аджи? Ты мщенья слышишь звуки!
 Ты слышишь?.. То отецъ родной!—
 И съ ложа внизъ, окровавленный,
 Свалился медленно стариkъ,
 И сталъ ужасенъ блѣдный ликъ,
 Лобзаньемъ смерти искаженный.
 Взглянулъ убійца молодой...
 И жертвъ ищетъ онъ другой!
 Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышетъ,
 Но не встрѣчаетъ ничего—
 И только сердца своего
 Біенъе трепетное слышитъ.
 Ужели всѣ погибли?—нѣть!—
 Вѣдь дочь была у Акбулата!—
 И ждетъ ее—въ семнадцать лѣтъ!—
 Судьба отца и участъ брата...
 И вотъ луны дрожащий свѣтъ
 Проникнулъ въ саклю, озаряя
 Два трупа на полу сыромъ,
 И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
 Спала дѣвица молодая.

III. Мила, какъ сонный херувимъ,
 Передъ убійцею своимъ
 Она, раскинувшись небрежно,
 Лежала; только сонъ мяteжный,
 Волнуя дѣственную грудь,

Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
 Однажды, полные томленья,
 Открылись черные глаза;
 И—тайный признакъ упоенія—
 Блистала ярко въ нихъ слеза;
 Но испугавшись мрака ночи,
 Мгновенно вновь закрылись очи...
 Увы! ихъ радость и любовь,
 И слезы не откроють вновь!..
 И онъ смотрѣлъ. И въ думахъ тонеть
 Его душа... Проходить часъ...
 Чѣй это стонъ? Кто такъ простонеть,—
 И не послѣдній въ жизни разъ?
 Кто, услыхавъ такие звуки,
 До гроба можетъ ихъ забыть!
 О, какъ не трудно различить
 Отъ крика смерти—голосъ муки!

IV. Сидитъ мулла среди ковровъ,
 Добытыхъ въ Персіи счастливой;
 Въ дыму табачныхъ облаковъ
 Кальянъ свой курить онъ лѣниво,—
 Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ.
 Въ крови, съ зловѣщими очами,
 Аджи вѣгаєтъ молодой;
 Въ одной руکѣ кинжалъ, въ другой...
 Зачѣмъ онъ съ женскими власами
 Пришелъ? И что тебѣ мулла
 Подарокъ съ женскаго чела?—
 О, какъ вѣрны мои удары!—
 Ужаснымъ голосомъ сказалъ
 Аджи.—Смотри, узналь-ли, старый?..
 Ну что-же?—вотъ что.—И кинжалъ
 Въ груди безчувственной торчаль...

V. На вышинѣ горы священной,
 Вечернимъ солнцемъ озаренной,
 Какъ одинокій часовой,
 Бѣлѣетъ памятникъ простой:
 Какой-то столбикъ округленный.
 Чалмы подобіе на немъ,
 Шиповникъ стелется кругомъ.
 Оттуда синія пустыни
 И гребни самыxъ дальнихъ горъ—
 Свободы вѣчныя твердыни—

Пришельца открывастъ взоръ.
 Забыли міръ, и имъ забыты,
 Рукою дружеской зарытый,
 Подъ этимъ камнемъ спить мулла,—
 И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
 Другаго любить безъ боязни
 Его любимая жена,
 И не боится тайной казни
 Отъ злобной ревности она!..

vi. И въ это время слухъ промчался
 (Гласить преданье), что въ горахъ
 Безвѣстный странникъ показался,
 Опасный въ мірѣ и бояхъ,
 Какъ дикий звѣрь людей чуждался,
 И женщинъ онъ ласкать не могъ!

Храниль онъ вѣчное молчанье,
 Но не затѣмъ, чтобы подстрекнуть
 Толпы болтливое вниманье.
 И онъ лишь знаетъ, почему
 Каллы ужасное прозванье
 Въ горахъ остался ему.

АУЛЪ БАСТУНДЖИ.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
 Я снова посрящаю стихъ небрежный:
 Какъ сына, ты его благослови
 И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
 Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
 Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
 На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
 Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!..
 Твоихъ вершинъ зубчатые хребты

) Быть-можеть, совѣсти упрекъ
 Въ ея чертахъ найти стра-
 шился...
 Слѣды страданья и тревогъ
 Не укрывались отъ вниманья;
 Подъ башлыкомъ упорный взоръ
 Внушалъ лишь страхъ... Ни со-
 страданья,
 Ни сожалѣнья—лишь укоръ

Судьбѣ читался въ немъ... Пикто
 Непризнаваль въ Абрекѣ друга,—
 Онъ поражаль какъ бичъ недуга...
 Встрѣчались ночью онъ кого.
 Встрѣчались днемъ,—всегда его
 Всѣ сторонились, избѣгали,
 Какъ дней проклѣтия пль печали.
 Ему открыть былъ всюду путь...
 Храниль онъ вѣчное молчанье...

Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, лелъя, ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана.
Въ степи обросшій мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ гремя катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры окликалися кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
И въ край надзвѣздный пылкою душой
Леталь на колесницѣ громовой!..

Моей души не понять міръ,—ему
Души не надо; въ мракѣ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то недоступныя уму
Живутъ воспоминанья о далекой,
Святой землѣ... Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду твой!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

- I. Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣть тридцать. быль ауль, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣть. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикий виноградъ,
Цѣпляясь, выется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ состѣднихъ сброшенныхъ грозой...
- II. Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
И въ зноиный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходить тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки съ пикой за спиной,
Донской казакъ вѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орель,
Чертя круги, глядить на тихій долъ.
- III. И тамъ, когда вечерняя заря

Блѣднѣющими румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзаясь, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ на полѣ роковомъ.

- iv. Сгорѣлъ аулъ—и слухъ объ немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой объ немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвить казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула *Бастунджи?*»
- v. Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей
Когда-то жили два родные брата;
И въ Пятигорѣ не было грознѣи
И не было отважнѣй *Акбулата*.
Менышой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней,
Какъ цвѣть весенний подъ лучомъ заката!
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась... и ждала...
- vi. Отецъ ихъ былъ убить въ чужомъ краю,
А мать *Селимъ* убила своимъ рожденiemъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленiemъ!
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть угѣшенымъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!..
- vii. Онъ росъ одинъ... на волѣ, безъ заботъ,
Какъ итичка межъ землей и небесами!
Блуждая съ дѣства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидѣлъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него леталъ чудесный сонъ...
- viii. И земляки—зачѣмъ? то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за нихъ порогъ

Переступали люди боязливо;
 И даже молодой Селимъ не могъ,
 Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
 Въ бешметъ шелковый, праздничный одѣвъ,
 Привлечь одной улыбки гордыхъ дѣвъ.

- ix. Сбирались-ли ватага удальцовъ
 Отбить табунъ, иль бранною забавой
 Потѣшиться,—оставя бѣдный кровъ,
 Имъ вслѣдъ, съ усмѣшкой горькой и лукавой,
 Смотрѣли братья, сумрачны, безъ словъ,—
 Какъ смотрѣть облакъ иногда двуглавый,
 Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлыи бѣгъ луны,
 Одинъ исполненъ грозной тишины.
- x. Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
 И не любилъ никто ихъ... оттого-ли,
 Что никому они дѣла свои
 Не повѣряли, и надменной воли
 Склонить предъ чуждой волей не могли?..
 Не знаю,—тайна ихъ угрюмой доли
 Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
 Прохожаго, на плѣтѣ гробовой...
- xi. Была ихъ сакля меныше всѣхъ другихъ,
 И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленый.
 Рядкомъ блистали на стѣнахъ простыхъ
 Арканъ, сѣдло съ насѣчкой воронёной,
 Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
 Да два ружья, которыхъ стволъ гранёный,
 Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
 Былъ закопченъ въ дыму пороховомъ.
- xii. Однажды... Акбулата ждалъ Селимъ
 Съ охоты. Было поздно. На долину
 Туманъ ложился какъ прозрачный дымъ;
 И сквозь него, прорѣзавъ половину
 Косматыхъ скалъ, какъ буркою густымъ
 Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
 Родной земли и неба красоту
 Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.
- xiii. Вдали тянулись розовой стѣной,
 Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговыя;
 Машукъ, склоняся лысой головой
 Черезъ струи Подкумка голубыя,
 Казалось, думалъ тяжкою стопой

Перешагнуть въ помѣстія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла; Аулъ дремалъ...
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталь.

- xiv. И ждеть Селимъ. Сидить онъ чась, и два.
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ,
И подъ окномъ колышется трава.
Но чу! далекій топотъ... кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что это значить?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной!
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

- xv. И въ саклю молча входить Акубутъ,
Самодовольно взорами сверкая.
Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!
Я чай, съ тобой не дичь одна лѣсная».
И любопытно онъ взглянуль назадъ.
И видить онъ: черкешенка младая
Стоить въ дверяхъ, мила какъ херувимъ;
И поблѣдила невольно мои Селимъ.

- xvi. И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...
— «Люби ее! она—моя жена!»
Сказалъ тогда Селиму братъ. «Охотой
Родной ауль покинула она.
Напъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отныне будетъ.—Зара! вотъ моя
Отчизна, все богатство, вся семья!..»

- xvii. И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли.—Вдолъ по челу мечта
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта.
Казалось, вся она была слита,
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣга;
Бѣлый и чистѣ рannихъ облаковъ
Являлась грудь поднявшая покровъ.

- xviii. Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили!
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилий;
Сквозь черный шелкъ витого кушака

Блистало серебро исподтишка.

xix. Змѣились косы на плечахъ младыхъ.

Оплетены тесемкою золотою;
И мраморъ плечь бѣлѣя изъ-подъ нихъ
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росою.

xx. Селимъ смотрѣль. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце чѣмъ-то новымъ.
Какъ сладко, страстно пламеннымъ челомъ
Прилегъ-бы онъ къ грудямъ ея перловымъ!..
Онъ вздрогнулъ, вышелъ... сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ.—На шелковомъ
Коврѣ, лѣниво Акбулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О! когда-бъ онъ зналъ!..

xxi. Промчался день, другой... и много дней;
Они живутъ какъ прежде нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря, все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ скачущихъ звѣрей,
Толпою рѣзыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака.

xxii. Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
Вдругъ шорохъ. Онъ глядѣть... предъ нимъ стоялъ
Селимъ, безъ шапки, пасмурный и блѣдный;
На поясѣ звена висѣлъ кинжалъ.
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ
Какъ бьется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

xxiii. И юношѣ съ участіемъ живымъ
Онъ молвилъ: «Что съ тобой?—не понимаю!
Скажи!»—«Я гибну!» отвѣчалъ Селимъ.
Сверкая мутнымъ взоромъ: «Я страдаю!..
Одною думой день и ночь томимъ!
Я гибну!.. Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ,—знаю!
Безумца не захочешь ты спасти!..
Такъ, я виновенъ... Но, прости!.. прости!..»

xxiv. «Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?—

Обиду злобы кровью смыть могу я!
 Иль конь пропалъ? Забудь объ немъ. забудь,—
 Въ горахъ коня красище найду я!
 Иль отъ любви твоя пылаеть грудь?
 И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуй?...
 Ее увезти легко во тымъ ночной,—
 Она—твоя!.. Но молви: что съ тобой?»—

xxv. — «Легко спросить, но тяжко разсказать
 И чувствовать!.. Молился я Пророку,
 Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
 Хоть каплю влаги пламенному оку!..
 Ты видишь, есть-ли слезы?.. О! не трать
 Молитвъ напрасныхъ... Къ яркому Востоку
 И Западу взывалъ я... но въ моей
 Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!..

xxvi. «Я прохляль небо—осѣдлалъ коня,
 Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали,
 Не различалъ ни ночи я, ни дня...
 Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали!
 Я гибну, братъ!.. Пойми, спаси меня!
 Твоя душа не крѣпче бранной стали;
 Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
 Ребенка... помнишь это? иль забылъ?..

xxvii. «Послушай... бурно молодость во мнѣ
 Кипитъ, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машука!
 Но ты, въ твоей суровой сѣдинѣ
 Видна усталость жизни, лѣнь и скуча.
 Пускай летать ты можешь на конѣ,
 Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
 Догнать оленя и врага сразить...
 Но... такъ какъ я не можешь ты любить!..

xxviii. «Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
 Смотрѣть на взоръ живой, но безответный,
 И утопать въ сіянїи милыхъ глазъ,
 Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
 Обнявши Зару, я впдалъ не разъ,
 Какъ ты томился скукою примѣтной...
 Я-бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй такой,
 И... еслибъ могъ, не пожалѣлъ другой!..»

xxix. Какъ облака висящія надъ нимъ.
 Сталь мраченъ ликъ суровый Акбулата;
 Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,

Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.

— «Что произнести рѣшился ты, Селимъ!»—
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата.
Какъ бѣдный рабъ онъ паль къ его ногамъ,
И волю далъ страданью и мольбамъ.—

xxx. — «Ты видишь: я погибъ... Спасенья нѣть...
Отчаянье, любовь... вездѣ! повсюду!..
О! ради прежней дружбы... прежнихъ лѣтъ...
Отдай мнѣ Зару!.. уступи!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: скажусь!.. Нѣть,
Нѣть!.. ты меня какъ ветхую посуду
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но, видишь: вотъ книжалъ!—а тамъ: есть Богъ!..

xxxi. «Когда-бъ хотѣлъ, я-бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастьемъ, презрѣть все святое!
Но я подумалъ: нѣть, какъ лютый звѣрь
Онъ растерзаетъ сердце молодое!—
И вотъ пришло раскаянье теперь,
Пришло—но поздно! Я ошибся вдвое,
Я, какъ глупецъ, остался на земли,
Одинъ, одинъ... безъ дружбы и любви!..

xxxii. «Что медлить: я готовъ.—Не размышляй!
Одинъ ударъ—и мы спокойны оба.
Увы! минута съ ней—небесный рай!
Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба!—
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
Любовь хитрѣй чѣмъ ревность или злоба;
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей;
Она моя—и быть должна моей!»—

xxxiii. Умолкъ. Бѣдный снѣговъ былъ нѣжный ликъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный крикъ.
Мучительный, ужасный... Сожалѣніе
Угрюмый братъ почувствовалъ на мигъ:
«Пройдетъ, сказалъ онъ, время заблужденья!
Есть много звѣздъ: одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!..

xxxiv. «Что даль мнѣ Богъ, того не уступлю;
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зритъ мысль, и слышитъ рѣчь мою!
Меня не тронуть ни мольбы, ни злato!..
Прощай... Но если.... если....»—«Я люблю,

Люблю ее!»—сказалъ Селимъ обѣятый
Тоской и злобой:—«Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ!.. Такъ помни-жъ: не хотѣлъ!»—

xxxv. Его уста скривилъ холдный смѣхъ;
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣть для меня ни дружбы, ни утѣхъ!..
Благодарю тебя!.. Ты, какъ обѣ сынѣ,
Обѣ юности моей пекся: сказать нѣ грѣхъ...
По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить—помни только ты!..»

xxxvi. Онъ отвернулся, и исчезъ какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй чѣмъ громомъ опаленный пень.—
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ!..

xxxvii. Такъ иногда, одна въ степи чужой,
Залетная пѣвица, птичка юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ выюга,—
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской,
И думаетъ: то вѣрно голосъ друга!
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою!..

xxxviii. . . . Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня
Уздечка блещеть; крѣпко обвивая
Сѣдо съ конемъ, сѣвшились два ремня.
Стремена ровны, плетка шелковая
На арчагѣ мотается. Храпитъ,
Косится конь... Пора, садись, джигитъ!

xxxix. Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ красный угль его сверкаетъ око.
Нога стройна, косматый хвостъ трубой;
И лоснится хребеть его высокій
Какъ черный камень слаженный волной!
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Порхаетъ онъ подъ легкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твои давно ему знакомъ!..

- xl. И молча на коня вскочилъ Селимъ;
 Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
 На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
 И захрапѣль товарищъ быстроногій!
 Скачокъ, другой... ноздрями паръ, какъ дымъ...
 И полетѣль знакомою дорогой,
 Какъ пыльный листъ оторванный грозой
 Летить крутись по степи голубой!..
- xli. Размашисто скакалъ онъ; и кремни,
 Какъ брызги, разсыпаяся трещали
 Подъ звонкими копытами. Они
 Сырую землю мѣрно поражали;
 И долго вслѣдъ ущелія одни
 Другъ другу этотъ звукъ передавали,
 Пока вдали, мгновенный какъ Симунъ,
 Не скрылся всадникъ и его скакунъ.
- xlii. Какъ духъ изгнанья, быстро онъ исчезъ
 За пеленою волнистаго тумана!..
 У табуна сторожевой черкесъ,
 Дивяся, долго вслѣдъ ему съ кургана
 Смотрѣлъ, и думалъ: «Много есть чудесъ!..
 Великъ Аллахъ!.. Ужасна власть шайтана!—
 Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
 Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

- i. Межъ виноградныхъ лозъ, нагорный ключъ,
 Отъ мирнаго аула недалеко,
 Бѣжалъ по камнямъ, свѣтель и гремучъ.
 Небесь восточныхъ голубое око
 Глядѣлось въ немъ; и плаваль жаркій лучъ
 Въ его волнѣ студеной и глубокой;
 И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
 Въ него съ прибрежныхъ ссыпался деревъ.
- ii. Вотъ мирный часъ, когда на водопой
 Бѣжитъ къ потоку сернь пугливыхъ стая,
 Шумя по листьямъ и травѣ густой.
 Вотъ часъ, когда черкешенка младая
 Щедъ купаться тайною тропой.
 Нагую ножку въ воду погружая,
 Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
 Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышать страсть и югъ!

- III. Не бойся, Зара!—всюду тишина;
 Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!
 Вода въ ручье прозрачна, холодна;
 Смирить волненые груди непокорной,
 И освѣжить твой смуглый станъ она.
 Но, чу!.. Постой!.. Чей это шагъ проворный
 Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?..
 Святой Пророкъ!—Скорбѣй, гдѣ твой покровъ?..
- IV. Но сильно чья-то жаркая рука
 Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
 Огонь руки сей!.. Сакля далека...
 Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
 Проникъ, какъ пушля мѣткаго стрѣлка,
 И сердце громко билось въ ней какъ молотъ!—
 — «Селимъ, ты здѣсь?.. Злой духъ тебя принесъ?
 Зачѣмъ пришелъ ты?»—«Я?.. какой вопросъ!»—
- V. — «Селимъ!.. О! я погибла!»—«Можетъ-быть;
 Такъ что-жъ?»—«Ужель ни капли сожалѣнья!
 Чего ты хочешь?»—«Я хочу любить!
 Хочу!—Ты видишь, краткія мученія
 Меня ужъ измѣнили... скучно жить,
 Какъ звѣрю, одному... часамъ терпѣнья...
 Насталъ послѣдній срокъ!—Я снова здѣсь.
 Я твой навѣкъ, душой и тѣломъ,—весь!
- VI. «Я зналъ, что ванъ Пророкъ—не мой пророкъ,
 Что люди—мнѣ чужіе, а не братья;
 Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
 И сумраченъ, какъ дивъ, дитя проклятъ!
 Безъ страха я давно-бъ въ могилу слегъ;
 Но холодны сырой земли объятья...
 Ахъ! я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
 Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!...»
- VII. «Бѣги со мной!.. Оставь свой бѣдный домъ!
 Я молодъ, свѣжъ; твой мужъ—старикъ суровый!
 Рѣшишь, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ;
 Мое ружье вѣрный стрѣлы громовой;
 Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучомъ;
 Моя рука быстрѣй чѣмъ взглядъ и слово;—
 И у меня жилище есть въ горахъ,
 Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!»
- VIII. «Мой домъ изрыть въ разсѣлинахъ скалы:
 Въ немъ до меня два барса дружно жили.—

- Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завывши...
Я ихъ убилъ—и въ тотъ-же день орлы
Кровавыя ихъ кости растащили;
А кожи ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ какъ тѣни въ страхѣ другимъ звѣрямъ.—
- ix. «Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Тамъ есть родникъ межъ камней изсѣченный;
Его питаетъ влага облаковъ
И брызжетъ онъ, журча, струю плѣнной.
Бѣги со мной!... никто твоихъ слѣдовъ
Не различить въ степи, мой другъ безцѣнныи!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ какъ и кто тобой любимъ!...»
- x. Обнявши станъ ея полунагой,
Елва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской;
Она молчала. Шаткими вѣтвями
Шумѣлъ надъ ними вѣтеръ полевой,
И тѣни листьевъ темными рядами
Бродили по челу ея... Она
Какъ мраморный кумиръ была блѣдна...
- xi. —«Рѣшился же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?... Что такое?... слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?—Нѣть, я лгу...
Твои уста, нѣжнѣй иранской розы,
Они не могутъ это произнестъ!...
Пусть нѣть въ тебѣ любви, но... жалость есть!..
- xii. «О, какъ я быль бы счастливъ, какъ богатъ,
Подъ звѣздами Аллы, одинъ съ тобою!...
Скажи: тебя не любить Акбулатъ?
Онъ золь, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою?
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ?...
Онъ для тебя постылъ... Бѣги со мною...
Но ты качаешь молча головой...
Не онъ тобой любимъ!... Но кто-жъ другой?
- xiii. «Скорѣй: откуда? гдѣ онъ?—назови—
Я вытвержу зловѣщее названье...
Я обниму какъ брата,—и въ крови
Запечатлѣю братское лобзанье.

Кто-жъ онъ, счастливый, царь твоей любви?
 Пускай придетъ, дразнить мое страданье,
 При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать...
 Я радъ смотрѣть; клянусь... и радъ молчать!...»

xiv. И онъ склонилъ мятежную главу,

И онъ закрылъ лицо свое руками,
 И видно было ей, какъ на траву
 Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
 Безъ смысла и безъ звука, на яву
 Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
 И наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
 Какъ та земля и хладный, и нѣмой.

xv. Ей стало жаль; она сказала вдругъ:

«Не плачь!.. ужасенъ видъ твоей печали!
 Отецъ мой былъ великий воинъ: югъ,
 И сѣверъ, и востокъ обѣ немъ слыхали.
 Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
 И низкой лжи уста его не знали...
 Я дочь его, и честь его храню:—
 Умру, погибну,—но не измѣню!

xvi. «Оставь меня! я счастлива съ другимъ!»

—«Не правда!..»—«Я люблю его!.. конечно!»
 —«Онъ мой злодѣй, мой врагъ!»—«Селимъ, Селимъ!
 Кто-жъ виноватъ?.. Онъ правъ!—ужели вѣчно
 Не примиритесь вы?»—«Мириться? съ нимъ?...
 Да кто же я, чтобы злобой скоротечной
 Дразнить людей и небо!»—«Ты жестокъ!»
 —«Какъ быть?—такую душу даль мнѣ рокъ!»

xvii. —«Прощай! ужъ поздно! Богъ разсудить насть!

Но если я съ тобой увижуясь снова,
 То это будетъ—зной—въ послѣдній разъ!...»—
 Онъ тихо всталъ, и болѣе ни слова—
 И тихо удалился... День угасъ;
 Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутого
 Едва свѣтилъ прощальюю струей
 На блѣдныи ликъ черкешенки младой.

xviii. Селимъ не возвращался.—Акбулатъ

Спокоенъ. Онъ не видѣть, что порою
 Его жены доселъ ясный взглядъ
 Туманился невольною слезою.
 Вотъ, разъ съ охотыѣхалъ онъ назадъ:
 Ауль дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною,

Съ мечети божьей лишь мулла съдой
Ему смѣясь киваетъ головой,

xix. И говорить: «Куда спѣшишь, мой сынъ!
Не лучине-ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой—всегда, вездѣ одинъ,
И служить только родинѣ да волѣ!
Черкесъ землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшенъ болѣ;
Но еслись онъ послушался меня,
Жену бы кинулъ—а купилъ коня!»

xx. —«Молись себѣ Пророку, злой мулла,
И не мѣшайся такъ въ дѣла чужія.
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрный стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!»
И тотъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои простыя!»
Смутился Акбулатъ,—потупилъ взоръ
И скакеть онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

xxi. Съ дрожащимъ сердцемъ въ сакло входить онъ,
Глядитъ: на ложѣ смятомъ и разрытомъ,
Кинжалъ знакомый блещеть безъ ножонъ.
Любимый конь не ржетъ, не бѣть копытомъ,
Нейдетъ на встрѣчу Зара. Мертвый сонъ
Повсюду. Лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень.—Онъ невзвидѣлъ дня:
Нѣть ни жены,—ни лучшаго коня!...

xxii. Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ какъ мертвецъ,
Пронженный сзади пулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣлъ онъ на порогъ,—и что кипѣло
Въ его груди, то знаеть лишь Творецъ!—
Часы бѣжали. Небо потемнѣло,
Съ росой на землю нала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ прянула луна.

xxiii. Блѣднѣй луны сидѣлъ онъ недвижимъ.
Вдругъ слышенъ топотъ: все яснѣй, яснѣе.
Вотъ мчится въ полѣ конь. Какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещеть вдоль по шеѣ,
И вѣется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летить быстрѣе...
Знакомый конь... Вотъ близко, прискакаль,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ,—и паль.

хxiv. Издохший конь недвижимо лежитъ.
На немъ колеблясь блещетъ покрывало;
Черкесской пулей тонкій холстъ пробить,
Кровь запеклась на немъ струею алой!
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ бѣжитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
—«Спасибо, другъ, не позабыть меня!»—
И гладить онъ издохшаго коня.

хv. И покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой поднялъ онъ рукою;
Склонился. Мѣсяцъ свѣтить: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣду надежднмъ прикрѣпленъ узломъ.

хvi. Какъ ранній снѣгъ бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ усть, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала,
И опустясь рѣчицы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

хvii. Узналь-ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Быть одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ тебя лишь день тому назадъ?..
Все понялъ онъ—стоить надъ мертввой Зарой,
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее, но—крѣпокъ мертвыхъ сонъ!..

хviii. И въ ту же ночь за часъ передъ зарей
Съ мечети грянуль вѣнцій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата;
И чей-то смѣхъ мучительный и злой
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

хix. И ницъ упалъ испуганный народъ...
«Молитесь. дѣти!—это смѣхъ шайтана!»

Сказалъ мулла таинственно—и вотъ,
Какой-то темный стихъ изъ Алкорана
Запѣль онъ громко.—Но огонь реветь
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

xxx. И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось;
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась.
Ее невольно обнялъ тайный страхъ:
Стряхнувъ съ себя росу, она пустилась...
И, спавшіе подъ сѣнью скалы,
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы.

xxxI. Да упадеть проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ рукъ его дрожащей
Измѣнить въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманить взоръ его блестящій;
Пускай, одинъ бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышить за собой!

xxxII. Да упадеть проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого;
Пускай умреть не въ битвѣ,—отъ стрѣлы
Невѣдомой разбойника ночного,
И полумертвый, на хребтѣ скалы,
Три ночи и три дня лежить безъ крова;
Пусть зной палить, и бѣть его гроза,
И хищный коршунъ выкроетъ глаза!..

xxxIII. Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,
Пускай Пророкъ свой отворотить взоръ
И грозно молвить: «я тебя [не] знаю!..»
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскрикнуть онъ: «Прости мнѣ, умоляю!..»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!»

xxxIV. Сгорѣль ауль—и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ.
Лишь иногда въ туманный день черкесъ
Объ немъ, вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ,

При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесь
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвить казаку: «Скажи,
Не знаешьъ ли аула Бастунджи?..»

ИЗМАЙЛЪ-БЕЙ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

(1832 г.).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

О пять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣніе
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная.
Прекрасный путникъ, итичка рая,
Сидѣть на деревѣ сухомъ.
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветь, бушуетъ выюга,
Она поеть лишь обѣ одномъ—
Она поеть о солнцѣ юга!
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки;
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешьъ ты въ другихъ!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣй!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онъ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы.
Когда, какъ дымъ синія, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летять издалека,

Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья,—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

- II. Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи окликаются ночные,
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ какъ цвѣты небесъ и рая...
Въ вечерній часъ дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловая, съ багряными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту,—но еще скорѣй
Его разсвѣть вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнья,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлый, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядять
Такъ весело, такъ пышно и безопасно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...
- III. И дики тѣхъ ущелій племена,
Имъ богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ.
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскихъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщеніе;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна какъ любовь.
- IV. Темны преданья ихъ. Старикъ-чеченецъ.
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ.
Когда меня чрезъ горы провожалъ,

Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка.
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повицій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто-бы удержанній Аллою
На воздухѣ въ паденіи своеемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ.
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогоды,
Плѣнительный, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растеть воспоминанія цвѣтокъ!
И подъ столѣтней, мшистою скалою,
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть-можеть, онъ о родинѣ молился!
И, странникъ чуждыи, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скаль:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

v. Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенестъ на сѣверъ дальний:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,—
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Цускай ему не внемлють,—до конца
Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!.

vi. Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ.
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится,
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной.
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный.
Черкесъ счастливъ и воленъ бытъ:

Красою чудной за горами
 Извѣстны были дѣвы ихъ,
 И старцы съ бѣлыми власами
 Судили распри молодыхъ;
 Весельемъ пѣсни ихъ дышали!—
 Они тогда еще не знали
 Ни золота, ни русской стали!

vii. Не все судьба голубить нась,
 Всему свой день, всему свой часъ.
 Однажды,—солнце закатилось,—
 Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,—
 Но въ эту ночь аулы, мнилось,
 Не знали тишины ночной.
 Стада тѣснились и шумѣли.
 Арбы тяжелыя скрипѣли;
 Трепеща, жены близъ мужей,
 Держали плачущихъ дѣтей;
 Отцы ихъ, бурками одѣты,
 Садились молча на коней
 И заряжали пистолеты;
 И на кострѣ высокомъ жгли.
 Чѣмъ взять съ собою не могли!
 Когда-же день новорожденный
 Завѣтный озарилъ курганъ
 И мокрый утренний туманъ
 Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
 Онъ обнажилъ подошвы горъ.
 Пустой аулъ, пустое поле,
 Едва дымящійся костеръ
 И свѣжій слѣдъ колесь—не болѣ.

viii. Но что могло заставить ихъ
 Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
 И добровольное изгнанье
 Искать среди пустынь чужихъ?
 Гнѣвъ Магомета? прорицанье?
 О, нѣть! Примчалась какъ-то вѣсть,
 Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный.
 Неумолимый и ужасный,
 Что все громамъ его подвластно,
 Что сильь его нельзѧ и счасть.
 Черкесъ удалый въ битвѣ правой
 Умѣеть умереть со славой,
 И у жены его младой

Спаситель есть—кинжалъ двойной:
 И страхъ насильства и могилы
 Не могъ-бы изъ родныхъ степей
 Ихъ удалить: позоръ цѣпей
 Несли къ нимъ вражескія силы!
 Мила черкесу тишина,
 Мила родная сторона,—
 Но вольность, вольность для героя
 Милый отчизны и покоя.
 «Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
 Оставимъ мы утесы горъ;
 Пусть на тебя, Бешту суровый,
 Попробуютъ надѣть оковы!»
 Такъ думалъ каждый; и Бешту
 Теперь ихъ мысли понимаетъ,
 На русскихъ злобно онъ взираетъ
 Иль облаками одѣваетъ
 Вершинъ кудрявыхъ красоту.

- ix. Межъ тѣмъ летять за годомъ годы,
 Готовяще мщеніе народы,
 И пятый годъ ужъ настаетъ,
 А кровь джяуровъ не течеть.
 Въ необитаемой пустынѣ
 Черкесъ бродящею отдохнулъ,
 Построенъ новый быль ауль
 [Его слѣдовъ не видно нынѣ],
 Старикъ и воинъ молодой
 Кипятъ отвагой и враждой;
 Ужъ Росламбекъ съ бреговъ Кубани
 Князей союзныхъ поджидалъ;
 Лезгинецъ, слыша голосъ браны,
 Готовить стрѣлы и кинжалъ.
 Скопилась месть ихъ роковая
 Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ:
 Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
 Цвѣтами радуги блестая,
 Висить, прохладу обѣщаю,
 Надъ беззаботнымъ табуномъ.
- x. Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
 Между Желѣзной и Змѣиной,
 Гдѣ чутъ примѣтный путь лежаль
 Цвѣтущей, узкою долиной,
 Тихонъко всадникъ проѣзжалъ.

Кругомъ, налево и направо,
Какъ-бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавыи,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной!

- xii. Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скаль гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью поражонъ:
Смущенный взглядъ кругомъ обводить—
Чего-то, мнится, не находитъ;
То пустить онъ коня стремглавъ,
То остановить и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ.
Все пусто! Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняеть,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу-ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый!..
- xiii. Кто-жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны книжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянуть онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣеть въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ-же горда на сѣдлѣ
Не различить миѣ съ казаками?
Я не ошибся.—онъ черкесь.
Но смуглый цвѣть почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и выюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ.

Конечно, смыли краску юга,—
 Но видно все, что онъ черкесь!
 Густыя брови, взглядъ орлиный,
 Рѣсницы длинны и черны,
 Движенья быстры и вольны;
 Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
 Не сбривъ бородки и усовъ,
 И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
 Какъ брызги пѣны у бреговъ.
 Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
 Своей отчизны не оставилъ...
 Но горе, горе, если онъ,
 Храня людей суровыхъ мнѣнья,
 Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
 Въ Европѣ душной заражонъ!
 Старикъ для чувствъ и наслажденья
 Безъ сѣдины между волосъ,
 Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
 Такъ непокойно, такъ игриво,
 Онъ сердце мертвое принесъ?

xiii.

Какъ наши юноши онъ молодъ,—
 И хладенъ блескъ его очей.
 Поверхность темную морей
 Такъ покрываетъ ранній холодъ
 Корой ледяною своей
 До первой бури. Чувства, страсти,
 Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
 Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
 Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
 Оно никакъ не избѣжить:
 Шуть будетъ это сердце камень,—
 Ихъ пробужденный адскій пламень
 И камень углемъ раскалить!

xiv.

И все прошедшее явилось
 Какъ тѣнь умершаго ему;
 Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
 Богъ вѣсть, и какъ, и почему!
 Онъ въ поле выѣхалъ пустое.
 Вдругъ слышитъ выстрѣль—что такое?
 Какъ-будто насмѣхъ, звукъ одинъ,
 Жилецъ ущелій и стремнинъ,
 Трикраты отзывъ повторяетъ.
 Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ.

И вотъ, съ винтовкой безъ штыка
 Въ кустахъ онъ видѣтъ казака;
 Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
 Росою съ листьевъ окропленный,
 Блистая радужнымъ хвостомъ,
 Лежащъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
 И ближе путникъ подѣзжаетъ
 И чистымъ русскимъ языкомъ
 «Казакъ, скажи мнѣ,—вопрошаешь,—
 Давно-ли пусто здѣсь кругомъ?»
 — Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
 Неустршимый твой народъ!
 Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся
 Тому сегодня пятый годъ.

xv.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
 Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
 Подѣята съ шашкой роковою?
 Прости улыбку казака!
 Увы! свершилось наказанье:
 Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
 Лежить на смѣшилый казакъ.
 Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
 Въ немъ пробудился духъ природный,—
 Онъ пощадить не могъ никакъ,
 Онъ удержать не могъ удара.
 Какъ въ тучахъ зарево пожара,
 Какъ лава Этны по полямъ,
 Больной румянецъ по щекамъ
 Его разлился; и блистали
 Какъ лезвіе кровавой стали
 Глаза его,—и въ этотъ мигъ
 Душа и адъ—все было въ нихъ!
 Оборотясь, съ улыбкой злобной
 Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ,
 Ничто, ничто смертельный ядъ
 Передъ улыбкою подобной!
 Волнуя поднялася грудь,
 Хотѣлъ онъ—и не могъ вздохнуть,
 Холодный потъ съ чела крутова
 Катился, но изъ усть—ни слова!

xvi.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
 Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ;
 Одно мгновеніе на курганѣ

Онь черной птицею мелькнуль
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,—
Онь не глядить и не боится;
Такъ быстро скачеть только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится!..

xvii.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненіе?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть,—
Ужели отдыхаетъ миценье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ сель,—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣть, нѣть, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмстить за униженіе
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю,
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю,
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня!..»
Онь бѣть и дергаетъ коня,
И конь летить какъ вѣтеръ степи,
Надулись ноздри, блещетъ взоръ.
И ужъ въ виду зубчаты цѣли
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шать подъемлется за ними
Съ двумя главами сиѣговыми,
И путникъ мнитъ: «недалеко,
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.»

xviii.

Предъ нимъ съ отгѣнкой голубою
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты:
Невѣрны, странны какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣть!
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣты!
Блѣдиеть путникъ отъ досады,

Конь непривычный устаетъ.
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,—
А все пустынныя громады,
Хотя и выше, и темнѣй,
Еще загадка для очей.

xix.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора;
Пестрѣй восточного ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй.
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились;
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, минлось, отлегло.
Онъ поднялъ свѣтлое чѣло,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скаль незыблемыхъ одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ въ мысляхъ мѣра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность;
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья;
И, какъ невѣсту въ чась свиданья,
Душой природу обнималъ!

xx.

Краснѣють сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣшены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиной,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ блѣднѣя день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкусають сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ чась урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползеть змѣя,

Играеть, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною.
Такъ сталь кольчуги иль копья
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною.
Блистаеть въ сумракѣ ночномъ.

xxi.
Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась. Вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпить, какъ будто гибель чуетъ,
И сталь!.. Дивится, слѣзъ съдокъ,
И видить пронасть предъ собою;
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумить. [Слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошеннай].
Въ недоумѣніи надъ скалой
Остался странникъ утомленный.
Вдругъ видить онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ,—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачеть конь
Туда, где светится огонь.

xxii.
Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ упцелыи томъ:
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ,
Чернѣютъ крыши земляныя,
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленои баxромой,
А вѣтеръ осени сырой
Поеть имъ пѣсни неземныя;
Широкий окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.

Все въ мертвый сонъ погружено,
Одно лишь свѣтится окно!..
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ дъ землю ногой,
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаешь,
Идетъ.—«Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ;
Кто здѣсь?»—Я, странникъ!—быть отвѣтъ.
И больше спрашивать не想要,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный; вокругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочеть,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведеть его на дворъ.

ххiii. Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Профѣжай встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убийцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь—о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ,
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому.
Проходитъ непримѣтно часъ,—
Они сидятъ; и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

ххiv. Онъ самъ, лезгинецъ, ужъ давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ;
При нихъ молчитъ еще кручинा
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночные звѣзды,
Тогда пускаются въ разыѣзы
Его лихіе сыновья:
Живеть добычей вся семья!

Они повсюду страхъ приносятъ,—
 Украсть, отнять—имъ все равно,
 Чихирь и медъ кинжаломъ просяять
 И пулей платятъ за ишено;
 Изъ табуна-ли, изъ станицы
 Любаго уведутъ коня;
 Они боятся только дня,—
 И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы!
 Сегодня дома лишь одинъ
 Его любимый старшій сынъ.
 Но словъ хозяина не слышитъ
 Пришелецъ! Онъ почти не дышеть;
 Остановился быстрый взоръ,
 Какъ въ мигъ паденя метеоръ:
 Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
 Созданіе земли и рая,
 Стояла пери молодая!

xxv. И кто-бѣ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
 Кто прелести небесъ иль даже слѣдъ
 Небеснаго, разсѣянный лучами
 Въ улыбкѣ усть, въ движеньи черныхъ глазъ—
 Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
 Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ,—
 Не отличить отъ красоты ничтожной,
 Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
 И кто, кто скажетъ, совсѣмъ заглуши:
 Прелестный ликъ, но хладная душа!—
 Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
 То, что сперва почель бы онъ душою
 Освобожденыхъ отъ земныхъ цѣней,
 Слетѣвшей въ міръ, чтобъ утѣшать людей!
 Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаеть:
 Въ ея чертахъ земная жизнь играеть,
 Восточная видна въ ланитахъ кровь;
 Но только удалится образъ милый,
 Онъ станеть сомнѣваться въ томъ, что было,
 И заблужденью онъ повѣрить вновь!

xxvi. Нѣжна—какъ пери молодая,
 Созданіе земли и рая,
 Мила—какъ намъ въ kraю чужомъ
 Межъ звуковъ языка чужова
 Знакомый звукъ, родныхъ два слова!
 Такъ утѣшительно-мила,

Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,—
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ! Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ,—ужъ вѣрно часть она
Ихъ расплетала, заплела;
Она понравиться желала:
Какъ въ этомъ женщина видна!

LXXVII.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ,
И улыбнулась; и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала
Идти-ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажеть путникъ молодой.
Но онъ молчить, блуждають взоры,—
Ихъ привлекаетъ лезвеѣ
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ!.. Смутилась дѣва...
Но, не боясь отцова гиѣва,
Она осталась,—и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожить:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ усть не можетъ,
Смѣется,—но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутить онъ,—но хладный,
Печальный смѣхъ найдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ,—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;

И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,—
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесеть:
Ему мѣшаешь, видно, Зара?
Она уйдетъ! она уйдетъ!..

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И, какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей,—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится; онъ улыбкой
Слезу старается встрѣтить,
Улыбкѣ хладно отвѣтить;
Коль обласкаетъ, такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣрить онъ:
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣть пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла,—
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла:
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ!
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечить край далекой,
Пустыни, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни.
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все вѣнчнее подвластно!

xxix.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
 Черкесъ глядить ей долго вслѣдъ
 И мыслить: «нѣжное созданье!
 Едва изъ дѣтскихъ выпла лѣтъ,
 А есть ужъ слезы и желанья!
 Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
 На темной тучѣ не гори:
 На ней твой блескъ лишь помрачится,
 Ей ждать нельзя, она умчится!»

xxx.

«Еще не знаешь ты, кто я.
 Утѣшься! нѣтъ, не мирной долгъ,
 Но битвамъ, родинѣ и волѣ
 Обречена судьба моя.
 Я-бъ могъ нѣжнѣшею любовью
 Тебя любить; но надъ тобой
 Хранитель вѣрно неземной.
 Рука, обрызганная кровью,
 Должна твою-ли руку жать?
 Тебя-ли грѣть моимъ объятьямъ?
 Тебя-ли станутъ цѣловать
 Уста, привыкшія къ проклятьямъ?»

xxxi.

Пора! Яснѣеть ужъ востокъ;
 Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
 На пепелищѣ огонекъ
 Еще синѣлъ. Старикъ суровый
 Его раздулъ, пшено сварилъ,
 Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
 И самъ до ветхаго порога
 Радушно гостя проводилъ.
 И странникъ медленно выходитъ
 Печалью тайной угнетенъ:
 О юной дѣвѣ мыслить онъ...
 И кто-жъ коня ему подводить?

xxxii.

Уныло Зара передъ нимъ
 Коня походнаго держала,
 И тихимъ голосомъ своимъ,
 Поднявъ глаза къ нему, сказала:
 «Твой конь готовъ! моей рукой
 Надѣта бранная уздечка,
 И серебристой чешуей
 Блестить кубанская насычка,
 И бурку черную ремнемъ

Я привязала за съдломъ;
 Мне это дѣло вѣдь не ново,
 Любезный странникъ,—все готово!
 Твой конь прекрасень: не страшна
 Ему утесовъ крутизна;
 Хоть выросъ онъ въ kraю далекомъ,
 Въ немъ дикость гордая видна,
 И лоснится его спина,
 Какъ камень слаженный потокомъ;
 Какъ уголь взоръ его блестить;
 Лишь наклонись,—онъ полетить.
 Его я гладила, ласкала,
 Чтобы тебя онъ, путникъ, спасть
 Отъ вражьей шашки и кинжала
 Въ стели глухой, въ недобрый часъ.

xxxiii.

«Но погоди въ стальное стремя
 Ступать поспѣшиою ногой;
 Послушай, странникъ молодой,
 Какъ знать?—быть-можеть, будетъ время:
 И ты на милой сторонѣ
 Случайно вспомнишь обо мнѣ.
 И если чаша пированья
 Кипить, блестить въ рукѣ твоей,
 То не ласкай воспоминанья,
 Гони отъ сердца поскорѣй;
 Но если эта мысль родится,
 Но если образъ мой приснится
 Тебѣ въ страдальческую ночь,—
 Услышь, услышь мое моленѣ!—
 Не презирай то сновидѣнье,
 Не отгоняй тѣ мысли прочь!

xxxiv.

«Пріютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
 Его не тронетъ русскій воинъ.
 И что имъ взять?—пять-шесть коней,
 Да наши грубыя одежды?..
 Повѣрь ты скромности моей,
 Откройся мнѣ: куда надежды
 Тебя коварныя влекутъ?
 Чего искать?—останься тутъ,
 Останься съ нами, добрый странникъ!
 Я вижу ясно: ты изгнаникъ,
 Ты отъ земли своей отвыкъ,
 Ты позабылъ ея языкъ.

Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждеть тебя?—не знаю.
Пусть мой отецъ твердить порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По-мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любять насъ, гдѣ вѣрять намъ!

xxxv.

«Еще туманъ бѣлѣеть въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ,
А ты у сакли здѣсь въ тѣни
Главу мнѣ на руки склони.
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала-бѣ я хоть разъ,—
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?..»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣть,
Слеза съ рѣсницъ упастъ готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ тѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся,—испугался;
И, состраданье увлеченъ,
Хотѣль ее утыкнуть онъ.

xxxvi.

—Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь?—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ!
Но не рѣшусь судьбы мятеjной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть малость любить,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губить,

Щадить — мнъ власти не дано!

И не простаго человѣка

[Хотя въ одѣждѣ я простой],

Утѣшься, Зара! — предъ собой

Ты видиши брата Росламбека!

Я въ жертву счастье долженъ принести...

О! не жалѣй о томъ! — Прости, прости! —

хххvii. Сказаль, махнуль рукой, и звукъ подковъ

Раздался, въ отдалены умирая.

Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ

Она стоитъ, безчувственно внимая,

Какъ будто этотъ дальний звукъ подковъ

Всю будущность ея унесъ съ собою.

О, Зара, Зара! краткою мечтою

Ты дорожила; гдѣ-жъ твоя мечта?

Какъ очи полны, какъ душа пуста!

Одно мгновеніе тяжелый другова;

Все, что прошло, ты оживляешь снова!..

По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,

Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;

Вездѣ, вездѣ она его находитъ:

Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродить.

Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна

Вскочивъ, дрожитъ, и ждетъ его она;

И постепенно вѣтромъ разносимый,

Все ближе, ближе топотъ — и все мимо!

Такъ метеоръ порой летить на насъ,

И ждешь, и близокъ онъ, — и вдругъ погасъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Шумить Аргуна мутною волной.

Она коры не знать ледяной,

Цѣпей зимы и хлада не боится:

Серебряной покрыта пеленою,

Она сама между снѣговъ родится,

И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,

Дитя природы, съ дѣтской простотой,

Она, рѣзвясь, играеть и катится!

Порою, какъ согнутое стекло,

Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло

По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,

Теряется во мракѣ, и надъ ней

Съ прощальнымъ воркованьемъ вѣтеся стая

Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...

Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
 Надъ мрачной бездной гробовая плиты
 Висять, и ждуть, когда замолкнетъ вой,
 Чтобы упасть и все покрыть собой.
 Напрасно ждутъ онъ! волна не дремлетъ.
 Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,—
 Прорвѣтъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
 И снова полетитъ въ далекій путь!

II. На берегу ея кипучихъ водъ
 Недавно новый изгнанный народъ
 Ауль построилъ свой,—и ждалъ мгновеніе,
 Когда свершить придуманное мщенье.
 Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ,
 Союзники сбирались потаенно;
 И умный князь, лукавый Росламбекъ,
 Склонялся передъ русскими смиренno,—
 А между тѣмъ съ отважною толпой
 Станицы разорялъ во тьмѣ ночной,
 И, возвратясь въ ауль, на пиръ кровавый
 Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
 И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
 И головы рубилъ имъ для забавы.

III. Легко народомъ править, если онъ
 Одною общей страстью увлеченъ;
 Не должно только слишкомъ завлекаться,
 Предъ нимъ гордиться или съ нимъ равняться;
 Не должно мыслей открывать своихъ
 Иль спрашивать у подданныхъ совѣта,
 И забывать, что лучше горь златыхъ
 Иному ласка и слова привѣта!
 Старайся первымъ быть вездѣ, всегда,
 Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
 Не трогай суевѣрій никогда
 И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
 Страшись сначала много успѣвать,
 Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
 Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
 Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
 Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
 И почиталъ нуждою—принужденья;
 Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
 И не проси никакъ вознагражденья!
 Народъ ребенокъ: онъ не хотеть дать,

Не покушайся вырвать,—но украдь!

iv. У Росламбека братъ когда-то былъ:

О немъ жалѣютъ шайки удалыя;

Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,

И ихъ надежду отняла Россія.

Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ

Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,

Чтобъ знать законы и права чужія.

Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ

Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной

Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:

Его баюкалъ буривой мятежной!

Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,

Его улыбку встрѣтила гроза!

Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,

Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,

Его отецъ таился много лѣтъ,—

Изгнаникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ!

v. Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденiemъ

Онъ душу не обрадовалъ ни чью,

И, хоть невинныи, началъ жизнь свою,

Какъ многіе кончаются—преступленiemъ

Онъ материнской ласки не зналъ:

Не у груди,—подъ буркою согрѣтый,

Одинъ провелъ младенческія лѣты;

И вѣтеръ колыбель его качалъ,

И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ!

Онъ выросъ межъ землей и небесами,

Не зная принужденья и заботъ,

Привыкъ онъ туки видѣть подъ ногами,

А надъ собой одинъ лазурный сводъ;

И лишь орлы, да скалы величавы

Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.

Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,

Онъ обладалъ пылающей душою,

И бури юга отразились въ ней

Со всей своей ужасной красотою!..

Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,

И съ той поры извѣстъя нѣть объ немъ...

vi. Горой отъ солнца заслоненный,

Приютъ изгнаниковъ смиренный,

Межу кизиловыхъ дерёвъ

Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою.

Стоитъ отдельно каждый кровъ,
 Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
 Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жарь,
 Когда съ камней восходитъ паръ,
 Толпа дѣтей въ травѣ играеть.
 Черкесь усталый отдыхаетъ;
 Межъ тѣмъ сидить его жена
 Съ работой въ саклѣ одиноко,
 И пѣсню грустную она
 Поетъ о родинѣ далекой;
 И облака родныхъ небесъ
 Въ мечтаньяхъ видить ужъ черкесь!
 Тамъ лугъ душистый, день свѣтлѣе,
 Роза перловая свѣжѣе;
 Тамъ разноцвѣтною дугой,
 Развеселясь, нерѣдко дивы
 На тучахъ строить мостъ красивый,
 Чтобъ отъ одной скалы къ другой
 Пройти воздушною тропой;
 Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
 На лукъ накладывать онъ стрѣлы...

vii.

Дни мчатся. Начался байранъ.
 Бездѣ веселье, ликованья;
 Мулла оставилъ алкоранъ,
 И не слыхать его призванья;
 Мечеть кругомъ освѣщена;
 Всю ночь надъ хладными скалами
 Огни красиѣютъ за огнями,
 Какъ надъ земными облаками
 Земныя звѣзды; но луна,
 Когда на землю взоръ наводить,
 Себѣ соперницъ не находить,
 И, однокая, она
 По небесамъ въ сіянны бродить!

viii.

Ужъ скачка кончена давно;
 Стрѣльба затихнула; темно.
 Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
 Столпилась юность удалая,
 И старики сѣдые въ рядъ
 Съ нѣмымъ вниманіемъ стоять.
 На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
 Сидить невѣдомый пришлецъ,—
 Нарядъ воины ему не нуженъ,

Онъ гордъ и бѣденъ: онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба.
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою.
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

ix.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насть въ горахъ,
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ:
Съ ними жить завидна доля.
Но еще милѣе воля!

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ,

Ты купи коня!

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ;
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачеть:
Отчего?—жена заплачетъ!

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ,

Ты купи коня!..

Не измѣнить добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду, и въ огонь;
Онъ какъ вихрь въ степи широкой,—
Съ нимъ все близко, чтò далеко.

Не женися, молодецъ,

Слушайся меня:

На тѣ деньги, молодецъ:

Ты купи коня.

x.

Откуда шумъ? Кто эти двое?

Толпа въ молчаны раздалась.

Нахмуря бровь, подходитъ князь,

И рядомъ съ нимъ лицо чужое.

Три уздены за ними вслѣдъ.

«Великъ Алла и Магометъ!»

Воскликнулъ князь. «Сама могила

Покорна имъ! Въ странѣ чужой

Мой братъ хранимъ быль ихъ рукой:

Вы узнаете-ль Измаила?

Между врагами онъ возросъ,

Но не призналь онъ ихъ святыни,
И въ наши синія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ!»

xi.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вокругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ; поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядять.
Гдѣ-жъ Росламбекъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
Одинъ, забыть, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ чelомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно-ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно-ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно-ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?—
И что же вышло?— Измаиль.
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ прѣздомъ?— И властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ!
Ей все плѣнительно, что ново!
«Простынетъ!» мыслить Росламбекъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ;
Ея насыщливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

xii.

Война! знакомыи людямъ звукъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынныи
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.

Умолкъ ауль, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана—
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
«Смотри, какъ всякий биться радъ
За дѣло чести и свободы!..
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насть вель Ахметъ-Булатъ!»—
Съ улыбкой гордою шептали
Межу собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой...
Что русскихъ нѣть?—имъ крови надо!

XIII.

Зима проходить; облака
Свѣтлый летять по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядяся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его
Межъ тѣмъ упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры.
Къ вершинамъ ихъ прицѣплены
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце; такъ порой
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Лѣстецовъ толпою униженной,
Грустить о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣть ему!

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давить подъ собой;
Къ аулу нѣть пути инова.

И мыслять горцы: «врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова!»
Но прямо врагъ идеть на нихъ,
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играеть.
— И Росламбекъ совѣтъ сзываеть;
Онъ говорить: «Въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину солнную весной...
Погибнуть молча наши гости,
И ихъ разбросанныя кости.
Добыча врановъ и волковъ,
Сгниютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнью лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ.
И втайне mestію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

xv.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но несогласенъ Измаиль;
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ,
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю:
Хочу, чтобы мною пораженный
Эналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу.
И даже болѣе, чѣмъ ты,
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ.
Иную славу надо мнѣ!..»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча уздени:
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали!..

xvi.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ. гласить преданье,

Построилъ дерзостной рукой,
 Чтобы хоть на мигъ свое изгнанье
 Забыть межъ небомъ и землей.
 Здѣсь три столѣтья, очарованъ,
 Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
 Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
 Стрѣлой Пророку угрожалъ.
 Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
 Сосѣднихъ горъ она черни.
 Тропинка желтая прорыта
 Слезой отчаянья по ней,—
 Она ни мохомъ, ни кустами
 Не зарастаетъ никогда,
 Пестрѣя чудными слѣдами.
 Она ведеть... Богъ-вѣсть, куда!
 Олень съ вѣтвистыми рогами,
 Между высокими цветами,
 Одѣтый хмѣлемъ и плющомъ,
 Лежитъ полуобъятый сномъ;
 И вдругъ знакомый лай онъ слышить,
 И чуить близкаго врага:
 Поднявши медленно рога,
 Минуту свѣжестью подышетъ,
 Ресу съ могучихъ плечъ стряхнетъ.
 И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
 Черезъ утесь; и вотъ онъ мчится,
 Терновъ колючихъ не боится
 И хмѣль коварный грудью рветъ:
 Но, вольный путь пересѣкая,
 Предъ нимъ тропинка роковая...
 Никѣмъ незримая рука
 Царя лѣсовъ останавливаетъ,
 И онъ, какъ гибель ни близка,
 Свой прежній путь не продолжаетъ...

xvii.

Кто-жъ подъ ужасною горой
 Зажегъ огонь сторожевой?
 Трецца, краснѣя и сверкая,
 Кусты вокругъ онъ озарилъ.
 На камень голову склоняя,
 Лежитъ поодаль Измаилъ.
 Его приверженцы хотѣли
 Идти за нимъ,—но не посмѣли!

xviii. Вотъ что ему родной готовилъ край!

Сбылись мечты: увидѣль онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата!
Но люди, люди... что природа имъ?
Едва успѣль обнять изгнаникъ брата.
Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За чѣ-бѣ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья-ль созданъ Измаилъ?
Бывають люди: чувства—пмъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ,
Но гордый камень въ свой урочныи часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!..
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣть;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ.
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому,
Что въ морѣ бѣдъ какъ вихри ихъ ни носять,
Они пособій отъ рабовъ не просять,
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ.—
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX. «Безмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый моловой,
Ты-бѣ могъ забыть близъ Зары молодой,—
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ.
Ты-бѣ могъ любить, но не хотѣль,—и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходять укоряющею толпою:
Ты жмешь ей руку; грудь и плечи
Цѣлуешь въ упоеніи; ласки, рѣчи,
Исполненные счастья и любви.
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,

Не вѣря имъ, вторично ошибиться!
 А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»—
 Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
 Вдругъ выстрѣль, два, и много!.. Онъ вскочилъ,
 И слушаетъ,—но все утихло снова.
 И говорить онъ: «это сонъ больнова!»

xx. Души волненьемъ утомленъ,
 Опять на землю князь ложится;
 Трещитъ огонь и дымъ клубится.
 И что же? Призракъ видить онъ!
 Передъ огнемъ стоять спокоенъ,
 На саблю опершись рукой,
 Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
 Печальный, блѣдный и худой.
 Спросить хотѣлось Измаилу.
 Зачѣмъ оставилъ онъ могилу!
 И свѣтъ дрожащаго огня,
 Упавъ на смуглыя ланиты,
 Черкесу придалъ видъ сердитый.
 — Чего ты хочешь отъ меня?—
 «Гостепріимства и защиты.»
 Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
 «Свой путь въ горахъ я потерялъ,
 Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
 И казаковъ моихъ убили;
 И вѣрный конь подъ мною палъ!
 Спасти, убить врага ночнова—
 Равно ты можешь! Не боюсь
 Я смерти: грудь моя готова;
 Твоей я чести предаюсь!»
 — Ты правъ: на честь мою надѣйся!
 Вотъ мой огонь,—садись и грѣйся.—

xxi. Тиха, прозрачна ночь была.
 Свѣтила на небѣ блистали.
 Луна за облакомъ спала;
 Но люди ей не подражали.
 Передъ огнемъ враги сидятъ,
 Хранять молчанье, и не спать..
 Черты пришельца возбуждали
 У князя новыя мечты:
 Онъ ему напоминали
 Давно знакомыя черты.
 То не игра воображенья:

Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаиль:

— Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ.
Что славы нѣть въ воинѣ кровавой
Съ необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю.
И степь свою не отдадимъ.
За злато роскоши нарядной?
За то, что мы боготворимъ.
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлъ:
Зачѣмъ ты нась возненавидѣлъ,—
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?—

«Ты ошибаешься, черкесь!»
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ,
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю,—
Но одного я ненавижу!
Черкесь онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой!
Себѣ иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чemu опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь...
И самъ досадой запылаешь...

ххii.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войску Измаиль;
Но, образованный, межъ нами,
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесь въ немъ видѣнъ быль.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался,

ххiii.

Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
 Воспаменивъ ихъ воображенье.
 Повелѣвалъ онъ безъ труда,
 И за проступокъ наслажденье
 Не почиталъ онъ никогда...
 Не знаю,—было то презрѣніе
 Къ законамъ стороны чужой,
 Или испорченныя чувства!..
 Любовью женщинъ, ихъ тоской,
 Онъ веселился какъ игрой,
 Но избѣжать его искусства
 Не удалось ни одной.

XXIV.

«Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
 Свободы нѣжныхъ дочерей,
 Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
 Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
 Ты не любилъ!—ни словъ опасныхъ,
 Ни усть волшебныхъ не знавалъ,
 Кудрями дѣвы золотыми
 Ты въupoеныи не игралъ.
 Ты клятвамъ страсти не внималъ,
 И не былъ ты обмануть ими!
 Но я любилъ! Судьба меня
 Блестящей радугой манила,
 Невольно къ безднѣ подводила...
 И ждалъ я счастливаго дня!
 Своей невѣстой дорогою
 Я смѣль ужъ ангела назвать,
 Невиннымъ ласкамъ отвѣтить,
 И съ райской дѣвой забывать,
 Что рая нѣть ужъ подъ луною.
 И вдругъ ударилъ страшный часъ—
 Причина долголѣтней муки:
 Призывъ войны, отчизны гласъ.
 Раздался вѣстникомъ разлуки.
 Какъ дымъ разсѣялись мечты!
 Тотъ день я буду помнить вѣчно...
 Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно.
 Ни съ кѣмъ не разставался ты!

XXV.

«Въ то время Измаиль случайно
 Невѣstu увидалъ мою,
 И страстью запылалъ онъ тайно!
 Межъ тѣмъ какъ въ дальнемъ я краю

Искалъ въ бояхъ конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой—скромность побѣждать,
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить, иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ,
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ,—
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кромѣ любви, она не знала—
Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скучу пресыщенья
Постигъ виновный Измаиль!
Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пыль.
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной.
Забывъ, что есть на небѣ Мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И казни грозной мечъ просвипетъ
Надъ непреклонной головой;
Пусть ликъ одежда измѣняетъ:
Не взоръ—душа врага узнаетъ!

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя!
Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ...
О, если-бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженыи увидалъ,
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!..
Она разсудокъ потеряла:

Рядилась, пыла и плясала,
 Иль сидя молча у окна
 По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
 Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
 Ждала измѣника она.
 Вся жизнь погибшей дѣви милой
 Остановилась на быломъ,
 Ея безумье даже было
 Любовь къ нему и мысль о немъ...
 Какой душгъ не зналъ онъ пѣну!..»
 И долго русскій говорилъ
 Про месть, про счастье, про измѣну
 Его не слушать Измайлъ.
 Лишь знаетъ онъ да Богъ единый,
 Чѣмъ подъ спокойною личиной
 Тогда происходило въ немъ.
 Сгѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
 [Хоть сердце гордое и взгляды
 Не ждали отъ небесъ отрады],
 Лежалъ онъ на землѣ сырой,
 Какъ та земля и мрачный, и нѣмой!

ххviii. Видали-ль вы, какъ хищные и злые,
 Къ оставленному трупу въ тихій долѣ,
 Слетаются наслѣдники земные,—
 Могильный воронъ, коршуны и орель?
 Такъ есть мгновенія, краткія мгновенія,
 Когда, столпясь, всѣ адскія мученія
 Слетаются на сердце—и грызутъ!
 Вѣка печали стоять тѣхъ минутъ...
 Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
 Таковъ съ душой кто слабою рожденъ,—
 Не вынесеть минутъ подобныхъ онъ.
 Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
 Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея:
 Не сгладить время ихъ глубокій слѣдъ.
 Все въ мірѣ есть,— забвенія только нѣть...

ххix. Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
 На небосклонѣ голубомъ
 Зубцы подъемлютъ золотые;
 Слилися съ утреннимъ лучомъ
 Края волнистаго тумана,
 И на верху горы Шайтана
 Огонь, стыдясь передъ зарей,

Блѣдиеть. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертию больной.
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счастье онъ все мечтою...
И по челу провель рукою.
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладить онъ морщинъ.

xxx. Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная, думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожить все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущи нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходять,
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшать, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли,—
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегъ журавли,
Бѣгѣтъ смутно ужъ вдали!
Тогда черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ.
И—кто бы, кто не удивился?—
По-русски съ нимъ заговорилъ.

xxxI. “Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти въ шатры свои;
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Стрались: быть-можеть,
Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ,
Ни кровь врага, ни рѣчъ друзей!
Напрасно здѣсь, въ kraю далекомъ,
Ты губишь прелестъ юныхъ дней.
Нѣть, не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!”

Онь налачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя-бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбои:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри-жъ: онь здѣсь передъ тобой!»
И, съ видомъ гордаго презрѣнья,
Отвѣта князь не ожидалъ:
Онь скрылся межъ уступовъ скаль.
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

хххii.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ
Расположась военнымъ станомъ.
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вокругъ огней своихъ.
Они любили Измаила;
Съ нимъ вмѣсть слава, иль могила, —
Имъ все равно, лишь только-бъ съ нимъ!
Но не могла-бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ беспокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбекъ!
[Таковъ повсюду человѣкъ].

хххiii.

Сидѣть наѣздники безпечно,
Курять турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. «Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онь къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смирить враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбекъ и уздени!»
Такъ, пѣсно воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

хххiv.

Безмолвно, грустно, всторонѣ.
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятеjной,
Прекрасный юноша стоялъ, —
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ таинный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,

Не разъ изъ груди вылетать,
 И онъ явился къ Измаилу,
 Что бъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу!
 Увы! такая ли рука
 Въ куски изрубить казака?
 Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
 Глядить на міръ, чтобы видѣть кровь?
 Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной,
 Лицомъ прелестный какъ любовь,
 Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
 Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
 Хотя страшился онъ сказать,
 Не трудно было-бъ отгадать,
 Когда-бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
 Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
 Хранить причину отъ людей
 Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
 И тайна юнаго Селима,
 Чуждаясь усть, ланить, очей,
 Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
 Въ груди сокрылась невредима!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- I. Какія степи, горы и моря
 Оружію славянъ сопротивлялись?
 И гдѣ вельмию русскаго царя
 Измѣна и вражда не покорялись?
 Смирись, черкесъ! и Западъ и Востокъ,
 Быть-можетъ, скоро твой раздѣлять рокъ.
 Настанетъ часъ,—и скажешь самъ надменно:
 «Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
 Настанетъ часъ,—и новый, грозный Римъ
 Украсить Сѣверъ Августомъ другимъ!
- II. Горятъ аулы: нѣть у нихъ защиты,
 Врагомъ сыны отечества разбиты,
 И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
 Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
 Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
 Врывается штыками побѣдитель.
 Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей,
 Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
 Ласкаетъ онъ кровавою рукою.
 Но жены горѣ не съ женскою душою!

За поцѣлуемъ вслѣдъ звучить кинжалъ,
 Отрянуль русскій, захрипѣль и паль!
 «Отмсти, товарищъ!»—и въ одно мгновеніе
 [Достойное за смерть убійцѣ мщеніе!]
 Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
 Горитъ.—Черкесской вольности костеръ!..

iii. Въ аулѣ дальнемъ Росламбекъ угрюмый
 Сокрылся вновь, не ужасомъ объять;
 Но у него коварныя есть думы.
 Имъ помышлать теперь не можетъ братъ.
 Гдѣ-жъ Измаиль?—Безвѣстными горами
 Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками,
 И, заманивъ полки ихъ за собой,
 Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
 И манить новыхъ по дорогѣ той.
 За нимъ устали русскіе гоняться,
 На крѣпости природныя взбираться;
 Но отдохнуть черкесы не даютъ,—
 То скроются, то снова нападутъ;
 Они, какъ тѣнь, какъ дымное видѣніе,
 И далеко, и близко въ то-же мгновеніе.

iv. Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаиль
 Сыскать самозабвенья и покоя.
 Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
 И не плѣнялся именемъ героя;
 Онъ вѣдалъ цѣну почестей и—словъ,
 Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ!
 Недолгій жаръ погасъ! Душой усталыи,
 Его бы не желалъ онъ воскресить;
 И не родной аулъ,—родныя скалы
 Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить!

v. Садится день, одѣтый мглою.
 Какъ за прозрачной пеленою...
 Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
 На блѣдномъ сводѣ! Чуть примѣтно
 Орла на вышинѣ безцвѣтной;
 Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
 Въ пещеру дикую прокрался,
 И гладкій черепъ озарилъ,
 И самъ на жителѣ могиль
 Передъ кончиной разыгрался,
 И по разбросаннымъ костямъ,
 Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ

Скользнуль огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтиль онъ двоихъ
Недвижныхъ также,—но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

vi.

Одинъ... такъ точно—Измаилъ!
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ.
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ;
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняется на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышать на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ,
И весель трудъ ему и страхъ!

vii.

Онъ спить, и длинныя рѣсицы
Закрыли очи подъ собой,
Въ ланитахъ кровь, какъ у девицы.
Играеть розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жостко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираеть витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
«Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ,
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса иль конь сомнѣть!...»

viii.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спить. Но мирная душа

Взволнована: полусловами
 Онъ съ кѣмъ-то говорить во снѣ!
 Услышалъ князь, и удивился;
 Къ устамъ Селима въ тишинѣ
 Прилежнымъ ухомъ онъ склонился:
 Быть-можеть, черезъ этотъ сонъ
 Его судьбу узнаетъ онъ.
 «Ты могъ забыть?—Любви ненужно,
 Одной лишь нѣжности наружной...
 Оставь-же!»—сонный говорилъ.
 — Кого оставить?—князь спросилъ.
 Селимъ умолкъ, но на мгновенье.
 Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
 На всемъ лежить его презрѣнья...
 Увы! что значутъ передъ нимъ
 Простая дѣва, иль Селимъ?
 Такъ будеть вѣчно между нами...
 Зачѣмъ безцѣнными устами
 Онъ это имя освятилъ?»
 — Не я-ль?—подумалъ Измайлъ.
 И, погодя, онъ слышитъ снова:
 «Ужасно, Боже! для дѣтей
 Проклятие отца роднова,
 Когда на склонѣ позднихъ дней
 Оставленъ ими... но страшнѣй
 Его слеза!..» Еще два слова
 Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
 Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
 И улетѣлъ.—Изъ состраданья
 Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И вздрогнувъ юноша проснулся,
 Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
 Когда онъ ясно увидаль,
 Что на колѣняхъ друга спалъ.
 Но, покраснѣвши, сновидѣнье
 Пересказать стыдился онъ,
 Какъ будто бы лукавый сонъ
 Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
 Не отвѣчая на вопросъ
 [Примѣта явная печали],
 Щипаль онъ листья дикихъ розъ,
 И наконецъ двѣ капли слезъ
 Въ очахъ склоненныхъ заблистали;

И, съ быстротой отворотясь.
 Онъ слезы осушилъ рукою...
 Все примѣчаль, все видѣлъ князь,
 Но не смущался онъ душою,
 И приискалъ онъ простотѣ,
 Затѣмъ дѣтскимъ слезы тѣ.
 Конечно, самъ давно не зналъ онъ
 Печалей сладостныхъ любви?
 И самъ давно не предавалъ онъ
 Слезамъ страданія свои?—

x. Не знаю... Но въ другихъ онъ чувства
 Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
 Не разъ, лициною искусства,
 Слезой и сердцемъ ледянымъ,
 Когда обмановъ самъ чуждался,
 Обмануть былъ онъ; и боялся
 Онъ вѣрить только потому,
 Что вѣрилъ нѣкогда всему!

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
 Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
 Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложны!..
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ!..
 Гдѣ льстить намъ зло, но болѣе тревожить;
 Гдѣ сердца угѣшать добро не можетъ,
 И гдѣ они, покорствуя страстиамъ,
 Раскаяніе одно приносять памъ.

xi. Селимъ встаетъ, на гору всходитъ.
 Сребристый стелется ковыль
 Вокругъ пещеры; сумракъ бродить
 Вдали... Вотъ тоопть! вотъ и пыль,
 Желтая, поднялась въ лощинѣ!
 И крикъ черкесовъ по зарѣ
 Гудитъ, теряя въ пустынѣ!..
 Селимъ все слышалъ на горѣ.
 Стремглавъ въ пещеру онъ вѣгаеть,
 «Они, они!» онъ восклицаетъ,—
 И князя нѣжною рукой
 Влечетъ онъ быстро за собой.
 Вотъ первый всадникъ показался;
 Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
 Когда вѣзжалъ на холмъ крутой;
 За нимъ другой, еще другой...
 И вереницею тянулись

Они по узкому пути:
Тамъ, если-бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли-бъ впередъ идти.

xii.

Толпа джигитовъ удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь,—
И все утихло! Уваженіе
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ,
Не власть его основа—мнѣніе!
«Какія вѣсти?»—Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льстить и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много!—«Кто не любить волю?»
Молчать. «Такъ дайтсѧ-жъ отдохнуть
Своимъ конямъ; съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями:
Чего-же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!..»

xiii.

Блѣдишь юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣть,—говоритъ онъ:—я повсюду,—
Въ изгнаніи, въ битвѣ, спутникъ твой;
Нѣть, клятвы я не позабуду—
Угаснуть или жить съ тобой!
Не робокъ я подъ свистомъ пули,
Ты видѣлъ это, Измаиль;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ!
И съ твоего чела не я-ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... О чѣмъ смерть? О, нѣть!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;

Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ,—
Но не оставлю Измайлъ!»

xiv.

Взглянулъ на небо молча князь
И, наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку.
И крѣнко тотъ ее пожалъ,
За то что смерть, а не разлуку,
Печальный знакъ сей обѣщалъ!
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда-бъ не скрылся онъ опять!..

xv.

По косогору ходять кони;
Колчаны, ружья, сѣда, брони
Въ пещеру на ночь спесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блестить, краснѣя; погруженъ
Въ мечтанье горестное онъ:
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Навѣрно
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поеть въ моемъ краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелю моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки
Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней!»

Селимъ запѣлъ,—и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ, и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.

Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритьъ:
«Мой милый! смѣлъ
Вѣряйся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрилъ!
«Всегда награжденъ.
Кто любить до гроба,—
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ;

Пускай его смерть и погубить:
Одинъ не погибнетъ, кто любить!
«Любви измѣнившій
Иzmѣной кровавой,—
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ
И звѣри костей не зароютъ!»
Мѣсяцъ плыветь
И тихъ, и спокоенъ;
А юноша-вопль
На битву идетъ!

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь. «Зачѣмъ упрекъ?..
Тебя-ль послушаетъ Пророкъ?..
Тамъ, облить кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу!..
Вставайте!.. Какъ? вы не готовы?
Прочь пѣсни!—крови мнѣ! пора!..
Друзья! коней!.. Вы не слыхали...
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ, и трескъ разбитой стали
Я слышалъ!.. О, не пой, не пой!
Тронь сердце, какъ дрожитъ; и что-же?
Ты недовольна?.. Боже!.. Боже!..
Зачѣмъ казнить ея рукой?..»
Такъ рѣчъ его оторвалася
Отъ блѣдныхъ усть, и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.

Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
 До половины освѣщенный,
 Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
 Стоялъ недвижимъ Измайлъ,
 Какъ призракъ злой, отъ сна могиль
 Волшебнымъ словомъ пробужденный.
 Онъ взоръ всей сплошь устремилъ
 Въ пустую степь, грозилъ рукою,
 Чему-то страшному грозилъ;
 Иначе, какъ бы Измайлъ
 Смутиться твердой могъ душою?—
 И понялъ наконецъ Селимъ,
 Что витязь говорилъ не съ нимъ!
 Неосторожный! онъ коснулся
 Душевныхъ струнъ,—и звукъ проснулся,
 Расторгнувъ хладную тюрьму.,
 И самъ искусству своему
 Селимъ невольно ужаснулся!

xvi. Толпа садится на коней;
 При свѣтѣ гаснущихъ огней
 Мелькаютъ сумрачныя лица.
 Такъ опоздавшая станица
 Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
 Вдругъ поднимается съ полей...
 Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье!
 Все дышетъ буйствомъ и войной!
 Во всемъ приличія незнанье,
 Отвага дерзости слѣпой.

xvii. Свѣтлѣсть небо полосами;
 Заря межъ спинами рядами
 Ревивыхъ тучъ ужъ занялась.
 Вдоль по лопинѣ Ѣдетъ князь,
 За нимъ черкесы цѣпью длинной.
 Признаться, конь по сѣдоку!
 Бѣжитъ—и, будто вѣтръ пустынный,
 Скользящій шумно по песку,—
 Крутится, вьется на-скаку.
 Онъ бѣлъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
 Его замѣтить могутъ очи.
 Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
 Отягощенъ своимъ нарядомъ,
 Селимъ проворный Ѣдетъ рядомъ
 На кобылицѣ вороной.

Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной,
Плыветъ отважно и спокойно,—
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станеть наравнѣ.

xviii.

Ужь близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшить судьба?
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,—
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушки голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою;
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ, и бросилъ повода.
Нѣть, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣль къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣль, какъ ангель-истребитель;
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто-бѣ не послѣдовалъ за нимъ?

xix.

Межъ тѣмъ съ безпечною отвагой
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустранныхъ удальцовъ:
Всю эту ночь они блуждали
Вокругъ непріязненныхъ шатровъ;
Ихъ часовые увидали,—
И пушка грѧнула по нимъ,
И казаки сшибать навстрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмыми
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился,—
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось,—надежды нѣть,

Черкесь, читай свои молитвы!
 Въ крови твой шоковой бешметь,
 Тебѣ другой не видѣть битвы!..
 Вдругъ пыль, и крикъ,—онъ имъ знакомъ:
 То крикъ родной, не бесполезный!
 Глядятъ, и видятъ: надъ холмомъ
 Стоить ихъ князь въ бронѣ желѣзной!..

хх. Недолго Измаилъ стоялъ;
 Вздохнуть коню онъ только далъ,
 Взглянула, и ринулся, и смяла
 Враговъ, и путь за нимъ кровавый
 Межъ ихъ рядами видень сталъ!
 Вездѣ, налево и направо,
 Чертя по воздуху круги,
 Удары шашки упадаютъ;
 Не видягъ блескъ ея враги,
 И беззащитно умираютъ!
 Какъ юный левъ, разгорячась,
 Въ средину ихъ врубился князь;
 Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули.
 Но чѣмъ? Его хранить Пророкъ!
 Шеломъ удары не согнули,
 И худо мѣтится стрѣлокъ.
 За нимъ, погибель разсыпая,
 Вломилась шайка удалая,—
 И чрезъ минуту шумный бой
 Разсыпался въ долинѣ той.

ххI. Далеко отъ сраженія, межъ кустовъ,
 Шитомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
 Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
 Лежалъ издохшій конь; и передъ нимъ,
 Участіемъ исполненный живымъ,
 Стоялъ черкесь, соратника лишонный.
 Крестомъ скжавъ руки, и кидая взглядъ
 Завистливый туда, на поле боя,
 Онъ проклинать судьбу свою быль радъ;
 Его печаль—была печаль героя!
 И весь въ поту, усталостью томимъ,
 Къ нему въ иснугѣ подскакаль Селимъ,
 [Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
 Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

ххII. — Бѣда!—сказалъ онъ,—князя не видать!
 Куда онъ скрылся?—«Если хочешь знать,

Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ красиѣ,
 Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
 Гдѣ кровью облить мертвый и живой,
 Гдѣ въ бѣгствѣ нѣть надежды никакой:
 Онъ тамъ!—Смотри: летить, какъ съ неба пламя;
 Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
 Онъ тамъ! Какъ духъ, разить и невредимъ,
 И все бѣжать, иль падаетъ предъ нимъ!»
 Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,—
 А лесть была чужда степей свободы!

ххiii. Кто этотъ русскій?—съ саблею въ рукѣ,
 Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ!
 Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
 И казаковъ примѣромъ ободряетъ.
 Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
 И вынуль пистолеть свой, и навель,
 И выстрѣлилъ! Напрасно!—обманулся
 Его свинецъ!—Но выстрѣль роковой
 Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,—
 И задрожалъ: «Ты вновь передо мною!..»
 Свидѣтель Богъ: не я тому виной!..»
 Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла;
 И, отдѣясь отъ трепетнаго тѣла,
 Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
 Скатилась голова; и конь ретивый,
 Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
 И скоро обезглавленный сѣдокъ
 Свалился на растоптанный песокъ.
 Недолго это сердце увидало;
 И миръ ему!—въ единый мигъ оно
 Любить и ненавидѣть перестало:
 Не всѣмъ такое счастье сужено!

ххiv. Все жарче бой. Главы валятся
 Подъ взмахомъ княжеской руки;
 Спасая дни свои, тѣснятся,
 Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки!
 Какъ злые духи, горцы мчатся
 Съ побѣднымъ воемъ имъ вослѣдъ,—
 И никому пощады нѣть!
 Но что-жъ? Побѣда измѣнила!
 Раздался вдругъ нежданый громъ,
 Все въ дымѣ скрылося густомъ,—
 И предъ глазами Измаила,

На землю съ бѣшеныхъ коней
 Кровавой грудою костей
 Свалился радъ его друзей.
 Какъ градъ посыпалась картеча.
 Пальбу услышавъ издалеча,
 Направя спиie штыки,
 Спѣшать ширванскіе полки...
 Навстрѣчу гибельному строю
 Одинъ, съ отчаянной душою,
 Хотѣлъ пуститься Измайлъ;
 Но за поводъ коня схватилъ
 Черкесъ, и въ горы за собою,
 Какъ ни противился сѣдокъ,
 Коня могучаго увлекъ...
 И ни малѣйшаго движенія
 Среди всеобщаго смятенія
 Не упустилъ младой Селимъ.
 Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
 Ударъ судьбы благословляетъ,
 И быстро слѣдуетъ за нимъ.
 Не стыдъ, но горькая досада
 Героя медленно грызетъ,
 Жизнь побѣжденнымъ—не награда!
 Онъ на друзей не кинулъ взгляда
 И, мнится, ихъ не узнаетъ.

ххv.

Чѣмъ рѣже насть балуетъ счастье,
 Тѣмъ слаще предаваться намъ
 Предположеніямъ и мечтамъ.
 Родится-ль тайное пристрастіе
 Къ другому миру, хоть и тамъ
 Судьбы примѣтно самовластье,
 Мы все свободнѣе даримъ
 Ему надежды и желанья;
 И украшаемъ какъ хотимъ
 Свои воздушныя созданья!
 Когда забота и печаль
 Покой душевный возмушаютъ,
 Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
 Душа и мысли улетаютъ,
 И ловить сны, въ которыхъ нѣть
 Слѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
 Но умъ, сомнѣньюемъ охлажденный
 И спорить съ рокомъ пріученный,

Не уладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ;
И если иногда мечтаетъ,—
То онъ мечтаетъ побѣдить!
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаллу!

xxvi.

Онъ раненъ, кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несегъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ!
Одинъ Селимъ не отстаетъ.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность па челѣ.
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило!
Будь передъ міромъ онъ злодѣй,—
Чтѣ для любви слова людей?
Чтѣ ей небесь опредѣленье?
Нѣть! охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло!

xxvii.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣни скакутъ кони
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой;
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока;
И бесполезная рука
Ужъ не владѣеть поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая,
И съ неприступной высоты
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣть серна молодая...

Налѣво—пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Никѣмъ невѣдомыи потокъ
Внизу, свирѣпъ и одинокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,—
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой.
Какъ двѣ семьи—враждебный геній,
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ—
Сквозь облака, которыхъ тѣни
Поnimъ мелькаютъ и спѣшать;
Смѣння въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,—
И минится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ!

xxviii.

Ужъ полдень. Измаиль слабѣть.
Пылаеть солнце высоко...
Но есть надежда! дымъ синѣеть,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ, кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтить взоръ!
Достигнуть поворотъ желанный,
Воть и вѣнецъ горы туманной,
Воть слышенъ рѣчки ревъ глухой,—
И бѣлый конь сильный рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства, на землѣ;

xxix.

Въ устахъ недвижность гробовая,
 И блѣдность муки на челѣ;
 Казалось, часъ его кончины
 Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
 Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
 Изъ человѣка сдѣлать—прахъ!
 Ужель степная лишь могила
 Ничтожный въ мірѣ будеть слѣдъ
 Того, чье сердце столько лѣтъ
 Мысль о ничтожествѣ томила?
 Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
 Склоняясь въ отчаянны надъ нимъ,
 Какъ въ бурю ива молодая
 Надъ падшимъ гнется алтаремъ,—
 Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
 Но сердце къ сердцу прижимая,
 Не слышитъ жизни ни въ одномъ!
 И если-бъ страшное мгновеніе
 Всѣ мысли не убило въ немъ,
 Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ.
 И проклиналь бы провидѣніе!..

xxx.

Встаетъ, глядить кругомъ Селимъ:
 Все неподвижно передъ нимъ!
 Зоветъ,—и тучка дождевая
 Летить на зовъ его одна,
 Но вѣтру крылья простирая,
 Какъ смерть темна и холода.
 Вотъ наконецъ сырый покровомъ
 Одѣла путниковъ она,—
 И юноша въ испугѣ новомъ!
 Прижалвшись къ другу съ быстротой:
 «О, пощади его!.. постой!»
 Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
 Что ты пришла меня лишить
 Того, кого люблю такъ страстно,
 Кого слабѣй нельзя любить!
 Ступай! ищи другихъ по свѣту...
 Всѣ жертвы бога твоего!...
 Ужель меня несчастнѣй нѣтъ?
 И нѣтъ виновище его?»

xxxI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
 Хотя не понялъ онъ моленій,
 Угрюмый облакъ пролетѣлъ.

Когда-жъ Селимъ взглянуть посмѣль,—
 Онъ былъ далеко! Освѣженій
 Его прохладою мгновеній,
 Очнулся блѣдный Измайлъ;
 Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
 Онъ слабъ: другую ищетъ руку
 Его дрожащая рука,
 И, каждому внимаю звуку,
 Онь пьеть дыханье вѣтерка;
 И все, что близко, отдалено,
 Предъ нимъ яснѣеть постепенно...
 Гдѣ-жъ другъ послѣдній? гдѣ Селимъ?—
 Глядитъ!—и что же передъ нимъ?
 Глядитъ—уста оледенѣли,
 И мысли зрѣльемъ овладѣли...

Не могъ бы описать подобный мигъ
 Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

xxxii. Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?—
 На немъ мохнатой шапки больше иѣть,
 Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
 Волна кудрей, чернѣя, писпадаетъ,—
 Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ!
 Молитва стихла па устахъ... а взоръ...
 О небо, небо! есть-ли въ кущахъ рая
 Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
 Оставить страшно, уничтожить—жалъ?
 Скажи мнѣ, есть-ли Зара молодая
 Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ-ли она,
 И любить-ли? Но понять я молчанье!
 Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
 На небѣ неумѣстно подражанье,—
 А Зара на землѣ была одна.

xxxiii. Узнать, узнать онъ образъ, позабытый
 Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
 Понѣловать онъ нѣжныя лапиты,—
 И краски жизни имъ возвращены.
 Она чело па грудь ему склонила,
 Смущають Зару ласки Измапла;
 Но сердцу какъ ума не соблазнить?
 И какъ любви стыда не побѣдить?
 Ихъ рѣчи—пламень! вѣчнай пустыня
 Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
 Любовь для неба и земли святыня,

И только для людей порокъ она!
Во всей природѣ дышетъ сладострастье,—
И только люди покупаютъ счастье!

Прошло два года. Все кипитъ война;
Бездноднаго Кавказа племена
Штатаются разбосмъ и обманомъ;
И въ знайный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалось, двухъ братьевъ помприла
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь:
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шапка Измайлла.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?—
Куда лезгинка нѣжная скрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ не достоинъ былъ?
Измѣнила-ли причина ихъ разлуки?
Жива-ль она, иль спить послѣднимъ сномъ?
Родныя-ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости», съ слезами муки,
Сказалъ ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадить ее попынѣ,—
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ?
Кто-бѣ Измайлла смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измайлъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ!
Четыре горца близъ него стояли,
И мысли по лицу узнавать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣть страстей!
О чёмъ бы онъ ни думалъ,—Западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминаль, и другой,
Другой предметъ владѣль его душой...

Но что за выстрѣль? Дымъ взвился, бѣлѣя;
 Вѣрна рука и вѣренъ глазъ злодѣя!
 Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ,
 Съ печатью смерти на крутомъ чегдѣ,
 Друзьями окружонъ, любимецъ браны
 Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваний!
 Послѣдній лучъ зари еще игралъ
 На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
 Его лицу румянѣцъ. И казалось,
 Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
 Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
 Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,—
 Когда душа отторгнулась отъ тѣла,
 Его лица оставить не успѣла!
 Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
 Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный!
 Ты самъ намѣтилъ выстрѣль роковой,
 Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!..

Гремучій ключъ катился невдали;
 Къ его струямъ черкесы принесли
 Кровавый трупъ. Разстегнуть ихъ рукою
 Чекмень, пробитый пулей роковою;
 И грудь обмыть они уже хотятъ...
 Но почему ихъ омрачился взглядъ?
 Чего они такъ явно ужаснулись?
 Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
 Зачѣмъ?—Какой-то локонъ золотой
 [Конечно талисманъ земли чужой],
 Подъ грубою одеждой измятый,
 И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
 Блистали на груди у мертвца!..
 —«И кто бы отгадалъ!—дѣяуръ проклятый!»
 Нѣть, ты не стоилъ лучшаго конца;
 Нѣть, мусульманинъ вѣрный Измаилу,
 Отступнику, не выроеть могилу!..
 Того, кто презиралъ людей и рокъ,
 Кто смертію игралъ такъ своенравно,
 Лишь ты низвергнуть смѣль, святой Пророкъ!
 Пусть, не оплаканъ, онъ сгинѣть безславно;
 Пусть кончить жизнь, какъ началъ, одинокъ!..»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

(1833 г.).

Великъ, богатъ аулъ Джемать,
 Онъ никому не платить дани;
 Его стѣна—ручной булатъ,
 Его мечеть—на полѣ браны.
 Его свободные сыны
 Въ огняхъ войны закалены;
 Дѣла ихъ громки по Кавказу,
 Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
 И сердца русскаго ни разу
 Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
 Отъ скалъ горячихъ паръ струится;
 Орель, недвижимъ на крылахъ,
 Едва чернѣеть въ облакахъ;
 Ущелья въ сонъ погружены,
 Въ аулѣ нѣть лишь тишины.
 Аулъ встревоженный пустѣеть,
 И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣеть,
 Гдѣ изъ утеса бѣть потокъ,
 Стоить внимательный кружокъ.
 Объ чемъ ведеть переговоры
 Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
 Хотятъ-ли вновь пуститься въ горы
 На ловлю чужыхъ табуновъ?
 Не ждутъ-ли русскаго отряда,
 До крови лакомыхъ гостей?
 Нѣть,—только жалость и досада
 Видна во взорахъ узденей.
 Покрытъ одеждами чужими,
 Сидить на камнѣ между ними
 Лезгинецъ дряхлы и сѣдой;
 И льется рѣчь его потокомъ,
 И вокругъ себя блестящимъ окомъ
 Печально водить онъ порой.
 Разсказу стараго лезгина
 Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
 «Три избѣжныхъ дочери, три сына
 Мне Богъ на старость подарилъ;
 Но бури злые разразились,—

И вѣти древа обвалились;
 И я стою теперь одинъ,
 Какъ голый пень среди долинъ.
 Увы, я старъ! мои сѣдины
 Бѣлѣ снѣга той вершины,
 Но и подъ снѣгомъ иногда
 Бѣжитъ кипучая вода!..
 Сюда, наѣздики Джемата!
 Откройте удалъ мнѣ свою!
 Кто знаетъ князя Бей-Булата?
 Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
 Въ плѣну сестры ея увяли,
 Въ бою неравномъ братья пали:
 Въ чужбинѣ двое, а меньшой
 Пронзенъ штыкомъ передо мной.
 Онъ улыбался, умирая!
 Онъ, вѣрно, зрѣль, какъ дѣва рапа
 Къ нему слетѣла предъ концомъ,
 Махая радужнымъ вѣнцомъ...
 И вотъ, пошелъ я жить въ пустыню
 Съ послѣдней дочерью своей.
 Ее хранилъ я какъ святыню,
 Все, что имѣль я, было въ ней;
 Я взялъ съ собою лишь ее,
 Да неизмѣнное ружье.
 Въ пещерѣ съ ней я поселился,
 Родимой хижины лишонъ;
 Къ бѣдѣ я скоро пріучился,
 Давно быль къ волѣ пріученъ.
 Но чашъ ударилъ неизбѣжный—
 И улетѣлъ итенецъ мой нѣжный!..
 Однажды ночь была глухая,
 Я спалъ... Безмолвно надо мной,
 Зеленої вѣткою махая,
 Сидѣлъ мой ангель молодой.
 Вдругъ просыпаюсь; слышу: шопотъ,
 И слабыи крикъ,—и конскій топотъ!..
 Бѣгу, и вижу: подъ горой
 Несется всадникъ съ быстротой,
 Схвативъ ее въ свои объятья.
 Я къ нимъ послалъ свои проклятья...
 О, для чего, второй гонецъ,
 Настичь не могъ ихъ мой свинецъ!

Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.

И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительного дня...

Сюда, наѣздники Джемата!

Откройте уdalъ мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій;
И въ изумлениіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня:
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣть мои позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь.»

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось.
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору, ёдетъ шагомъ
Черкесь на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скаль высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склоняясь на гриву, запѣваетъ;
И дальний отзывъ за горой

Уныло вторить пѣснѣ той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ,
 Тамъ, гдѣ красивые граниты
 Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
 Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
 Смиренный различить ауль,
 И пыль, поднятую стадами,
 И пробужденья первый гулъ;
 И на краю крутаго ската
 Отмѣтить саклю Бей-Булата,
 И, какъ орель, съ вершины горь
 Вперить на крышу свѣтлый взоръ...
 Въ тѣни прохладной, у порога,
 Лезгинка юная сидитъ.
 Предъ нею тянется дорога,
 Но грустно вдалъ она глядитъ.
 Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
 Съ заботой нѣжною такою?
 Не другъ-ли будетъ издалѣка?
 Не братъ-ли съ битвы роковой?
 Отъ зноя утомясь дневнова,
 Твоя головка ужъ готова
 На грудь высокую упасть;
 Рука скользнула вдоль колѣна,
 И нѣги сладостная власть
 Шлечо исторгнула изъ плѣна;
 Отяготѣль твой ясный взоръ,
 Покрывшись влагою жемчужной;
 Въ твоихъ щекахъ какъ метеоръ
 Играеть пламя крови южной;
 Уста волшебныя твои
 Зовутъ лобзаніе любви;
 Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
 Обнять ты ищешь что-нибудь,
 И перси слабымъ трепетаньемъ
 Хотять покровы оттолкнуть.
 О! гдѣ ты, сердца другъ безцѣнны!
 Но вотъ и топотъ отдаленный,
 И пыль знакомая взвилась,—
 И дѣва шепчетъ: «это князь!»
 Легко надежда утѣшаеть,
 Тѣжко обманываетъ глазъ:

Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
 Увы! она его не знаетъ,
 И видѣть только въ первый разъ!
 То странникъ, въ полѣ запоздалый,
 Гостепріимный ищетъ кровь;
 Дымится конь его усталый,
 И онъ спрыгнуть уже готовъ...
 Спрыгни же, всадникъ!.. Что же онъ
 Какъ будто крова испугался?
 Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
 Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
 Какъ листъ отъ вѣтви молодой,
 Измятый лѣтнею грозой.

«Что медлишь, путникъ, у порога?
 Слѣзай съ походнаго коня;
 Случайный гость—подарокъ Бога.
 Кумысь и медь есть у меня.
 Ты, вижу, бѣденъ,—я богата:
 Почти же кровлю Бей-Булата!
 Когда опять пойдешь въ путь,
 Въ молитвѣ насть не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Лейла!
 Ты гостя лаской подарила,
 И отъ отца тебѣ поклонъ
 За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
 Въ разлукѣ долгой не забылъ?
 Гдѣ онъ живеть?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
 То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ веселъ, онъ счастливъ?
 Скорбѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
 Хотя порой дождямы и стужѣ
 Открыта голова его...
 Но ты?..

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ [тихо].

ТѢМЬ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвишъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидить пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ!
Стоять. Онъ страненъ, въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челе его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручинѣ
Проведены онъ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубень свой береть.
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ;
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ
Душа невинная объята;
Она кружится передъ нимъ
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката,—
И вдругъ звенящій бубень свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ.—И, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мои гость унылый!
Судьба и горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! перестань, Леила!
На мигъ веселость позабудь;
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣтай.

ЛЕИЛА.

Нѣть! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила

О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕНЛА.

Къ чѣму? Мнѣ лучше, веселѣ
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ;
Отечества для сердца нѣть!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ,—счастье только тамъ,
Гдѣ любять нась, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!.. Но знаешь-ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрилъ любви,
И только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастіе,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при нась всегда, безсмѣшно;
То мучить, то ласкаетъ нась...
Нѣть, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселеній!

ЛЕНЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ, такъ было суждено,
Погибъ отъ цули Бей-Булата...
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной, врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убийцу отыскалъ,
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: «Это-ль мщенье?
Что смерть? Ужель одно мгновеніе
Заплатить мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, муки?.. О, нѣть!

Онъ что-нибудь да въ мірѣ любить:
 Найду любви его предметъ,
 И мой ударъ его погубить!»
 Свершилось наконецъ. Пора!
 Твой часъ пробилъ еще вчера.
 Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!..
 Пора! я слышу голосъ брата...
 Когда сегодня въ первый разъ
 Я увидалъ твой образъ нѣжный,
 Тоскою горькой и мятежной
 Душа какъ адомъ вся зажглась.
 Но это чувство улетѣло...
 Валлахъ! исполнию клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
 Предъ нимъ повергнулась она
 На ослабѣвшія колѣни;
 Мольбы, рыданья, слезы, пени
 Передъ жестокимъ излились.
 «Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
 Нѣть, не смотри такъ! отвернись!
 По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
 Слова твои... О, Боже мой!
 Ужель ты шутишь надо мною?
 Отвѣтствуй! Ничего не значуть
 Невинныхъ слезы предъ тобою?
 О, скажися!.. Говори,—какъ плачутъ
 Въ твоей родимой сторонѣ?..
 Погибнуть рано, рано мнѣ!..
 Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
 Ты зналь-ли, что такое радость?
 Бываль-ли ты во цвѣтѣ лѣта
 Любимъ, какъ я?.. О, вѣрно, нѣть!»

Хаджи, въ молчаніи роковомъ,
 Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
 Ни слезъ, жестокій, не видать...
 Ахъ!.. Боже!.. Аи!.. дай подождать!..
 Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!..»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
 И покатилась голова...
 И окровавленной рукою
 Съ земли онъ приподнялъ ее,
 И острой шашки лезвеё

Обтерь волнистою косою.
 Потомъ, бездушиое чело
 Одѣвши буркою косматой,
 Онъ вышелъ, и прыгнулъ въ сѣдло.
 Послушныи конь его, обѣятый
 Внезапно страхомъ неземнымъ,
 Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
 Щетиной грива, ржеть и пышетъ,—
 Грызетъ стальныя удила.
 Ни словъ, ни повода не слышить,
 И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣеть: поздно, поздно,—
 Сырая ночь недалека.
 Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
 Ползутъ, какъ змѣи, облака,—
 Игру безсвязную заводятъ,
 Въ провалы душные заходятъ,
 Задѣвъ колючіе кусты,
 Бросаютъ жемчугъ на листы.
 Ручей катится—мутный, сѣрый,
 Въ немъ пѣна бѣть изъ-подъ травы,
 И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
 Какъ очи мертвай головы.
 Скорѣе, путникъ одинокій!
 Закройся буркою широкой,
 Ременный поводъ натяни,
 Ременной плеткою махни;
 Тебѣ восторгъ еще не мчится
 Ни горный духъ, ни дикий звѣрь,
 Но, если можешь ты молиться,
 То не мѣшало бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
 Зачѣмъ глядишь передъ собой?
 То камень, сглаженный потокомъ!..
 То змѣй блестаетъ чешуей!..
 Твою гривой въ полѣ браны
 Стираль я кровь съ могучей длані:
 Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
 Уже не разъ меня ты спасъ.
 Мы отдохнемъ въ kraю родномъ;
 Твою уздечку еще болѣ
 Обвѣни русскимъ серебромъ;
 И будешь ты въ зеленомъ полѣ...»

Давно-ль, давно-ль ты измѣнился,
 Скажи, товарищъ дорогой?
 Что рано пѣною покрылся?
 Что тяжко дышешь подо мной?
 Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
 Верхи деревъ осеребрить,
 И намъ откроется поляна,
 Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спить;
 Заблещутъ, издали мелькая,
 Огни джематскихъ пастуховъ,
 И различимъ мы, подъѣзжая,
 Глухое ржанье табуновъ,—
 И кони вокругъ тебя столпятся...
 Но стоить мнѣ лишь приподняться,
 Они въ испугѣ захрапятъ
 И всѣ шарахнутся назадъ:
 Они почуютъ издалека,
 Что мы съ тобою—дѣти рока!..»

Долины ночь еще объемлетъ,
 Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
 Одинъ стариkъ лишь въ немъ не спить.
 Одинъ, какъ памятникъ могильный;
 Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
 На сѣромъ камнѣ онъ сидѣтъ;
 Его глаза на путь далекой
 Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
 Сѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
 Его товарищъ долгоривый
 Поникъ усталой головой.
 Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
 Онъ что-то держитъ осторожно,
 И бережеть, какъ свѣтъ очей.»
 И думаетъ стариkъ согбенный:
 «Подарокъ, вѣрно, драгоценный
 Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ. Подъ горою
 Коня онъ вдругъ остановилъ.
 Потомъ дрожащею рукою
 Онъ бурку темную открылъ;
 Открылъ,—и даръ его кровавый
 Скатился тихо на траву.
 Несчастный видитъ—Боже правый!—

Своей Леилы голову!..
 И онъ, въ безумномъ восхищеньи,
 Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
 Какъ будто ей передавалъ
 Свое послѣднее мученье;
 Всю жизнь свою въ единый стонъ,
 Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
 Довольно люди и печали
 Въ немъ сердце бѣдное терзали!
 Какъ нить, истлѣвшая давно,
 Разорвалося вдругъ оно,—
 И неподвижныя морпции
 Покрылись блѣдностью кончины.
 Душа такъ быстро отлетѣла,
 Что мысль, которой до конца
 Онъ жилъ, черты его лица
 Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
 Хаджи ему не подивился,
 Взглянулъ на шашку, на коня,—
 И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ,
 Два трупа смрадные въ пыли,
 Блуждая, путники нашли
 И склонили на вершинѣ.
 Облиты кровью были оба,
 И ярко начертала злоба
 Проклятие на ихъ челѣ.
 Обнявшись крѣпко, на землѣ
 Они лежали, костенѣя,
 Два друга съ виду—два злодѣя!
 Быть-можеть, то одна мечта,—
 Но бѣднымъ странникамъ казалось,
 Что ихъ лицо порой мѣнялось,
 Что все грозили ихъ уста.
 Одежда ихъ была богата,
 Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
 Въ одномъ узнали Бей-Булата,
 Никто другаго не узналъ.

БОЯРИНЪ ОРША.

(1835 г.).

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shriek
 And to the earth she fell like stone
 As statue from its base o'erthrown.

Byron.

Во время оно жилъ да былъ
 Въ Москвѣ бояринъ Михаиль,
 Прозваньемъ Орша.—Важный сань
 Даль Оршѣ Грозный Ioannъ;
 Онъ даль ему съ руки своей
 Кольцо, наслѣдіе царей;
 Онъ даль ему, въ веселый мигъ,
 Соболью шубу съ плечъ своихъ;
 Въ день Воскресенія Христа
 Поцѣловаль его въ уста,
 И обѣщался въ тотъ же день
 Дать тридцать царскихъ деревень.
 Съ тѣмъ чтобы Орша до конца
 Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
 Онъ не любилъ придворный шумъ,
 При видѣ трепетныхъ листецовъ
 Щипаль концы сѣдыхъ усовъ,
 И разъ, опричнымъ огорченъ,
 Такъ Ioannу молвилъ онъ:

«Надѣжа-царь! пусти меня
 На родину.—Я день отъ дня
 Все старѣ; даже не могу
 Обиду выместить врагу.
 Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
 Пусти меня! Мой старый домъ
 На берегу Днѣпра крутомъ,
 Близъ рубежа Литвы чужой,
 Обросъ могильною травой;
 Пробудь я здѣсь еще хоть годъ.
 Онъ догнѣтъ—и упадетъ.
 Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
 Тамъ я родился,—тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
 Покой темные кругомъ

Уставилъ златомъ и сребромъ;
 Икону въ ризѣ дорожай,
 Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзбой.
 Повѣсиль въ каждомъ онъ углу;
 И запестрѣлись на полу
 Узоры шолковыхъ ковровъ.
 Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
 Былъ Божій даръ—младая дочь!
 Объ неї онъ думалъ день и ночь;
 Въ его глазахъ она росла
 Свѣжа, невинна, весела,—
 Цвѣтокъ грядущаго святой,
 Былаго памятникъ живой!
 Такъ средь развалинъ иногда
 Растетъ береза: молода,
 Мила надъ плитами гробовъ
 Игрою шепчущихъ листовъ;
 И та холодная стѣна
 Ея красой оживлена!..

.

Туманно въ полѣ и темно.
 Одно лишь свѣтится окно
 Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
 Сквозь тучи смотрить иногда.
 Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
 Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
 Вотъ, испытавъ замки дверей.
 Съ гремучей связкою ключей
 Къ калиткѣ сторожъ ¹⁾ подошелъ,
 И взоры на небо возвель:
 «А завтра быть грозѣ большой!»
 Сказалъ, крестясь, стариkъ сѣдой:
 «Смотри-ка, молнія вдали
 Такъ и доходитъ до земли;
 И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
 Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
 И воеть вѣтеръ будто звѣрь.
 Дай кучу злата мнѣ теперь,
 Съ конюшни лучшаго коня
 Сейчасъ сѣдлайте для меня,—
 Нѣть, не отъѣду отъ крыльца
 Ни для родимаго отца!»

¹⁾ ...ключникъ...

Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палать
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спить,—не спить одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образы;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживаютъ, глядять—
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томить боярина тоска...
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ—и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣеть тѣнь во всѣхъ углахъ,
И—странны!—Оршу обнялъ страхъ...
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласть,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ,—
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой.
Но тутъ—онъ свистнуль, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколь.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,
Все думы черны однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну».
И на скамью присѣлъ Соколь.

И рѣчъ такую онъ завель:

«Жиль былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времячко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ; и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ: и хилъ, и старъ,
А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

«И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою.
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спить младая дочь;
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шолковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну красоту...

«Вошелъ. Въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спить, но не одна:
Припавъ на грудь ея главой
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда.
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба,
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершилась въ немъ.—
Улыбка вспыхнула; потомъ
Онъ очи на небо возвель,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколь!»
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца

Про оскорбленааго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Близи предвидѣль много бѣдъ:
Онъ жиль, онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ;
Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ,—
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!

И всыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ, въ рукѣ свѣча,—
И вотъ, дрожа, идеть скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ,—и свѣтчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видѣть: няня въ уголкѣ
Сидить на старомъ сундуке
И спить глубоко, и порой
Во сне качаетъ головой.
На ней, предчувствуемъ обять,
Намигъ онъ удержалъ свой взглядъ,—
И мимо. Но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась, и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ;
И, занятая своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоить бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей,
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку—и думаетъ стариkъ:
«Нѣть, непорочна дочь моя;
А ты, Соколь, ты, рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позорѣ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЬ.

О, погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня—и мигъ со мной!..

ВТОРОЙ ГОЛОСЬ.

Не плачь... утѣшься!—близокъ часъ—
И будетъ міръ ничто для насть;
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы однѣ;
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,—
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской невольности ¹⁾ томимъ,
Но иѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумаль я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!..
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищѣй лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ аль;
Я отдалъ душу имъ въ закладъ.
Но ты моя—и я богатъ!..

И голоса замолкли вдругъ.
И слышить Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлую... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнула рукою
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ.

¹⁾ ...по вольности...

²⁾ Вмѣсто точекъ сначала было:

Свѣчи дрожащи красный лучъ, Она при немъ, безъ думъ, безъ
Какъ будто молnia изъ тучъ, силь
Прервалъ любви послѣдній пыль. Едва успѣла отомкнуть
Всѣ чувства ихъ оледенилъ... Уста отъ усть, отъ груди грудь.

Глаза ихъ встрѣтились, — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверь¹⁾,
Какъ трупъ, бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина, толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда;
И безъ усилій, безъ борьбы,
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Цокуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда-жъ безумца увели,
И шумъ шаговъ умолкъ²⁾ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколь,—
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернуль
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его руѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно,—
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ беспокойный бушевалъ,—
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,

¹⁾ И тяжко съ ложа на коверь...

²⁾ ...утихъ...

Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ чашъ ужъ въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

The rest thou dost already know,
And all my sins, and haft my woe.
But talk no more of penitence.

Byron.

Народъ кишишъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоять.
Ихъ копья мѣдныя горяты,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гризу правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истерть ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ, сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гризою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила;
И пѣна легкая—блѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ—
Съ желѣза падаетъ на прахъ.
Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье,—изъ дверей
Мелькаеть длинный рядъ свѣчей;
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходять по крыльцу,
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой

Надъ бѣдной, грѣшной головой!
 Безмолвна трапеза была.
 Къ стѣнѣ нальво два стола
 И нынѣхъ кресель полукругъ—
 Издѣлье иноческихъ рукъ—
 Блистали тканью парчевой;
 Въ большія окна свѣтъ дневной,
 Брываясь бѣлой полосой,
 Дробяся въ искры по стеклу,
 Игралъ на каменномъ полу;
 Рѣзьбою мелкою стѣна
 Была искусно убрана,
 И на двери въ кружкахъ златыхъ
 Блистали образа святыхъ.
 Тяжелый, низкій потолокъ
 Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
 Усердный инокъ... Жалкій трудъ!
 Отнявшій множество минутъ
 У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ:
 Искусства горестный удѣлъ!..

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
 Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
 Бояринъ Орша. Иногда
 Усы сѣдые, борода,
 Съ игривымъ встрѣтившимися лучомъ,
 Вдругъ отливались серебромъ;
 И часто кудри старика
 Отъ дуновенія вѣтерка
 Приподымалися слегка.
 Движеніемъ пасмурныхъ очей
 Нерѣдко онъ искалъ дверей,
 И въ нетерпѣніи порой
 Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той,
 Одинъ, въ цѣляхъ, къ нему спиной,
 Покрыть одеждю раба,
 Стоялъ Арсеній у столба.
 Но въ молодомъ лицѣ его
 Вы не нашли—бѣ ни одного
 Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
 Кружится, вѣтается надъ душой
 Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ

Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслю постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва-ль не лишие звено?..
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса.
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Четала ласточка —то внизъ.
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлон,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстью чужой,
Съ природой жизнью одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ —не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они!—вошли!—толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ;
Согбенный тягостю веригъ,
Предъ ними шель стѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ.—Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ что Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шель, склоняясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;

И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ;
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣль
И пѣнника подвѣсть велѣль;
И одного изъ чернеповъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святаго чернеца.
Потомъ игуменъ, наклоняясь,
Сказаль боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ,—
Укоръ ¹⁾, готовый на устахъ,
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной, ²⁾
Но въ небѣ есть Судья иной:
Онъ милосердъ,—Ему теперь
При насть дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Не понимаю, что была
У васъ за мысль?—Мон дѣла
И безъ менѧ ты долженъ знать,
А душу можно-ль разскaзать?

¹⁾ Упрекъ...

²⁾ ...И казнь назначилъ судъ людской.
Предъ нимъ съ раскаяньемъ теперь
Ты мнъ дѣла свои повѣрь.

И если-бы могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,
 Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
 Что я безсовѣтный злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ
 Рукою Бога утвержденъ,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
 Ему не менѣе святои:
 Онъ оправдалъ меня—одинъ
 Онъ сердца полныи властелинъ!
 Когда-бы сквозь бѣлый мой нарядъ
 Не проникаль до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виноватъ:
 Но всѣхъ равно влечеть судьба,—
 И подъ одеждю раба,
 Но полныи жизнью молодои,
 Я человѣкъ, какъ и другой.
 И ты, и ты, слѣпой стариkъ,
 Когда-бы ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ.
 И, въ изступленьи, можетъ-быть,
 Рѣшился-бы также согрѣшить.
 И клятвы-бы грозныя забыть.
 И перенестъ бы счастливъ былъ
 За слово, ласку или взоръ
 Мое мученье, мой позоръ!..

ОРША.

Не поминай теперь о ней
 Напрасно!—У груди моей.
 Хоть нынѣ поздно вижу я,
 Согрѣлась, выросла змѣя!..
 Но ты заплатишь мнѣ теперь
 За хлѣбъ и соль мою, повѣрь;
 За сердце-жъ дочери моей
 Я заплачу тебѣ, злодѣй—
 Тебѣ, найдѣнышъ безъ креста,
 Презрѣнныи рабъ и сирота!..

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ?
 Кто мой отецъ и живѣли онъ?
 Не знаю... Люди говорять,
 Что я тобои ребенкомъ взять,

И быть я отданъ съ раннихъ порь
 Подъ строгій иноковъ надзоръ;
 И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
 Душой дитя—судьбой монахъ!
 Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
 Священныхъ словъ: «отецъ» и «мать»;
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобы я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, ломъ, друзей, родныхъ.
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ, — могилъ!
 Но нынче самъ я не хочу
 Предать ихъ имя налачу,
 И все, что славно было-бъ въ немъ,
 Облить и кровью и стыдомъ:
 Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!..
 — Нѣть, не грози, отецъ святой;
 Чего бояться намъ съ тобой?
 Обоихъ настъ могила ждетъ...
 Не все-ль равно, что день, что годъ?
 Никто ужъ намъ не господинъ:
 Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
 Съ тѣхъ порь, какъ длится жизнь моя,
 Два раза былъ свободенъ я:
 Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
 Когда я жилъ еще у васъ
 Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
 Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
 Взглянуть на пышные поля,
 Узнать прекрасна ли земля,
 Узнать для воли иль тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы...
 И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столпясь при алтарѣ.
 Вы нипп лежали на землѣ.
 При блескѣ молній роковыхъ,—
 Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
 Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
 Благословилъ и хладъ, и ночь,

Забылъ печали бытія,
 И бурю братомъ назвалъ я.
 Восторгомъ бѣшенымъ объять,
 Съ ней унастись я былъ бы радъ;
 Глазами тучи я слѣдила,
 Рукою молнію ловилъ!
 О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ взамънъ
 Той дружбы краткой, но живой
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..
 итумелъ.

На что намъ знать твои мечты?
 Не для того предъ нами ты!
 Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ,
 И хочетъ истины законъ.
 Открой же намъ друзей своихъ,
 Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
 Которыхъ страшныя дѣла
 Смываютъ кровь и кроетъ мгла;
 Съ которыми, забывши честь,
 Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНИЙ.

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
 Вотъ что умреть во мнѣ, со мной.
 О, нѣть, ихъ тайну — не мою—
 Я неизмѣнно сохраню.
 Пока земля въ урочный часъ
 Какъ двухъ друзей не приметъ наасъ.
 Пытай желѣзомъ и огнемъ,—
 Я не признауся ни въ чёмъ:
 И если хоть минутный крикъ
 Измѣнить мнѣ... тогда, старики,
 Я вырву слабыи мой языкъ!..

МОНАХЪ.

Страхись упорствоватъ, глупецъ!
 Къ чemu?.. Ужъ близокъ твой конецъ.
 Скорѣе тайну намъ предай.
 За гробомъ есть и адъ и рай,—
 И вѣчность въ томъ или другомъ...
 АРСЕНИЙ.

Послушай, я забылся сномъ
 Вчера въ темницѣ. Слышиу вдругъ
 Я приближающійся звукъ,

Знакомый, милый разговорь,
 И будто вижу ясный взоръ...
 И, пробудясь, во тьмѣ скорѣй
 Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
 Увы! они въ груди моей!
 Они на сердцѣ, какъ печать,
 Чтобы я не смѣлъ ихъ забывать,
 И жгутъ его, и вновь живятъ...
 Они мой рай, они мой адъ!
 Для вспоминанія о нихъ
 Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!..

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
 Пади на землю, плачь, молись,
 Прими святую въ грудь боязнь...
 Мечтанья злыхъ—Божья казнь!
 Молись ему...

АРСЕНИЙ.

Напрасный трудъ!
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
 Все люди, люди, мой отецъ!
 Пускай умру... но смерть моя
 Не продолжитъ ихъ бытія,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить,—и въ крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой,
 Имъ разогрѣть не суждено
 Сердця, увядшія давно;
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ ни была свята,
 Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
 Ступеню новой къ небесамъ;
 И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
 Не отопреть имъ рая дверь...
 Меня могила не страшитъ:
 Тамъ, говорять, страданье спитъ
 Въ холодной вѣчной тишинѣ...
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
 Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты,
 Что значитъ молодость, мечты?
 Или не зналъ? или забылъ,

Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
 Въ глубокой трещинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой
 Сидить, испуганный грозой?..
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль... ты слыши, ты сѣдѣ,
 И отъ желаній ты отвыкъ...
 Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
 Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
 Ты жилъ,—я также могъ-бы жить!..

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
 Рѣчъ нечестивую прервалъ,
 И, негодуя, всѣ вокругъ
 На гордый впдѣ и гордый духъ,
 Столъ непреклонный предъ судьбои,
 Шептались грозно межъ собой;
 И слово «пытка» тамъ и тамъ
 Вмигъ пробѣжало по устамъ.
 Но узникъ былъ невозмутимъ,
 Безчувственно внималъ онъ имъ.¹⁾
 Такъ бурей брошенъ на песокъ
 Худой, увязнувшій членокъ,
 Лишенный весель и гребцовъ.
 Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.²⁾

.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина;
 Густой туманъ, какъ пелена
 Съ посеребренною каймой,
 Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
 И сквозь него высокій боръ,
 Разсыпанный по скату горъ,
 Безмолвно смотрится въ рѣку,

¹⁾ Первоначально затмѣніе с.п.—Безъ чувства онъ—предметъ стра-
довала: стей;

Какъ мертвый образъ божества. И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй
 Внимаетъ кликамъ торжества: Такъ бурей брошенъ на песокъ...
 Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ²⁾ И жертва ненасытныхъ водъ
 Онъ все—и рабъ и властелинъ, Онъ разрушается, гнѣтъ...

Едва чернѣя вдалекѣ.
 И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
 Выходятъ стаи облаковъ.
 А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
 Выходитъ красная заря.
 Блестятъ кресты монастыря;
 По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
 И по расписаннымъ вратамъ
 Прекрасный, чистый и живой,
 Какъ счастье жизни молодой.
 Играеть лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ;
 Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
 Ужъ дымъ кадиль между столбовъ
 Вился струей, и хоръ звучалъ...
 Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ,
 Отцу-игумену шепнулъ
 Онъ что-то скоро, тотъ вздрогнулъ
 И молвилъ: «Гдѣ-же казначей?
 Поди, спроси его скорѣй,
 Не затеряль-ли онъ ключей?»
 И казначей изъ алтаря
 Пришелъ, дрожа и говоря,
 Что всѣ ключи еще при немъ,
 Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
 Засуетились чернецы,
 Забѣгали во всѣ концы,
 И сводъ нерѣдко повторялъ
 Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ? ¹⁾
 И въ монастырскую тюрьму
 Пошли, одинъ по одному.
 Загадкой мучася простой,
 Жильцы обители святой...

Пришли, глядять: распилена
 Рѣшотка узкаго окна.
 Во рву притоптанныи песокъ
 Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
 Забытый на пескѣ лежалъ
 Стальной, зазубренный кинжалъ;
 И польскій шолковый кушакъ

¹⁾ Затѣмъ сильдовало:

Досада, любопытство, страхъ
 Виднѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ.

Прошла обѣдня въ суетахъ.
 И въ монастырскую тюрьму...

Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвамъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру—и тамъ
Могли замѣтить на мели
Руоецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскуть того-же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ, ранимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто-жъ ему помогъ?
Конечно люди, а не Богъ!..
И гдѣ-же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой ¹⁾
Твердили иноки порой ^{2).}

ГЛАВА III.

'T is he! 't is he! I know him now;
I know him by his pallid brow.

Byron.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, ини деревъ,
Какъ призраки, склоняясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ, и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладеть;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся исовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходить волкъ вокругъ гумна.
И если въ полѣ тишина,

¹⁾ Такъ, собираясь толпой...

²⁾ Было еще написано:

Когда-жъ бояринъ все узналъ,
Онъ поблѣдѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣль онъ предъ собой,
Рука на небо поднялась;
Отъ синихъ губъ оторвалась

Не рѣчь, но звукъ—ужасный звукъ,

Отзыvъ еще сильнейшихъ мукъ,

Невнятный, какъ далекій громъ...

Три дня, три ночи цѣлый домъ

Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.

—Они прошли.—но съ этихъ поръ,

Какъ будто отъ рожденья иѣмъ.

Онъ слова не сказалъ ии съ кѣмъ...

То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ;
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но выюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ—
Собраться челяди своей,
Точить мечи ¹⁾, сѣдлать коней.
И разнеслась вездѣ молва,
Что беспокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ—на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой,—гримя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней;
И каждый съ знаменемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота.
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князъ,
Къ своимъ приближалась воротамъ,
Возвель глаза—не къ небесамъ:
Возвель онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живеть,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гульливая метель.

Умчался далъ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копий и мечей

¹⁾ ...ножи...

Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
 Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
 То низко голову склоня
 До гривы чернаго коня,
 То вдругъ привставъ на стременахъ...
 Кто-жъ онъ? не русскій и не ляхъ—
 Хоть платье польское на немъ
 Пестрѣло ярко серебромъ,
 Хоть сабля польская, звения,
 Стучала по ребрамъ коня;
 Чела крутаго смуглый цвѣть,
 Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
 Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
 Почти могли-бъ увѣрить васъ,
 Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
 Онъ былъ не молодъ—и не старъ;
 Но, разсмотрѣвъ его черты,
 Не чуждыя той красоты
 Невыразимой, но живой,
 Которой блескъ печальный свой
 Мысль неизмѣнная дала,
 Гдѣ все, что есть добра и зла
 Въ душѣ прикованной къ землѣ.
 Отражено какъ на стеклѣ,—
 Вздохнувші, всякий бы сказалъ,
 Что жилъ онъ меныше, чѣмъ страдалъ.
 Среди долины былъ курганъ.
 Корнистый дубъ, какъ великанъ,
 Его пятою попиралъ
 И горделиво разстипалъ
 Надъ нимъ, по прихоти своей,
 Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
 Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
 Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ,
 Обезображеныхъ мечемъ,
 Пестрѣла на курганѣ томъ.
 И снѣгъ, окрашенный въ крови,
 Кой-гдѣ протаяль до земли;
 Кора на дубѣ вѣковомъ
 Была изрублена кругомъ,
 И кровь на ней видна была,
 Какъ будто-бы она текла
 Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ.

И всадникъ взъѣхалъ на курганъ,
 Потомъ съ коня онъ соскочилъ
 И такъ въ раздумы говориль:
 « Вотъ мѣсто,—мертвый иль живой
 Онъ здѣсь... вотъ дубъ,—къ нему спиной
 Прижавшись, бѣшеный старикъ
 Рубился... Видѣлъ я, хоть мигъ,
 Какъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ,
 Съ пятью рабами бился онъ.
 И дорого тебѣ, Литва,
 Досталась эта голова!..
 Здѣсь, сквозь толпу издалека
 Я видѣлъ, какъ его рука
 Три раза съ саблей поднялась
 И опустилась. Каждый разъ,
 Когда она являлась вновь.
 По ней ручьемъ бѣжала кровь...
 Четвертый взмахъ я долго ждалъ!
 Но съ поля онъ не побѣжалъ,
 Не могъ бѣжать, хотя-бѣ желалъ!..»
 И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
 Подходитъ, смотрить: «Это онъ!»
 Главу, омытую въ крови,
 Бояринъ приподнялъ съ земли
 И слабымъ голосомъ сказалъ:
 «И я узналъ тебя! узналъ!
 Ни время, ни чужой нарядъ
 Не измѣнять зловѣщій взглядъ
 И это блѣдное ¹⁾ чело,
 Гдѣ преступленіе и зло
 Нечать оставили свою.
 Арсеній!—Такъ! я узнаю.
 Хотя могилы на kraю,
 Улыбку прежнюю твою,—
 И въ ней шипящую змѣю!
 Я узнаю и голосъ твой
 Межъ звуковъ стороны чужой,
 Которыми ты, можетъ-быть,
 Его желашь измѣнить.
 Твой умыселъ постигъ я весь,
 Я знаю, для чего ты здѣсь;
 Но, вѣрный родинѣ моей,

¹⁾ ...гордо...

Не отверну теперь очей,
Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ,
И сожалѣнье и печаль.
Но знай, что жизни мнѣ не жаль;
А жаль лишь то, что часъ мой былъ,
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣть твоей!..»

— Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь:
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живеть тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ, давно,
А кѣмъ и какъ,—не все-ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отышу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!—
«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ёсть, не спить: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ!
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ какъ мертвѣцъ!..»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы скжались межъ собой.
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернуль лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.
Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки скжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:

Двѣ яркія слезы текли
 Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
 Собою лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
 Спокойны были всѣ черты,
 Исполнены той красоты,
 Лишеннай чувства и ума,
 Таинственной, какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
 Стоялъ, раскаяньясь томимъ,
 Невольно мысля о быломъ,
 Прощая—не прощенъ ни въ чёмъ!
 И на груди его потомъ
 Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
 Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
 На ней кровавые слѣды
 Вились, чернѣли, какъ бразды.
 Онъ руку къ сердцу приложилъ,
 И трепетъ замирающихъ жилъ
 Ему неясно возвѣстилъ,
 Что въ буйномъ сердцѣ мертвѣца
 Кипѣли страсти до конца,
 Что блескъ печальный этихъ глазъ
 Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня.
 И сѣлъ Арсеній на коня,
 Стальныя шпоры онъ въ бока
 Вонзилъ ему—и въ два прыжка
 Отъ мѣста битвы роковой
 Онъ былъ далеко.—Пеленой
 Широкою за нимъ луга
 Тянулись; яркіе снѣга
 При свѣтѣ косвенныхъ лучей
 Сверкали тысячию огней;
 Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсь
 Чернѣеть на краю небесъ.
 Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ;
 Все тихо, всюду мертвый сонъ,
 Лишь иногда съ сѣдаго пня,
 Послыши близкій храпъ коня,
 Тяжелый воронъ, царь степной,
 Слетить и сядеть на другой,
 Свой кровожадный чистя клѣвъ
 О сучья жосткія деревъ;

Лишь отдаленный вой волковъ,
 Бѣгущихъ жадною толпой
 На мѣсто битвы роковой,
 Терялся въ тишинѣ степей...
 Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
 Березъ и сосенъ, надъ путемъ
 Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
 Висѣль косматой бахромой;
 И часто шапкой иль рукой
 Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
 Прахъ серебристый осыпалъ
 Его лицо... И быстро онъ
 Скакалъ, въ раздумье погруженъ.
 Измучилъ непривычный бѣгъ
 Его коня,—въ глубокій снѣгъ
 Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
 Какъ печь, его дымится грудь;
 Отъ нетерпѣнья сѣдока
 Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
 Но близко, близко... Вотъ и домъ,
 На берегу Днѣпра крутомъ,
 Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
 Заборы, избы и дворы
 Привѣтливо между собой
 Тѣснятся пестрою толпой;
 Лишь домъ боярскій между нихъ,
 Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
 Онъ вѣхалъ на широкій дворъ:
 Все пусто... будто гладъ иль моръ
 Недавно пировали въ немъ.
 Онъ слѣзъ съ коня, идеть пѣшкомъ...
 Толпа играющихъ дѣтей,
 Испуганныхъ огнемъ очей,
 Одеждой чуждой пришлеца
 И блѣдностью его лица,
 Его встрѣчаетъ у крыльца.
 И съ крикомъ убѣгаеть прочь...
 Онъ входить въ домъ: въ покояхъ ночь,
 Закрыты ставни, поль скрипнѣть,
 Пустая утварь дребезжитъ
 На старыхъ полкахъ; лишь порой
 Широкой, бѣлой полосой
 Рисуясь на печи большої,

Проходить въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ
Сквозь сумракъ. Онъ бѣжитъ, летить
Наверхъ по шагкимъ ступенямъ;
Вотъ свѣтъ блеснуль его очамъ;
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимиъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь—но заперта;
Какъ кровью, ржавчиной покрыть,
Большой замокъ на ней висить.
И, вынувъ ножъ изъ кушака,—
Онъ всунулъ въ скважину замка,—
И, затрешавъ, распался тотъ...
И, тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ:
На взгляди, на рѣчь отвѣта нѣть!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто-бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ, бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ ¹⁾ сѣлыхъ
Вокругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упаль заката лучъ златой,
Икрая, на коверь цветной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ—
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ-бы радъ.

¹⁾ ...пауковъ...

Когда-бъ быстрѣй, чѣмъ мысль, иль взглѣдъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ ¹⁾.

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могиль...

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ обѣятія земли.
Душа прекрасная ея,
Принявъ другое бытіе,
Теперь парить въ странѣ святой.
И, какъ укоръ передо мной,
Ея минутной жизни слѣдъ!
Она погибла въ пвѣтѣ лѣтъ
Средь тайныхъ муки, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ?—то знаетъ Богъ!
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ,—
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенній сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!
«Да! я преступникъ, я злодѣй.
Но казнь равна-ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ... ²⁾

¹⁾ Далѣе смыдавало вначалѣ:
Исчезнуть радѣбы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинной лоскутокъ
Который, сгнивъ, увалъ, поблекъ,
Громаду... и проч.

²⁾ Важѣсто предыдущихъ четы-
рехъ стиховъ сначала было:

Жить и страдать теперь на что?
Она ничто—и все ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнить судьба моя,
Но о спасеніи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь—не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!

Разлуки первый грозный часъ
 Сталь вѣкомъ, вѣчностью для нась.
 О, если-бѣ рай передо мной
 Открытъ былъ властью неземной,—
 Клянусь, я-бѣ прежде, чѣмъ вступилъ,
 У вратъ священныхъ бы спросилъ:
 Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
 Погибшій рай надеждъ монхъ?
 Творецъ! отдалъ Ты мнѣ назадъ
 Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
 Отдай мнѣ свѣжія уста
 И голосъ сладкій какъ мечта.
 Одинъ лишь слабый звукъ отдай!..
 Что безъ нея земля и рай?
 Одни лишь звучныя слова,
 Блестящій храмъ—безъ божества!..
 «Теперь осталось мнѣ одно:
 Иду! Куда?—Не все-ль равно,
 Та иль другая сторона?
 Здѣсь прахъ ея, но не она!
 Иду отсюда навсегда,
 Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
 Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,—
 И выюга слѣдъ завѣтъ мой!..»

САШКА.

(1833—36).

(Правственная поэма).

I. *Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ — все пиши¹⁾*
Ему про казни, цѣли, да изгнанья,

¹⁾ *Первоначально поэма начиналась такъ:*

I. Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
 И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
 И тотъ, кто кончилъ живъ на колесѣ;
 И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
 Чтобы выставить себя во всей красѣ.
 Увы!—Дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
 Погибнуть бѣвъ слѣда въ волнахъ забвенья;
 Ни модный слогъ, ни модный фронтиспісъ—
 Ихъ не спасеть отъ пѣсни и крысъ;
 Но хоть пути предшественниковъ склизки,
 И я хочу издать мои записки.

II. *Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши*
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно—муки да страданья.

Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спить, кто думать любить,
Кто дни свои въ воспоминаньяхъ губить.
Впадаль я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало,—
Пою, смысьюсь.— Герой мой добрый малый.

ii. Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,

Такія вещи, право, хороши
Тому, кто мало спить, кто думать любить,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губить.
Впадаль я прежде въ эту слабость самъ;
Но, видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней спрятки,
Я склонилъ рѣшился въ книжной лавкѣ.

iii. Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,
Но вѣсъ онъ заставитъ разсмѣяться.—
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, тогда вы книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку:
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за спину положить;— и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.

iv. Видѣнья сна замѣнять мой разскѣвъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И еслибы могъ я спать, то въ этотъ часъ,
Съ первомъ въ рукахъ, я-бы на яву напрасно
Не бредилъ... Правда, инѣ пе въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,
Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
И даже сны упорно повторяли
Моей души протекнія печали.

v. Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая,
Но, признаюсь я, часто для яныхъ
Карикатура жизни—жизнь вторая:
Не лучше первой, полная иѣмыхъ
И беспокойныхъ образовъ другаго
Таинственнаго міра, невѣнаго;
Смущенная душа раздѣлена
Междуд... и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски иицій...

Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился.
 Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ;
 Но я за то ни мало не сердился,
 И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
 Печалень-ли, бывало, тотчасъ скажеть,
 Когда же веселъ, счастливъ—глазъ не кажеть.
 Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
 Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ ты;
 Хвалилъ во мнѣ, что прочие хвалили,
 И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

iii. Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ друзей..
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
 Пусть спить оно въ землѣ чужихъ полей,
 Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
 Но съ твердостью. Таинственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
 И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ не поняль ни единій.

iv. И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
 Названье-ли оставленнаго друга,
 Или тоска по жизни молодой,
 Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
 Какъ разгадать? Что можетъ въ чась такой
 Наполнить сердце, жившее такъ много
 И такъ недолго съ смутною тревогой?
 Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять,
 И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
 Твои мечты, дѣла и приключенья—
 Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

v. Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
 Кто-бѣ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
 Разумникъ-ли, шалунъ-ли молодой.—
 Картина будешь; это—только рама!
 Отъ правилъ, утвержденныхъ стариной,
 Не отступлю,—я уважаю строго
 Всѣхъ старииковъ, а ихъ теперь такъ много...
 Не правда-ль, кто не старъ въ восьмнадцать лѣтъ,
 Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,
 О наслажденьяхъ знаетъ лишь по слухамъ,
 И преданъ былъ учителямъ да мукамъ.

- vi. Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
 Я врагъ Невѣ и невскому туману.
 Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
 Веселье вредно русскому карману,
 Занятыя вредны русскому уму.
 Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
 Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
 Москва—не то: покуда я живу,
 Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
 Тамъ я впервые, въ дни надеждъ и счастья,
 Былъ боленъ отъ любви и любострастья.
- vii. Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынь,
 Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
 Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
 И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
 Напрасно думалъ чуждый властелинъ
 Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
 Помѣряться главою—и обманомъ
 Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
 Тебя припелъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
 Вселенная замолкла... Величавый,
 Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.
- viii. Ты живъ!.. Ты живъ, и каждый камень твой—
 Завѣтное преданье поколѣній.
 Бывало я у башни угловой
 Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
 Играеть съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
 И изъ гнѣзда, прикрытоаго карнизомъ,
 Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
 Кружатся, вьются, чуждыя людей.
 И я, такъ полный волею страстей,
 Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
 Какъ упованье вольной, поднебесной.
- ix. Я не философъ—Боже сохрани!—
 И не мечтатель. За полетомъ пташки
 Я не гонюсь, хотя въ былые дни
 Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
 Ну, муз!—ну, скорѣе,—разверни
 Запачканный листокъ свой подорожный!
 Не завирайся,—туть зоиль безбожный...
 Куда теперь намъ Ѳхать изъ Кремля?
 Вороть вѣдь много, велика земля!
 Куда?—«На Прѣсню! погоняй, извощикъ!»—

- «Старуха, прочь!.. Сворачивай, разнощикъ!»
- x. Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щить варяжскій, или сыръ голландскій.
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая:
«Кто ёдетъ?»—«Муза!»—«Что за чортъ! Какая?»
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спать унылы;
Луна сребрить желѣзныя перилы.
- xi. Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредеть. И вотъ конецъ
Шериламъ.—«Все направо!»—Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнуль знакомый огонекъ...
«Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубокъ!..
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише
И платье подними какъ можно выше».
- xii. Калитка—скрыть... Дворъ теменъ. По доскамъ
Идти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожація ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь,—и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...
- xiii. Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
Вы знаете, для музы и поэта,
Какъ для хромаго бѣса, каждый домъ
Имѣеть входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣть для насъ ни въ чемъ...
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ... дѣвицы—не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!..
Чѣмъ выгоднѣй,—узнать прошу я васъ

Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,—
Красавицею быть или девицей?

xiv. Красавицы сидѣли за столомъ,

Раскладывая карты, и гадали
О будущемъ. И умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды (то, что мы и всѣ видали).
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, дучь ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

xv. Одна изъ нихъ (красавицъ) не вполнѣ

Была прекрасна, но за то другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ—о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ усть ея пустое «нѣть» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

xvi. Она была затѣйливо-мила,

Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она-бѣ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ:
Въ томъ вы должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣть, какъ въ томъ, что мы—варяги.

xvii. Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,

Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ;
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣль въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ,—онъ умеръ не подъ палкой!»
Его жена пять мѣсяцевъ спустя

Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошеньку Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

xviii. Подъ рувищемъ простымъ она росла
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая
Прохажимъ не замѣчена,—ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ,—пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова;
Она въ объятья божества земнаго
Упала; но, увы, прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣль ей надѣсть.
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

xix. Мечты любви умчались какъ туманъ;
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платить за обманъ
(Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже),
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно;
Покрыты свѣтлой влагой иногда.
Они блуждали, какъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ,—и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

xx. Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлся, бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ, и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзвясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна,—

xxi. Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упадала.
Не спорю, мудрено ее понять,
Она сама себя не понимала,—
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой

Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился-ли герой,
Или вотще остался ожидаешь,
Все это мы со временемъ узнаемъ.

xxii. Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину,
И мысли ихъ встрѣчались во всемъ.
О, еслибъ знали, сколько въ этомъ званы
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блестаньемъ модныхъ дамъ;
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелестъ ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

xxiii. Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

xxiv. Она звалась В..... Но я
Желалъ бы ей другое дать названье:
Скажу-ль, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинь,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердить,—молчу, или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
В..... здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

xxv. Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣеть лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,—
И мысль къ нему прикована... Ужели

Въ моей груди изгладить не успѣли
 Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ—
 Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
 (Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
 Получше ихъ видаль я послѣ много).

xxvi. Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
 Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
 Но первого восторга чудный звукъ
 Въ груди не умирасть,—и порою,
 Сквозь облако заботъ, когда недугъ
 Мой слабый умъ томить неугомонно,
 Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
 Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
 И бродятъ облака,—звѣзда горитъ
 Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
 И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

xxvii. Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
 Красавицы раздумавши сидѣли,
 И заставляль ихъ вздрагивать порой
 Унылый свистъ играющеи метели.
 И какъ и вамъ, читатель милый мой,
 Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
 Условнаго, залаяла собака,
 И у калитки брякнуло кольцо.
 Вотъ чей-то голосъ... Идуть на крылью...
 Параша потяпнулась и зѣвнула
 Такъ, что едва не бухнулась со стула,

xxviii. А Тирза быстро выбѣжала вонь.
 • Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
 Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
 Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
 Или волненiemъ былъ онъ утомленъ,
 Упалъ на стуль... Заботливой рукою
 Сняла Параша плащъ, потомъ другою
 Стряхнула иней съ шолковыхъ кудрей
 Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
 Все нравится, что молодо, красиво,
 И въ чёмъ мы видимъ прибыль особливо.

xxix. Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
 Изящно былъ причесанъ—и такъ далѣ.
 На пальцахъ перстни изливали свѣтъ,
 И галстукъ надушонъ былъ какъ на балѣ.
 Ему едва-ли было двадцать лѣтъ,

По блѣдностью казались покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты,—
Не знаю, мусъ-ли то послѣднихъ слѣдъ,
Но имъ давно знакомъ быль этотъ цвѣтъ—
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

xxx. Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился; что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй...
Въ глазахъ его, открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюдений дальнихъ
Презрѣнья, гордость; хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

xxxi. Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣждений,
Какъ сбросиль бы я платье, если-бъ вдругъ
Изъ Сѣвера Всевышній сдѣлалъ Югъ.
Но нынѣ насть противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

xxxii. Да кто же этотъ гость?.. Pardon, сейчасъ!..
Разсвѣянность... Monsieur, рекомендую:
Герой мой, другъ мой—Сашка!.. Жаль для васть,
Что случай свелъ въ минуту васть такую,
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье;
Я говорилъ,—онъ слушалъ, онъ быль весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!..
И я нашель, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ. чѣмъ въ стихахъ прославить.

xxxiii. Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка»—старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видаль,
И недозрѣвшій онъ угаръ въ изгнаньѣ.

Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другаго имя,—дурно-ль, хорошо-ль, о томъ
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?»—«Дома».—«Что-жъ не видно
Ея?»—«Уснула».—«Какъ ей спать не стыдно!»

xxxiv. И онъ поспѣшилъ входить въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи
Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
И на стеклѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блѣстки огневыя,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ (не мѣсяцъ, но мой Сашка)—слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышеть.

xxxv. Онъ руку протянулъ,—его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?..
Такъ миньютюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.

.

xxxvi. Блаженная минута!.. Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей.
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смылъ
Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
И жизнью, и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
Какъ ты, одинъ съ свободою моей
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,—
Живу, чтобы жить какъ ты, моя подруга!»

xxxvii. «Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведеть навѣчи,—
Не все-ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только-бѣ я провелъ его безопасно?..»

И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки, и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться, и была удивлена,
Какъ надлежало... (Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье).

xxxviii. И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—
«Неужто?.. Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждеть тебя Параша!..
Нѣть, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это быль скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
А есть уста, которая украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

xxix. Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно-бѣ свой престолъ украсиль ею,—
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять; затѣмъ что не рожденъ
Владыкой, и не знаю, въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ,
А знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

xl. «Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
Я быль на балѣ!»—«Балѣ! а что такое?»—
«Невѣжда! это—говорь, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское;
Наружный блескъ, обманчивый недугъ;
Кружатся дѣви, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ;
Кто ловить душу, кто пять тысячъ душъ....
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

xl1. Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшина

Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла-бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала,
И уязвлять, но не желая зла,
Соперницъ гордою жалостью, и въ свѣтѣ
Блистать, и ъздить четверней въ каретѣ.

хлн. Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ.
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла

хлп. Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались изрѣдка
Сверчка ночного жалобныя трели;
И мышь въ тѣни роднаго уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своеемъ едва-ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

хлв. Но Тирза вдругъ молчанье прервала,
И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если-бъ ты, откинувъ предразсудки
(Она его тутъ крѣпко обняла),—
Что если-бъ ты, мой милый, мой безцѣнныи,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра, или даже въ день иной
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ—безбожно».

хлв. «Пожалуй!» отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину:
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ итица клонить слабую тростину.

Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченье долгой ночи
Бывало беспокойно бродять очи,
И жжеть подушка влажное чело.
Душа грустить о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони или русскій нищій...

- XLVI. И жадный червь ее грызть, грызть,—
Я думаю, тотъ самыи, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣть ужъ въ поднебесной,—
Они исчезли съ арфою чудесной...
- XLVII. И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ беззлучный міръ—лишь прахъ могильный
Другаго,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая, рукою сильной
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила—ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
И по сродству планеть имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на нась...
А дай сойтись, такъ заварится каша—
Въ кулакки, и... прощай планета наша.
- XLVIII. И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любилъ я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взоромъ въ ихъ цѣпи огнистой:
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой;
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.
- XLIX. Итакъ, герой напѣ спить; пріятный сонъ,
Покойна ночь. А вы, читатель милый,
Пожалуйте,—иначе принужденъ

Я буду васъ удерживать и силой...
 Романъ, впередъ!.. Не идеть?—Ну, такъ онъ
 Пойдетъ назадъ. (Герой нашъ спитъ). Покуда,
 Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
 Кто мать его была, и кто отецъ,
 Какъ онъ на свѣтъ родился; наконецъ
 Какъ онъ попалъ въ позорную обитель.
 Кто былъ его лакей и кто учитель.

L. Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
 Иванъ Ильичъ N. N..., мужъ дородный;
 Богатаго отца любимый сынъ,—
 Былъ самъ богатъ; имѣлъ онъ умъ природный
 И, что ума полезнѣй, важный чинъ;
 Съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ миромъ
 Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ,—
 А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
 Былъ человѣкъ, и следствено уменъ.
 Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
 Любезникомъ въ своей симбирской сфере.

II. Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
 Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья;
 Спалъ очень долго, вѣль за четверыхъ,
 Ни на кого не обращалъ вниманья,
 И не носилъ приличія веригъ.
 Однако же предъ знатью горделивой
 Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво,—
 Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
 Для исполненя требовалъ поклонъ;
 А кланяться закону иль вельможъ—
 Считалося тогда одно и то же.

III. Онъ старшихъ уважалъ, за то и самъ
 Почтительность вознаграждалъ улыбкой,
 И ревностный хотя угодникъ дамъ,
 Женился, по словамъ его, ошибкой.
 Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
 Открыть, а знаю только (не соврать бы),
 Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
 И что печаль его была одна
 Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
 По мнѣ они больше эгоисты—
 Все женъ винять, какъ будто сами чисты.

IV. Благодари меня, о женскій полъ!
 Я—Демосоенъ твой: за твою свободу

Я радъ шумѣть; я непомѣрно золь
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?.. Возстаньте,—часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнья!
Конецъ всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
И... и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братъи.

- l.iv. Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ вель себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница-жъ жена (не утаю)
Читать любила жалкіе романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ—отъ нихъ мечты рождаются...
А искушенью только бы добраться!

- l.v. Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень; чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна;
Но, говорять (хоть можетъ-быть и лгутъ),
Что долгъ супруги—только лишній трудъ,
Что мужья у женъ такихъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

- l.vi. Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора.
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны стояли рядами;
Прозрачною рѣшеткой окружены,
Какъ клѣтка между нихъ висѣть балконы,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ

Виднѣлися гардины прозрачныхъ складки.

- LVII. Внутри все было пышно; на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеѣнки
И листры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; москви и болонки
Встрѣчали шумно каждого въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, и далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?.. Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»
И ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

- LVIII. Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни—отрада днемъ—
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,—
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

- LIX. Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленою
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани, двойною чередой,
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились,
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый; и сѣрой мглой объяты,
Виднѣлся дальний берегъ, и бѣлѣли
Вокругъ острова края песчаной мели.

- LX. Нестройный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ пловцовъ—
Все въ гулѣ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суроъ
Казался вѣтрѣ, и день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль, или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой, часто, сѣвъ къ окну,
Сльдила взоромъ сизую волну,

Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотая гривы.

- LXI. Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея-ль сложеніе было въ томъ виной,
Или его немолодая лѣты?..
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,

Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

- LXII. Какая сладость въ мысли: я отецъ! ¹⁾
И въ той же мысли сколько муки тайной!
Оставить въ мірѣ слѣдъ и наконецъ
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій,—такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чemu, куда ведеть насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но исключая два-три дня да дѣтство,

¹⁾ Въ тетрадяхъ Лермонтова встрѣчается сильдующій первона-
чальный набросокъ этой и дальнѣйшей строфы:

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
Такъ говорятъ (иль думаютъ) иные
Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ....

Но горе имъ! Въ любви бѣда излишекъ:
Толпа слюнявыхъ скверныхъ ребятишекъ
Ихъ окружить, какъ шумныхъ пчелъ семья,
И свяжетъ.... Не женимтесь, друзья!
Но безъ женитьбы какъ людское сѣмя
Намъ продолжать?—О томъ въ другое время.
Таинственная цѣль есть у людей;
Различными невѣрными путями
Къ ней идуть всѣ подъ ношею страстей,—
Къ ней идуть всѣ, со смѣхомъ и слезами.
Но отстаютъ отцы отъ сыновей:
Любовь отца не встрѣтить той же въ сынѣ;
Живыи мысли—хороши въ чужбинѣ,
На полѣ битвы или подъ окномъ,
Гдѣ видѣть онъ головку вечеркомъ.
И шаль, и локоть ручки бѣлоснѣжной,
Склонившейся на край окна небрежно.

Она, безспорно,—скверное наследство.

- LXIII. Бывало, этой думой удрученъ,
И прежде много плакаль, и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ.
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ—звукный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежать кремни—и блещутъ, но не живы!

- LXIV. Прилично-бѣ было мнѣ молчать о томъ;
Но я привыкъ идти противъ приличій,
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ.—Поэтъ породы птичей,
Любовникъ розъ, надъ розовымъ кустомъ
Урчить и свищетъ межъ листовъ душистыхъ—
Объ чёмъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
Прощу хоть разъ спросить у соловья,—
Онъ вамъ отвѣтить пѣснью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется.

- LXV. Прошло два года. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
Всѣ на подборь, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролеть,
И что страшнѣе этого, ребёнокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

- LXVI. Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ;
И про меня сказали точно такъ,
А правда-ль это вышло?—Небо знаетъ!
Къ тому-жъ полночный вой собакъ
И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ—
Примѣты злыхъ; но не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной

И для премудрыхъ»—какъ же мнѣ поэту
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?..

LXVII. Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ.

Живые глазки, бѣлая ручонки
И русый волосъ, вьющейся кольцомъ—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ, и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влечению,
Имѣть большую склонность къ разрушенью.

LXVIII. Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ,—
Затѣмъ что самъ былъ съ дѣтства часто сѣченъ,
А слава Богу вышелъ человѣкъ:

Не стыдъ семьи, не тупъ, не изувѣченъ.
Понятъя были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣль онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX. Великій грѣхъ!.. Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства: злоба, гордость и любовь.
Какъ дерева подъ небомъ юга зноинъмъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто-бѣ капля яда
Липась по жиламъ. Это можетъ-быть
Смѣшно—что-жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любять всѣ гостинныя собачки
За варенья, побои и подачки.

LXX. Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.

Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньѣ;
И что, когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,

То стать онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
Велѣль его послѣть (конечно, съ горя)...

- LXXI.
- Онъ не имѣть ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнуть отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнию сердце предалъ,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терялся мыслю послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасень, свѣжъ, но одинокъ;
Лады къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты-жъ на немъ отъ зноя всѣ увянуть...

- LXXII.
- Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безопасность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружній зовъ не встрѣтиль онъ отвѣта.

- LXXIII.
- О, если-бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ суиругъ!
Въ глухи степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если-бъ могъ онъ, въ молнію одѣть,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..
(Но къ счастію для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.)

- LXXIV.
- Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ заключенью... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!..

Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любаго бѣса.

- LXXV. Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полу забавный.
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риѣмою одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманахъ онъ,
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати.
Не размышлялъ, что кстати, что не кстати.

- LXXVI. Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отиравился въ походѣ;
И наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

- LXXVII. И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумныи
Напоръ страстей, и про послѣдній часъ
Вѣничаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный миллионъ
Кричаль, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И въ недостаткѣ хлѣба или золата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

- LXXVIII. Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя

Посыпались на плечи молодыя;
 Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
 Склонилася на плаху... О, Творецъ!
 Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи...
 И голова оторвана отъ шеи...

LXXIX. И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
 И загремѣла жадная сѣкира...
 И ты поэтъ!—высокаго чела
 Не уберегъ! Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла
 Все, все, что ты считалъ своей душою—
 Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
 Напрасно!.. Ты прошелъ кровавый путь,
 Не отомстивъ, и творческую грудь
 Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодной
 Не посытилъ,—и ты погибъ безплодно...

LXXX. И Франція упала за тобой
 Къ ногамъ убийца бездушныхъ и ничтожныхъ.
 Никто не смѣль возвысить голосъ свой;
 Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
 Никто не вышелъ съ твердою душой,—
 Межъ тѣмъ какъ втайцѣ взоръ Наполеона
 Въ нихъ зреѧтъ ступени будущаго трона...
 Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
 Но истина—не въ модѣ, а писать
 Объ томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
 Смѣшно, тѣмъ больше объ такихъ предметахъ.

LXXXI. Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ—
 Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
 Я палачу не дамъ похвальный листъ,
 Но клеветой героя не унижу.
 Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
 Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
 Хоть онъ отличья иногда достоинъ,
 Но вѣрно намъ за тяжкій мавзолей
 Не благодаренъ въ комнатѣ своей!
 И, длиннымъ одамъ внемля поневолѣ,
 Зѣвая вспоминаетъ о престолѣ.

LXXXII. Я прикажу, кончая дни мои,
 Отнести свои трупъ въ пустыню и высокой
 Курганъ надъ нимъ насыпать, и—любви
 Символь ненарушимый—одинокой
 Поставить крестъ: быть-можеть изъ дали,

Когда туманъ протянется въ долинѣ,
 И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
 Гостепріимной ницій пѣшеходъ,
 Его замѣтивъ, медленно придетъ,
 И, отряхнувши посохъ, безнадежный
 Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII. И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
 Людей и небо, время и природу,
 И проклянетъ грозы безсильный вой
 И пылкихъ мыслей тщетную свободу...

Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
 На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
 Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
 И звѣрь, огонь, и вѣтерь, и земля—
 Раздѣлять прахъ мой, и душа моя
 Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиromъ,
 Сольется и развѣется надъ міромъ!..

LXXXIV. Пускай отъ сердца, полнаго тоской
 И желчью тайныхъ тщетныхъ сожалѣній,
 Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
 Слѣдовъ не остается... Безъ волненій
 Я выпилъ ядъ по каплѣ; ни одной
 Не уронилъ; но люди не видали
 Въ лицѣ моемъ ни страха, ни печали,
 И говорили хладно: онъ привыкъ!
 И съ той поры я облилъ свой языкъ
 Тѣмъ самымъ ядомъ,—и по праву мести
 Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV. Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ,
 И обратимся къ нашему герою.
 До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
 Житейскихъ, и невинною душою
 Искалъ страстей, какъ пици. Длинный годъ
 Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
 Грамматикъ, географій и теорій
 Всѣхъ философій міра. Пять системъ
 Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
 Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
 «Monsieur, c'est mon affaire»!—(такъ мнѣ угодно!)

LXXXVI. Но Саша не внималъ его словамъ:
 Разсѣянно въ тетрадяхъ надъ строками
 Его рука чертила здѣсь и тамъ
 Какой-то женскій профиль, и очами,

Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ, и нѣжно
Вздыхаль, и хоронилъ его прилежно
Межу листовъ, какъ тайныій милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ,
Какъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII. Но кто-жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?.. Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
Со всѣмъ искусствомъ древняго Фоблаза.
Его любовь какъ снѣгъ вершинъ Кавказа
Чиста, тепла какъ небо южныхъ странъ...
Ему-ль платить обманомъ за обманъ?..
Но кто-жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII. И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣть)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете сами)
Онъ дразнили дерзкими перстами.

LXXXIX. Но между нихъ онъ отличалъ одну:
Въ ней было все, что грѣетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накину пелену.
Ее любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течеть огнемъ, клокочеть и кипитъ.
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться,—
Но надобно-жъ на что-нибудь рѣшиться.

И мудрено-ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожи,
И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,

Что другъ на дружку всѣ онъ похожи.
 Волниующихся персей нѣжныи цвѣтъ
 И алыхъ усть горячее дыханье
 Во мнѣ рождали чудныя желанья;
 Я трепеталь, когда моя рука
 Атласныхъ плечъ касалася слегка,
 Но лишь въ мечтахъ видаль я безъ покрова
 Все, что для васъ конечно ужъ не ново...

ХСI. Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ;
 Молчить весь день и часто бредить ночь;
 По коридору бродить и грустить,
 И ждеть, чтобы показалась Евы дочь.
 Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
 Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
 Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный...
 Но съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!..
 Оно капризно, глупо, какъ судьба.
 И такъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
 И положилъ съ Маврушей объясняться.

ХСII. Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
 По мостовой широкими клубами
 Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
 Ложилася на крышахъ полосами,
 И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
 Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли. Даже
 Катилась Волга медленнѣй и гляже.
 Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
 Лежаль полураздѣтый нашъ герой
 И размышляль о тайнѣ съединеня
 Двухъ душъ—предметъ достойный размышленья.

ХСIII. Вдругъ слышитъ онъ: направо, за кустомъ
 Сирени, шорохъ платья и дыханье
 Волниющейся груди, и потомъ
 Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
 Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
 Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
 Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни;
 Трещать и гнуться вѣтви подъ рукой.
 И вдругъ предъ нимъ, съ Маврушей молодой
 Обнявшися въ тѣни цвѣтущей вишни,
 Иванъ Ильичъ... (Прости ему Всевышний!...)

пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Ариадну, преданную гибѣву.

хсв. И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный, новымъ адомъ
Испуганный, но помягшій эдемъ,
Съ поникшою стояль онъ головою;
И на челѣ, наморщенному тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ какъ съ неба...

хсvi. Упалъ (прости невинность!). Какъ змѣя
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками.
То холоднѣя, то какъ жарь горя,
Неистово впился въ нее устами
И—обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета,
Боясь всего: людей, а больше свѣта...

хсvii. Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого винить?.. Но мнѣ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта,—онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладономъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдя пустѣвшему капризу,
Кидаль его то вкось, то вверхъ, то книзу.
хсviii. Два мѣсяца прошло. Во тѣмъ ночной,

На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной,
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
Потомъ, на мягкой пухѣ привлечена
Подъ одѣяло пряталась она;
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И въ жаркихъ поцѣлуюхъ онъ сливался.

- xcix. Казалось, рокъ забылъ о нихъ. Но разъ
(Не помню я, въ который день недѣли),—
Ужъ пролетѣлъ давно свиданья часъ,
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумья. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ изрѣдка
Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятой,

- c. Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной,
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы-бѣ сказали—поступь райской пери
Посышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

- ci. И онъ узналъ Маврушу. Но—Творецъ!—
Какъ измѣнилось иѣжное созданье!
Казалось, тѣло изваяль рѣзецъ,
А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходить и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше, и казалось жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины—
Раскаянья преступной Магдалины?

- сii. И кто бы смѣль изобразить въ словахъ,
 Чѣдышетъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
 Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ
 И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
 Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
 Какъ струны лютни, потрясаешь жилы;
 И слышишь близость чудной тайной силы,
 Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
 Кто какъ въ гробу въ душѣ своей живеть,
 Кто терпить всѣ упреки, всѣ печали,
 Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.
- сiii. И долго молча плакала она.
 Разсыпавшись на кругленькия плечи,
 Ея власы бѣжали какъ волна.
 Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
 Отзвѣвъ того, чѣмъ грудь была полна,
 Блуждали на губахъ ея; но звуки
 Яснѣ были словъ... И голосъ муки
 Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
 Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
 И не щадиль ни нѣжностей, ни ласки,
- сiv. Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
 Ты молода, любима—гдѣ-жъ страданье?
 Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнъ моя,
 И рай земной—въ одномъ твоемъ лобзаньї...
 Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
 Какой-нибудь... Но нѣть! И кто же смѣеть
 Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣть,
 Французъ давно не годенъ никуда...
 Ну, полно! слезы прочь, и лягъ сюда!»
 Мавруша, крѣпко его обнимая,
 Отвѣчала, медленно вздыхая:
- сv. «Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
 Пренебрегла опасность, наказанье,
 Стыдъ, совѣсть—все, чтобы только видѣть васъ,
 Попѣловать вамъ руки на прощанье
 И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
 Не отвергайте бѣдную—довольно
 Ужъ я терплю,—за что же?.. Сердце вольно.
 Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
 Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,—
 Черезъ него я гибну... Все готово!

- Молю!.. о, киньте мнъ хоть взглядъ, хоть слово!
- cvi. «Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Пропала недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другаго ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами
Раба?—игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!...»
Тутъ началися слезы, восклицанья;
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.
- cvii. «Ахъ, баринъ, баринъ! вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай! тебя мнъ больше не видать,
За то ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнъ-жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи;
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!..
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальний хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья и мужикъ съ косматой бородой...
А ты?—вздохнешь и слюбишься съ другой!»
- cviii. Она заплакала. Такъ точно, или нѣть
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнъ повѣсть эту,—
Его ужъ нѣть... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки.
- cix. Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ;
«Злодѣй! тиранъ!»—и тысячу именъ
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ,
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
-

- сх. Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ—
Растрапанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
Вошелъ и строго обратился къ Сашѣ:
«Eh bien, monsieur, que vois-je?»—«Ah, c'est vous!»—
«Pourquoi ce bruit? Que faites vous donc?»—«.....»
И, молвивъ такъ (пускай простить мнѣ музу),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.
- схI. И вслѣдъ за нимъ, какъ лань кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не рас простяясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненіе сердца. «Вздоръ—
Шепталъ онъ:—вздоръ: любовь—не жизнь!» Но утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно;
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.
- схII. Къ окну съ волненіемъ Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣль ямщикъ и вожжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»
—«Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!.. Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой,
И спряталася въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. «Пошелъ!»... Колесы застучали
И въ мигъ... Но что намъ до чужой печали?
- схIII. Давно-ль?... Но дѣтство Саши протекло.
Я рассказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость; но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя-бъ дошло до драки).
И потому родитель, разсчитавъ,

Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

сxiv. И тамъ проказникъ быль препорученъ
Старухъ-теткѣ самыхъ строгихъ правиль.
Свѣть утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святаго брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣнїи ждутъ, да ждутъ,
Нокуда ихъ на вистъ не позовутъ;
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

сxv. Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякой часъ, съ покорностю возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то есть грѣеть одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣль,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣль.
И если бы хоть разъ онъ быль свидѣтель,
Какъ сладко спить сѣдая добродѣтель!

сxvi. Шалунъ быль отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣль прекрасныхъ правиль.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣнiemъ оставилъ.
Онъ увидаль, что дружба, какъ поклонъ—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавный, и сносивый,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

сxvii. И снимокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ раскрашенный отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;

Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣтить,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

cxviii. Изъ пансиона скоро вышелъ онъ,
Паскуча все твердить азы да буки;
И наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богъ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: ромъ съ чаемъ или голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки висящіе клочками.

cxix. Бывало, только восемь бѣть часовъ,
По мостовой валить народъ ученый.
Кто ночь провель съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входить, кланяется чинно,—
Шумятъ... Онъ книгу взялъ, раскрылъ,—шумятъ;
Уходить,—втрое хуже. Сущій адъ!..
По сердцу Сашкѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

cxx. Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

cxxi. Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привести въ порядокъ ихъ одѣжды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,

И потому она проснулась поздно...
 Растрепанные волосы назадъ
 Рукой откинувъ и на свой нарядъ
 Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
 Она довольно долго позывала.

cxxii. На ней измято было все; и грудь
 Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
 Она спѣшить лицо водой сплеснуть
 И кудри безъ особенныхъ стараній
 На головѣ гребенкою заткнуть;
 Потомъ сорочку скинула, небрежно
 Водою обмываетъ станъ свой нѣжный...
 И, опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
 И на плеча капоть накинувъ свой,
 Плѣнительна безстыдной наготою,

Она подходитъ къ нашему герою,

cxxiii. Садится въ изголовъи и потому
 На солнаго студеной влагой плещеть.
 Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
 И видѣть, что пора: свѣтелка блещеть,
 Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
 Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
 Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
 Упругій снѣгъ на улицѣ хрустить,
 Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
 И въ городѣ (что мнѣ всегда досадно),
 Колокола трезвонятъ безпощадно...

cxxiv. Прелестный день! Какъ пышень Божій свѣтъ!
 Какъ небеса лазурны!.. Торопливо
 Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣТЬ,
 Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
 Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
 Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
 Изобличалъ его... Но, между нами,
 Сказать тихонько: это—не порокъ.
 У нашихъ дамъ найти я то же-бѣ могъ,
 Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
 Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

cxxv. Извъ комнаты выходить нашъ герой,
 И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
 Онъ видѣть Катерину предъ собой,
 Привѣтствовать ее холоднымъ взоромъ,—
 И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:

Вотъ стуль съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта.
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.

Онъ плащъ надѣлъ, и вышелъ на крыльцо,
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

sxxvi. Чтобы приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы,—и такъ далъ.
Сказать-ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтить-ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глушиловъ крикливы судъ,
Коварный шопотъ злой старухи, или
Два-три намека въ польскомъ иль въ кадрили!

sxxvii. Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входить онъ;
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.

«Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я-бѣ не рѣшился на такую скучу,
Хотя бы мнѣ давали миллионъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣль нашъ модный кругъ,—увы,
Какая жалость!.. Знаете-ли вы,
На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
Которая несетъ погибель свѣту?..

sxxviii. «И подѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открыли на Кузнецкомъ,—не угодно-ль
Вамъ посмотреть?.. Тамъ есть мамзель Abine,
Monsieur Dургѣ, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchaux—плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ ея вертится.
Мнѣ-жъ, ей-Богу, все равно, что ни случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

sxxix. «Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза; малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ—
Пѣнить дешевле вѣтреную шалость!»

И притворясь печальнымъ сколько могъ,
Шалунъ склонилъ къ теткѣ, два-три раза
Вздохнулъ, чтобы удалась проказа.
Тихонъко ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до dna
И вынула три бѣленъкихъ бумажки...
И... вы легко поймете радость Сашки.

cxxx. Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрный.
Покрытъ какъ лакомъ былъ чугунный пвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ;
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменнотью безумной отзывалось.

cxxxI. Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ имъ и Сашей былъ. Давно ихъ разговоры
Казались таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Соображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страшный обожатель,
И потому «Зафиромъ» нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

cxxxII. Зафири Сашка что-то прошепталъ.
Зафири кивнулъ курчавой головою;
Блеснулъ какъ рысь очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью
На языкѣ чужомъ, и тайной страстью
Онъ одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

cxxxIII. И наконецъ онъ подалъ знакъ рукой,
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,

Онъ жиль у Саши какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что кромѣ Саши въ цѣломъ Божемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о Зафирѣ.

сxxxiv. Однако были дни давнимъ-давно,
Когда и онъ, на берегу Гвинеи,
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шей,—
И мало-ли?.. О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣли семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
Осталась неприступна какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣла жемчуговъ;
Тамъ жгуть лобзанья и пронзаютъ очи;
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

сxxxv. Но родина и вольность будто сонъ
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣляхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все стало непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его;
Ему обидно общее веселье;
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

сxxxvi. О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою,
Въ одеждахъ золотыхъ, изъ далека,
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ,
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись будто куча змѣй,
Безпечно дремлють на скалѣ своей.
Настанетъ день,—ихъ вѣтеръ вновь уносить:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спросить?
сxxxvii. И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣть слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,

Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы иѣжной.
И ты, чья жизнь какъ бѣглая звѣзда
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразишь словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ;
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою!

cxxxviii. И миръ твоимъ костямъ! Онъ сгниютъ,
Покрыты одеждою военной...

И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забыть, какъ часовой безсмѣшный.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можеть, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать? земля до молодыхъ обѣятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все-ль, какъ прежде,
Ты любишь нась и вѣруешь надеждѣ?

cxxxix. И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ

Я подносила пріятельскую чашу,—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанье славы
Какъ призракъ разлетѣлося. Вы правы:
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы; и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

cxl. Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,—
Но за добро платили мнѣ презрѣніемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ—
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденіемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ, и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безопасность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

cxli. О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ

За неземной границей міра?—Смутный,
 Безбрежный океанъ, гдѣ нѣть вѣкамъ
 Названья и числа; гдѣ, безпріютны,
 Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
 Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
 Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
 Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
 Чтобы пожирать растенія и звѣрей,
 Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
 Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

схлII. О, суeta! И вотъ вашъ полубогъ—
 Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
 Землей и моремъ, всѣмъ, чѣмъ только могъ,
 Не въ силахъ онъ прожить три дня не ъвиши.
 Но полно! злобный бѣсь меня завель
 Въ такие толки. Вѣкъ напѣ—вѣкъ безбожный;
 Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный,
 Мои слова прославить, и тогда
 Нельзя креститься будеть безъ стыда;
 И поневолѣ станешь лицемѣрить,
 Смѣясь надъ тѣмъ, чemu желалъ бы вѣрить.

схлIII. Блаженъ, кто вѣрить счастю и любви,
 Блаженъ, кто вѣрить небу и пророкамъ,—
 Онъ долголѣтенъ будеть на земли,
 И для сыновъ останется урокомъ!
 Блаженъ, кто думы гордяя свои
 Умѣль смириТЬ предъ гордою толпою,
 И кто грѣховъ тяжелою цѣною
 Не покупаль пурпурныхъ усть и глазъ,
 Живыхъ какъ жизнь, и свѣтлыхъ какъ алмазъ!
 Блаженъ, кто не склоняль чела младаго,
 Какъ бѣдный рабъ, предъ идоломъ другаго!

схлIV. Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
 Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленої
 Играющихъ и шепчущихъ листовъ,
 Подъ кровомъ скаль, откуда ключъ студеный
 По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
 Струей гремучей прыгаеть, сверкая,
 И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
 Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
 Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
 Трешитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
 Отвсюду смотрить черными очами!

- сxlv. Блажень, кто посреди нагихъ степей
 Межъ дикими воспитанъ табунами;
 Кто пріученъ былъ на хребтъ коней,
 Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
 Златыя облака, отъ раннихъ дней
 Носиться; кто, главой припавъ на гриву,
 Леталъ, подобно сумрачному Диву,
 Черезъ пустыню, чувствовалъ, считаль,
 Какъ мѣрно конь о землю ударяль
 Копытомъ звучнымъ, и впередъ землею
 Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.
- сxlvı. Блажень!.. Его душа всегда полна
 Поэзіей природы, звуковъ чистыхъ;
 Онъ не успѣеть вычерпать до дна
 Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
 Не выглянетъ до время сѣдина;
 Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
 Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой,
 И въ тридцать лѣтъ не кинеть край родной
 Съ больною грудью и больної душой,
 И не рѣшится отъ одной лишь скучки
 Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—
- сxlvii. Или, трудясь, какъ глупая овца,
 Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
 Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,
 Исскать чиновъ, мириясь съ людскимъ презрѣніемъ,
 И поклоняться нѣмцамъ до конца...
 И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?
 Не тѣмъ-ли, что куда его судьбина
 Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдеть
 Отчизну и картофель?.. Вотъ народъ!
 И безъ таланта править, и за деньги служить,
 Всѣхъ давить самъ, а бывать его—не тужить!
- сxlviii. Вотъ племя! всякий чортъ у нихъ баронъ!
 И ужъ профессоръ—каждый ихъ сапожникъ!
 И смѣло здѣсь и вслухъ глаголеть онъ,
 Какъ Пиѳія, возсѣвъ на свой треножникъ!
 Кричить, шумитъ... Но что-жъ?—Онъ не рожденъ
 Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
 Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
 Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
 Гдѣ-бы могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
 Которые, съ ихъ грозными дѣлами,

Унесены забв'я волнами...

cxlvi. Кто недоволень выходкою моей,

Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
Съ листомъ въ рукахъ, съ аравою друзей,
И, вѣруя ихъ опытному вздору,
Печатаетъ анаему, злодѣй!..
Я кончилъ... Такъ! дописана страница...
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали,
И вдругъ съ пера Богъ знаетъ какъ упали!..

ГЛАВА II.

i. Я не хочу, какъ многіе изъ нась,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Ловлю прыгунью риѣму, и, потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея;
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѣма: *гадость*, кромѣ риѣмы *радость*!

ii. Давно когда-то, за Москвой-рѣкою,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный; жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живеть съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣшены, какъ инеемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ; и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

iii. Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Искрченный; но часть ихъ не пришель,—
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользить по нимъ играющій Эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ

Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣть:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

- iv. Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоценной?
Нѣть, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ,
И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ,
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался какъ комета,
Сталь говорить съ насмѣшкой голось свѣта.

- v. И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладной.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи, и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли;—и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ-ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

- vi. И образы языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежать въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ, и глядять сурово;
И мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ усть ихъ излетить—увы!
О, если-бъ этотъ домъ зновали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если-бъ время было въ нашей волѣ!..

- vii. Бывало только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя
Отражены зеркальною волной;
Бывало только прачка молодая

Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

- viii. И каждый день идеть въ пемъ пиръ горой.
Смѣются гости и бренчать стаканы,
Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
Клокочеть и шипитъ аи румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣть,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый минутъ
Рисуется вамъ; шопотъ удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясненья...

- ix. О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала.

КАЗНАЧЕЙША.

(1836 г.).

Играй, да не отыгryvайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ,
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ.
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку!
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть-можетъ, вы
Склоненъемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдалъ,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ,
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

- I. Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;

Онъ прежде городъ быль опальный,
Теперь же, право, хоть куда:
Тамъ есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовая;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;

Короче, славный городокъ!

- II. Но скуча, скуча, Боже правый,
Гостить и тамъ, какъ надъ Невой,
Поить васъ прѣсною отравой
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣть средства отъ глупцовъ
И музикальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы—просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтуть,
И васъ осудять, проклянутъ.
- III. Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать;
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! такие хваты!..
Полковникъ, вѣрно, неженатый;
А ужъ бригадный генераль
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ свернули взоры;
За то, несносные скучны,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры—
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.
- IV. И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана

Едва проглядывает Цла,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотить Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,

Уланы, справа по шести,
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ *Двухъ Слыщихъ*.

v. Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура! Катерина!
«Скорѣ тюфли и платокъ!
«Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
«Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сунномъ,—
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

vi. «Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!»—Гдѣ? майоръ?—«О, нѣть!
Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!
Да жаль—онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь-ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ,
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

vii. Противъ гостиницы Московской,
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.

Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ.
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ;
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,—
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ,—
Невинной роскоши уборъ.

- VIII. Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ иучинахъ сумрачныхъ расчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ);
Любилъ нальво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Руторкой понтирунуть со славой—
И талью скверную порой
Запить цимлянского струей.
- IX. Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сыновъ.
Его краплённыя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, отъ стыда.
- X. Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругъ кладъ.
Ее пѣнилъ онъ тысячу во сто,

Хотя держаль довольно просто
 И не выписывалъ чепцовъ
 Ей изъ столичныхъ городовъ.
 Предавъ ей таинства науки,
 Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
 Чтобы легче влюбчивый понтеръ
 Не разглядѣлъ проворной штуки,
 Межъ тѣмъ догадливый старикъ
 Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

xi. И впрямь, Авдотья Николавна
 Была прелакомый кусокъ.
 Идетъ, бывало, гордо, плавно—
 Чуть тронеть землю башмачекъ;
 Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
 Такой высокой, полной груди;
 Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна,
 Что жилка каждая видна.
 Казалось, для нѣжной страсти
 Она родилась. А глаза...
 Ну, что такое бирюза?
 Что небо? Впрочемъ, я отчасти
 Поклонникъ голубыхъ очей—
 И не гожусь въ число судей.

xii. А этотъ носикъ! эти губки—
 Два свѣжихъ розовыхъ листка!
 А перламутровые зубки,
 А голосъ сладкій какъ мечта!
 Она картавя говорила
 Нечисто *p* произносила;
 Но этотъ маленький порокъ
 Кто извинить бы въ ней не могъ!
 Любиль трепать ея ланиты,
 Разнѣжась, старый казначей.
 Какъ жаль, что не было дѣтей
 У нихъ!

xiii. Для большей ясности романа
 Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
 Что страстно влюблена въ улана
 Была одна ея сестра.
 Она, какъ должно, тайну эту
 Открыла Дунѣ по секрету.

Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чёмъ тутъ, Боже справедливый,
Не судять милыхъ уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ не лживый,—
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышаль я слова...

xiv. Итакъ тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы

.

Что-жъ? знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый,
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ),
Въ трактирѣ нумеръ занималь
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
Штабсъ-ротмистръ, строенъ какъ корнетъ;
Взоръ пылкій, усы довольно черный:
Короче,—идеаль дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

xv. Онъ все отцовское имѣніе
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ порь дарами провидѣнья,
Какъ итица Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣдать,
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ,
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полуульяннымъ ремонтёромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаемъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

xvi. Страстями земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда.

.

Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшить надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной,

Иль неподдѣльной остротой.
 Шутя, однажды, послѣ спора,
 Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
 Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
 Иль сталъ душою заговора;
 Порой незлобенъ какъ дитя,
 Быть добръ и честенъ,—но шутя.

- xvii. Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
 У насъ привыкли называть;
 Онъ не ходилъ тропой избитой,
 Свой путь умѣя пролагать,—
 Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
 Не становился на колѣни.
 А не смотря на то, друзья,
 Счастливѣи былъ, чѣмъ вы и я.
- * * *

Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ,
 По крайней мѣрѣ мой портретъ
 Быть схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

- xviii. Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
 Онъ у трактирщика узнать;
 Узналъ не мало онъ смѣшнова—
 Интригъ секретныхъ шесть иль пять,
 Узналъ, невѣсты какъ богаты,
 Гдѣ свахи водятся, иль сваты,
 Но занялъ болѣе всего
 Мысль беспокойную его
 Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
 «Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
 «Такой безжизненный болванъ
 Имѣеть право въ этой клѣткѣ
 Тебя стеречь; и я, злодѣй,
 Не тронусь участью твоей?»

- xix. Къ окну посыпино онъ садится,
 Надѣвъ персидскій архалукъ,
 Въ устахъ его едва дымится
 Узорный, бисерный чубукъ;
 На кудри мягkie надѣта
 Ермолка вишневаго цвѣта
 Съ каймой и кистью золотой—
 Дарь молдаванки молодой.

Сидить и смотрить онъ прилежно...
 Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
 Обрисовался на стеклѣ
 Головки милой профиль нѣжный;
 Вотъ будто стукнуло окно...
 Вотъ отворяется оно.

xx. Еще безмолвенье городъ сонный;
 На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
 Еще по улицѣ мощеной
 Не раздается стукъ каретъ...
 Что-жъ казначейшу молодую
 Такъ рано подняло? Какую
 Назвать причину повѣрнѣй?
 Ужъ не безсонница-ль у неї?..
 На ручку опершись головкой,
 Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
 Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
 Заняться этимъ намъ неловко...
 И если правду ужъ сказать,
 Ну, кстати-ль было-бы ей вязать?

xxi. Сначала взоръ ея прелестный
 Бродилъ по синимъ небесамъ,
 Потомъ склонился къ поднебесной,
 И вдругъ... какой позоръ и срамъ!
 Напротивъ, у окна трактира,
 Сидѣтъ мужчина—безъ мундира.
 Скорѣй, штабсъ-ротмистръ! вашъ сюртукъ!
 И подѣломъ... окошко стукъ...
 И скрылось милое видѣнье.
 Конечно, добрые друзья,
 Такая грустная статья
 На васъ навѣяла бѣ смущеніе;
 Но я отдамъ улану честь,—
 Онъ, молвилъ: «что жъ? начало есть».

xxii. Два дня окно не отворялось;
 Онъ терпѣливъ. На третій день
 На стеклахъ снова показалась
 Ея плѣнительная тѣнь;
 Тихонько рама заскрипѣла;
 Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
 Но опытный замѣтилъ взглядъ
 Ея заботливый нарядъ.
 Своей удачею довольный,

Онъ всталъ и вышелъ со двора—
И не вернулся до утра.

Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII. Но эта маленькая ссора
Имѣла участіе нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завѣлся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви, языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный!
Кому, кто разъ хотѣлъ любимъ,
Не сталъ ты языккомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненія
Кому хотѣлъ разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ усть, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденъ,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV. Скажу короче: въ дѣйни
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пить съ мужемъ чай, идетъ гулять.
Отправится ль она къ обѣдни,—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдний:
Къ сырой колоннѣ прислоняясь,
Стоитъ все время не крестясь.
Лучемъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV. Давно разрѣшено сомнѣніе,
Что любопытенъ нѣжный поль
Уланъ большое впечатлѣніе
На казначейшу произвелъ
Свою страннотью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

- xxvi. Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой:—
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой.»
Разъ входить, кланяясь пренизко.
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣль-сь;
Самъ не приѣхалъ: много дѣль-сь;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовывать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать.»
—Ступай, скажи, что я приѣду.—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдь.

- xxvii. Амфитріонъ былъ предводитель,—
И въ день рожденія жены.
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,—
Но праздникъ въ томъ не потерялъ.
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

- xxviii. Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столь
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ.
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительного звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушить

Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

- xxix. Родовъ обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремять, какъ прежде, трубачи.
О, скоро-ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро-ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,—
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ у лѣска
Бросаеть лучъ исподтишка?
- xxx. Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой,
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ—не знаю, какъ случилось,—
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Туть началися извиненья,
И завязался разговоръ;
Два комплиманта, нѣжный взоръ—
И ужъ дошло до изъясненъя...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша—не примѣръ.
- xxxi. Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить.—
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить—способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tѣte-à-tѣte
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!

- xxxii. Вобщѣ, я могъ въ году послѣднемъ
 Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
 Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
 И мистицизму. Бойтесь ихъ!
 Такая мудрая супруга
 Въ часы любовнаго досуга
 Вамъ вдругъ захочеть доказать,
 Что 2 и 3 совсѣмъ не пять;
 Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
 Магнетизировать начнетъ,—
 И счастливъ мужъ, коли заснетъ!..
 Плоды подобныхъ замѣчаній
 Конечно бѣ могъ не вѣдать міръ;
 Но польза, польза—мой кумиръ.
- xxxiii. Я балъ описывать не стану,
 Хоть это былъ блестящій балъ.
 Весь вечеръ моему улану
 Амуръ прилежно помогалъ.
 Увы!
 Не вѣрють Амуру нынѣ:
 Забыть любви волшебный царь,
 Давно остылъ его алтарь!
 Но за столичнымъ просвѣщенемъ
 Провинціалы не спѣшатъ...
- xxxiv. И сердце Дуни покорилось;
 Его сковалъ могучій взоръ...
 Ей дома цѣлу ночь все снилось
 Бряцанье сабли или шпоръ.
 Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
 Садится въ плафорѣ измятомъ
 Она за вѣчную канву,—
 Все тотъ же сонъ и наяву.
 По службѣ занять мужъ ревнивый,
 Она одна—разгуль мечтамъ!
 Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
 Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..»
 Вотъ чай-то шагъ.—и передъ ней
 Явился... только не Андрей.

- xxxv. Вы отгадаете, конечно,
 Кто этот гость нежданый быль.
 Немного, можетъ-быть, поспѣшилъ
 Любовникъ смѣлый поступилъ;
 Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣніе
 Его минувшее терпѣніе,
 И разсудивъ, легко поймешь,
 Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
 Кивнувъ легонько головою.
 Онъ къ Дунѣ молча подошелъ
 И на лицо ея навелъ
 Взоръ, отуманенный тоскою;
 Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
 Вздохнулъ, и началъ говорить:
- xxxvi. «Я вижу, вы меня не ждали,—
 Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
 Ахъ! вы еще не испытали,
 Чѣмъ въ страсти значить день, что часъ!
 Среди сердечнаго волненія
 Нѣть силъ, нѣть власти, нѣть терпѣнія.
 Я здѣсь—на все рѣшился я...
 Тебѣ я преданъ... ты мой!
 Ни мелочные толки свѣта,
 Ничто, ничто не страшно мнѣ;
 Презрѣніе свѣтской болтовни—
 Иль я умру отъ пистолета...
 О, не пугайся, не дрожи!
 Вѣдь я любимъ?—скажи, скажи!...»
- xxxvii. И взоръ его притворно-скромный,
 Склоняясь къ ней, то угасалъ,
 То, разгораясь страстью томной,
 Огнемъ сверкающимъ пыпалъ,
 Блѣдна, въ смущеньи оставалась
 Она предъ нимъ... Ему казалось,
 Что чрезъ минуту для него
 Любви наступить торжество...
 Какъ вдругъ внезапный и невольный
 Стыдъ овладѣлъ ея душой,
 И, вспыхнувъ вся, она рукой
 Толкнула прочь его: «довольно!
 Молчите, слышать не хочу!
 Оставите-ль?—я закричу!»
- xxxviii. Онъ смотрѣть: это не притворство,

Не штуки,—какъ ни говори,
 А просто женское упорство,
 Капризы—чортъ ихъ побери!
 И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
 Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
 И молить жалобно... Какъ вдругъ
 Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
 Красотка «ахъ!» Они взглянули
 Другъ другу сумрачно въ глаза,—
 Но молча разнеслась гроза,
 И Гаринъ вышелъ; дома пули
 И пистолеты снарядилъ.
 Присѣль, и трубку закурилъ.

- XXXIX. И черезъ часъ ему приносить
 Записку грязную лакей.
 Что это? чудо! Нынче просить,
 Къ себѣ на вистикъ казначей:
 Онъ именинникъ—будутъ гости...
 Отъ удивленія и злости
 Чуть не задохся напть герой.
 Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
 Весь день проводить онъ въ волненіи.
 Насталь и вечеръ наконецъ.
 Глядить въ окно: каковъ хитрецъ!—
 Домъ полонъ, что за освѣщенье!
 А все—засунуть или нѣть
 Въ карманъ, на случай, пистолетъ?
- XL. Онъ входить въ домъ. Его встрѣчаетъ
 Она сама, потуя взоръ;
 Вздохъ полновѣсный прерываетъ
 Едва начатый разговоръ.
 О спенѣ утренней ни слова,
 Они другъ другу чужды снова.
 Онъ о погодѣ говорить;
 Она «да-сь», «нѣть-сь»—и замолчитъ.
 Измученъ тайною досадой,
 Идеть онъ дальше въ кабинетъ...
 Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣть,
 Притомъ спѣшить нигдѣ не надо:
 Итакъ, позвольте отдохнуть.
 А тамъ докончимъ какъ-нибудь.
- XLI. И жить спѣшилъ въ былые годы,
 Искаль волненій и тревогъ;

Законы мудрые природы
 Я безразсудно пренебрегъ.
 Что-жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
 Сковала душу мнѣ усталость,
 А сожалѣніе день и ночь
 Твердить о прошломъ; чѣмъ помочь?—
 Назадъ не возвратить усилия.
 Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
 Глядя на горы и на долъ,
 Напрасно не подъемлетъ крылья,
 Кровавой пипи не клюетъ,
 Сидѣть, молчать и смерти ждетъ.

XLII. Ужель исчезъ ты, возрастъ милый,
 Когда все сердцу говорить,
 И бѣется сердце съ дивной силой,
 И мысль восторгами кипитъ?
 Не все-жъ томиться бесполезно
 Орлу за клѣткою желѣзной:
 Онъ свой воздушный прежній путь
 Еще найдеть когда-нибудь
 Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
 Одѣты темные скалы,
 Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
 Гдѣ тучи бродятъ караваномъ.
 Тамъ можно крылья развернуть
 На вольный и роскошный путь.

XLIII. Но есть всему конецъ на свѣтѣ—
 И даже выспренимъ мечтамъ;
 Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
 О, чудеса! хозяинъ самъ
 Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ,
 Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
 Несетъ шампанскаго стаканъ.
 «Іуда!» мыслить мой уланъ...
 Толпа гостей тѣснилась шумно
 Вокругъ зеленаго стола;
 Игра ужъ дѣльная была,
 И банкъ притомъ благоразумный;
 Его держалъ самъ казначей
 Для облегченія друзей.

XLIV. И такъ какъ господинъ Бобковскій
 Великимъ дѣломъ занять самъ,
 То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій

Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ,—господинъ совѣтникъ,
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,

· · · · ·

А вотъ уѣздный предводитель,—
Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пять,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ.
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ,—но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV. Вотъ въ полуфрачкѣ, раздущоный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ,
Нетѣсаный, недоученый,
А ужъ безиравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велять,—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... Но довольно,
Читатель милый,—будеть съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестриль.

XLVI. Пошла игра. Одинъ блѣдиѣя
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до-тла;
Въ ушахъ его *дана, взяла*
Такъ и звучали. Онъ взбѣсался—
И проигралъ свой старый домъ
И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII. Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женинны сережки,
Короче—все, все до-чиста.

Отчаянья и злости полный,
Сидѣль онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за- полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣть утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,—
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья просить у гостей.

- XLVIII.** И просить важно позволенья
Лиши талю прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобы отыграть имѣнье,
Иль «проиграть ужъ и жену».
О страхъ! о ужасъ! о злодѣйство!
И какъ донинѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ»,
Онъ говорить: «пускай шумятъ,
Мы кончимъ дѣло полюбовно...
Но только чуръ не плутовать,—
Иначе—вамъ не сдобровать!»

- XLIX.** Теперь кружокъ понтёровъ праздныкъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя;
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой... Вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ вдалекѣ
Жену на креслахъ въ уголкѣ.

- I.** Что въ ней тогда происходило,
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много муки, что, можетъ-быть,
Когда-бы вы ихъ разгадали,

Вы поневолѣ-бъ зарыдали.
 Но пусть участія слеза
 Не отуманить вамъ глаза:
 Смѣшино участье въ человѣкѣ,
 Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
 Рассказы вымыщленныхъ бѣдъ
 Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
 Не мало проливали слезъ...
 Кто-жъ въ этомъ выигралъ?—вопроſъ.

- лл. Недолго битва продолжалась.
 Уланъ отчаянно игралъ,
 Надъ старикомъ судьба смѣялась,—
 И жребій выпалъ... часъ насталъ...
 Тогда Авдотья Николавна,
 Вставъ съ кресель, медленно и плавно
 Къ столу въ молчаны подошла,—
 Но только цвѣтъ ея чела
 Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
 Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
 Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
 Она на мужа посмотрѣла—
 И бросила ему въ лицо
 Свое вѣнчальное кольцо,
- ллл. И въ обморокъ. Ее въ охапку
 Схвативъ, съ добычей дорогой,
 Забывъ расчеты, саблю, шапку,
 Уланъ отправился домой...
 Поутру вѣстю забавной
 Смущенъ былъ городъ благонравный;
 Недѣлю цѣлую спустя,
 Кто очень важно, кто шутя,
 Объ этомъ всѣ распространялись;
 Старикъ защитниковъ нашолъ,—
 Улана проклялъ милый полъ,—
 За что?—мы, право, не дознались.
 Не зависѣ-ли? Но нѣть, нѣть, нѣть!
 Ухъ! я не выношу клеветъ.
- ллл. И вотъ конецъ печальной были,
 Иль сказки,—выражусь прямѣй.
 Признайтесь, вы меня браили?
 Вы ждали дѣйствія, страстей?
 Повсюду нынче ищутъ драмы.
 Всѣ просятъ крови—даже дамы.

А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ;
Простымъ нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что-жъ дѣлать!.. Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья. Покамѣстъ будеть съ васъ.

Приложение.

ЧЕРКЕСЫ.

(Въ Чембарѣ. За дубомъ).
(1828 г.).

- I. Ужъ въ горахъ солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря блестая угасаетъ,
Вдали гудить протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещеть въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрыи волкъ бѣжитъ чрезъ горы.
Его свирѣпо блещутъ взоры;
Въ тѣни развѣистыхъ дубовъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотники; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣнья.
Все тихо, и въ глухи лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глухи кукушка занываетъ,
И на дуплѣ какъ тѣль сидить
Полночный воронъ, и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутить, сверкаеть
Подаль Терекъ за горой,
Высокой берегъ подмываетъ,
Крутяся, пѣною сѣдой.
- II. Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блестить;
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелить.
На холмахъ маяки блестаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоять,
Ихъ копья острыя блестятъ,
Другъ друга громко окликаютъ.

«Не спить казакъ во тьмѣ ночной;
 «Чеченцы ходять за рѣкой!»
 Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,—
 Взвиласъ! и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана,
 Въ очахъ его смертельный мракъ:
 Ему не зрѣть роднаго Дона,
 Ни милыхъ сердцу, ни семью:
 Онь жизнь окончилъ здѣсь свою.

III. Въ густомъ лѣсу видна поляна,
 Чуть освѣщенная луной;
 Мелькаютъ будто изъ тумана
 Огни на крѣпости большой.
 Вдругъ слышенъ шорохъ за кустами,
 Вѣзжаютъ нѣсколько людей,
 Окинувъ все кругомъ очами;
 Они слѣзаютъ съ лошадей.
 На каждомъ шапка, за плечами
 Ружье заряжено висить,
 Два пистолета, борзы кони,
 По буркѣ на сѣдлѣ лежить.
 Огонь черкесы зажигаютъ,
 И всѣ садятся тутъ кругомъ;
 Привязанные къ деревамъ
 Въ лѣсу кони траву щипаютъ;
 Клубится дымъ, огонь трещитъ,
 Кругомъ поляна вся блеститъ.

IV. Одинъ черкесъ одѣтъ въ кольчугу,
 Изъ серебра его нарядъ,
 Уздени вкругъ него сидѣть;
 Другіе всѣ лежать по лугу.
 Иные чистятъ шашки остры,
 Иль навостряютъ стрѣлы быстры.
 Кругомъ все тихо, все молчатъ,—
 Возсталъ вдругъ князь и говоритъ:
 «Черкесы, мой народъ военный,
 «Готовы будьте всякий часъ
 «На жертву смерти;—смерти славной
 «Не всякъ достоинъ здѣсь изъ васъ.
 «Взгляните: въ крѣпости высокой,
 «Въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидѣть,
 «Въ печали, въ скорби, одинокой;
 «Его спасу, иль мнѣ не жить.

V. «Вчера я спалъ подъ хладной мглой,
 «И вдругъ увидѣлъ будто брата,
 «Что онъ стоялъ передо мной—
 «И мнѣ сказалъ: «минуты трага
 «И я погибъ; спаси меня!»
 «Но призракъ легкій вѣругъ скрылся.
 «Съ сырой земли поднялся я,
 «Его спасти я устремилъ,—
 «И вотъ ишу и ночь и день:
 «И призракъ легкій не являлся

«Съ тѣхъ порь, какъ брата блѣдна тѣнь
 «Меня звала, и я старался
 «Его избавить отъ оковъ;
 «И я на смерть всегда готовъ!
 «Теперь клянуся Магометомъ,
 «Клянусь, клянуся цѣлымъ свѣтомъ!..
 «Насталъ неизбѣжимый часъ:
 «Для русскихъ смерть или мученье,
 «Иль мнѣ взглянуть въ послѣдній разъ
 «На ярко солнца восхожденье».
 Умолкнулъ князь. И всѣ трикратно
 Повторили его слова.—
 «Погибнуть русскимъ невозвратно,
 «Иль съ тѣла свалится глава».

- vi. Востокъ алѣя пламенѣеть,
 И день заботливый свѣтлѣеть;
 Уже въ сelaхъ кричить пѣтухъ;
 Ужъ мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
 Денница, тихо поднимаясь,
 Златить холмы и тихій боръ;
 И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
 Вдругъ показался изъ-за горъ.
 Колосья въ полѣ подъ серпами
 Ложатся желтыми рядами.
 Все утромъ дышеть; вѣтерокъ
 Играетъ въ Терекѣ на волнахъ,
 Вздымааетъ зыблемый песокъ.
 Сводъ неба синій тихъ и чистъ;
 Прохлада съ рѣчки повѣасть,
 Прелестный запахъ юный листъ
 Съ весенней свѣжестью сливаетъ.
 Бездѣ кругомъ сгустился лѣсъ.
 Повсюду тихое молчанье;
 Струей сквозь темный сводъ древесъ
 Прокравшись, дневное сіянье
 Верхи и корни золотить.
 Лишь, вѣтра тихимъ дуновенiemъ
 Сорванъ, листокъ летить, блестить,
 Смущая тишину паденiemъ.
 Но вотъ, примѣтъ свѣтъ дневной,
 Черкесы на коней садятся,
 Быстро стрѣль по лѣсу мчатся,
 Какъ пчель неутомимый рой;
 Сокрылися въ тѣни густой.
- vii. О, если-бъ ты, прекрасный день,
 Гналъ также горесть, страхъ, смятенье.
 Какъ гонишь ты ночную тѣнь
 И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
 Заутренъ въ градѣ дальний звонъ
 По рощѣ вѣтромъ разнесенъ.
 И на горѣ стоять высокой
 Прекрасный градъ; тамъ слышенъ громкой
 Стукъ барабановъ, и войска

Закинувъ ружья на плеча.
 Стоять на площади въ парадѣ;
 Народъ весь въ праздничномъ нарядѣ
 Идетъ изъ церкви; стукъ каретъ,
 Колясокъ, дрожекъ раздается;
 На небѣ стая галокъ вьется;
 Всякъ въ домъ свой завтракать идетъ;
 Тамъ тихо ставни растворяются;
 Тамъ по улицѣ гуляютъ,
 Иль идуть войско посмотретьъ
 Въ большую крѣпость.—Но чернѣть
 Ужъ стали тучи за горами,
 И только яркими лучами
 Блистало солнце съ высоты;
 И вѣтъ бѣжалъ черезъ кусты.

VIII. Ужъ войско хочетъ расходиться
 Въ большую крѣпость на горѣ,—
 Но гоготъ слышенъ въ тишинѣ,
 Вдали густая пыль клубится.
 И видѣть, кто-то на конѣ
 Съ оглядкой боязливой мчится.
 Но вотъ онъ здѣсь ужъ, вотъ слѣзаетъ,
 Къ начальнику онъ подбѣгаешь
 И говорить: «Погибель намъ!
 «Вели готовиться войскамъ:
 «Черкесы мчатся за горами.
 «Насъ было двое, и за нами
 «Они пустились на коняхъ;
 «Меня объяль внезапный страхъ,—
 «Насилу я отъ нихъ умчался,
 «Да конь хорошъ, а то-бѣ попался».

IX. Начальникъ всѣмъ полкамъ велѣлъ
 Сбираться къ бою; зазвенѣлъ
 Набатный колоколъ; толпятся,
 Мятутся, строятся, дѣлятся;
 Вороты крѣпости сперлись.
 Иные вихремъ понеслись
 Остановить черкесскую силу,
 Иль съ славою вкусить могилу.
 И видно зарево кругомъ,
 Черкесы поле покрываютъ,
 Ряды какъ львы перебѣгаютъ;
 Со звономъ сшибся мечъ съ мечемъ,—
 И разомъ храбраго не стало.
 Ядро во мракѣ прожужжало,—
 И цѣлый рядъ безстрашныхъ падъ.
 Но всѣ смѣшились въ дымѣ черномъ.
 Здѣсь бурный конь съ копьемъ воиненнымъ,
 Скочивши на дыбы, заржалъ,
 Сквозь русскіе ряды несется,
 Упалъ на землю, сильно рвется,
 Покрывши всадника собой.
 Повсюду слышенъ стонъ и вой.

- x. Пушекъ громъ вездѣ грохочеть;
 А здѣсь изрубленный герой
 Воззвать къ дружины вѣрной хочетъ,—
 И голось замеръ на устахъ.
 Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
 Бѣжитъ глотая пыль и прахъ;
 Трикратъ сверкнуль мечемъ будатнѣмъ,
 И въ воздухѣ недвижимъ мечъ;
 Звена, падеть кольчуга съ плечъ;
 Копье рамена прободаетъ,
 И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой.
 Несчастный раны зажимаетъ
 Холодной, трепетной рукой;
 Еще ружье свое онъ ищетъ.
 Повсюду стукъ и пули свищутъ.
 Повсюду слышень пушекъ вой;
 Повсюду смерть и ужасъ мешаетъ—
 Въ горахъ, и въ долахъ, и въ лѣсахъ;
 Во градѣ жители трепещутъ;
 И гулъ несется въ небесахъ.
 Иной черкеса поражаетъ,—
 Безплодно мечъ его сверкаетъ;
 Махнулъ еще,—его рука
 Поднята вверхъ окостенѣла;
 Бѣжать хотѣлъ,—его нога
 Дрожитъ недвижима, замѣлла;
 Встаетъ—и паль. Но вотъ несется
 На лошади черкесъ лихой
 Сквозь рядъ штыковъ; онъ сильно рвется
 И держить мечъ надъ головой,
 Онъ съ казакомъ вступаетъ въ бой:
 Ихъ сабли остры ярко блещутъ,
 Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
 Ударъ несется роковой:
 Стрѣла блеститъ, свиститъ, мелькаетъ,
 И въ мигъ казака убиваетъ.
 Но вдругъ толпою окружены,
 Копьями острыми пронженъ,
 Князь самъ отъ раны издыхаетъ;
 Падеть съ коня,—и всѣ бѣгутъ
 И бранно поле оставляютъ.
 Лишь ядра русскія ревутъ
 Надъ ихъ ужасно головой.
 По малу тихнетъ шумный бой.
 Лишь подъ горами пыль клубится.
 Черкесы побѣжденны мчатся,
 Преслѣдоваемы толпой
 Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
 Которыхъ Рейнъ, Лоаръ и Рона
 Видали на своихъ брегахъ;—
 Несуть за ними смерть и страхъ.
- xi. Утихло все; лишь изрѣдка
 Услышишь выстрѣль за горою;

Рѣдко видно казака,
Несущагося прямо къ бою;
И въ станѣ русскомъ ужъ покой.
Спасень и градъ, и надъ рѣкой
Маякъ блестить, и сторожъ бродить,
Въ окружность быстрымъ окомъ смотрить,
И на плечѣ ружье несетъ.
Лишь только слышно: *кто идетъ?*
Лишь громко *слушай* раздается;
Лишь только рѣдко пронесется
Лихой казакъ чрезъ русской станъ.
Лишь рѣдко крикнетъ черный вранъ
Голодной, трупы пожирая;
Лишь изрѣдка мелькнетъ, блестая,
Огонь въ падаткѣ у солдатъ.
И рѣдко чуть блеснетъ булатъ,
Заржавый отъ крови въ сраженьи,
Иль крикнетъ вдругъ въ уединенныи
Близъ стана русскій часовой.
Вездѣ господствуетъ покой.

КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ.

(1828 г.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Въ большомъ аулѣ подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидять.—О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчъ, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селаахъ,
И съ ними какъ драли казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ, віясь, летить надъ ними...
Иль, стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся;
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II. Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ: но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль;
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутить,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ,
И пѣной зыбкой орошасть
Высокій берегъ. Лѣсь молчитъ.
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,

Или коней табунъ игривый
Молчанье доля возмутить.

III. Лежаль коверъ цвѣтовъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкаль потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались;
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія;
И къ волосамъ своимъ густымъ
Цвѣты весеніе вплетали;
Глядѣлися въ зерцало водъ,—
И лица ихъ въ немъ трепетали;
Сплетаясь въ тихой хороводѣ,
Восточны пѣсни напѣвали;
И близъ аула, подъ горой,
Сидѣли рѣзвою толпой.
И звуки пѣсни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV. Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стадъ
И ржанье табуновъ веселыхъ,—
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то пѣвищи младые!
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глухи лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучная стада,
Воспоминая то, что было
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ смутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужъ видѣть гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однѣхъ слезахъ, въ одномъ страданы
Отраду зрять они свою.

V. Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край. Они душой
Тонули въ думѣ роковой.

Но пыль взвивалась надъ холмами
 Отъ стадъ и борзыхъ табуновъ;
 Они усгалыми шагами
 Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
 Не раздавался вкругъ аула,
 Природа шумная уснула;
 Лишь слышенье дѣвъ издалека
 Напѣвъ унылый. Вторять горы,
 И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
 Какъ шумъ привѣтный ручейка:

ПѢСНЯ.

Какъ сильной грозою
 Сосну вдругъ согнеть,
 Пронженній стрѣлою
 Какъ левъ зареветь:
 Такъ русскій средь бою
 Предъ нашимъ падеть,
 И смѣлой рукою
 Чеченецъ возьметъ
 Броню золотую
 И саблю стальную,
 И въ горы уйдетъ.
 Ни конь, оживленный
 Военной трубой,
 Ни варваръ, смятенный
 Внезапной борьбой,
 Страшный не трепещетъ,
 Когда вдругъ заблещетъ
 Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
 Печальной пѣснѣ сей для нихъ,
 И сердце въ грусти страшно ныло...
 Ведутъ черкесы къ сакѣ ихъ
 И, привязавши у забора,
 Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
 Но не смыкается сонъ ихъ взора,
 Не могутъ горесть дня забыть...

Лѣтъ мѣсяцъ томное сіянье.
 Черкесы храбрые не спятъ.—
 У нихъ шумливо собранье:
 На русскихъ нападать хотять.
 Вокругъ осѣдланные кони,
 Серебряная блещутъ брони;
 На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ,
 И шапка на ремняхъ наборныхъ,
 Два пистолета и арканъ,
 Ружье: и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
 Къ набѣгу старъ и младъ готовъ,
 И слышенъ топотъ табуновъ.
 Вдругъ пыль взвилася надъ горами,
 И слышенъ стукъ издалека;
 Черкесы смотрятъ: межъ кустами

Гирел видло, ъздока!

- vii. Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучий
Младова плѣнника собой.
Гирей приблизился. Веревкой
Былъ связанъ русской, чуть живой;
Черкесъ спрыгнулъ, рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ. Но онъ
Лежалъ на камнѣ,—смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...

Черкесы скачутъ ужъ—какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бѣть полночный часъ.

- viii. Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младова русскаго спасли;
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь...

И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горблъ въ щекахъ. Онъ чуть дышалъ,
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протягтись на травѣ лежалъ.

- ix. Ужъ полдень, прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сиялъ въ обычной красотѣ.
Сливалися съ протяжнымъ гуломъ
Стадовъ черкесскихъ по полямъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обложенъ степнями горъ
Распахнѣлъ узорчатый коверъ;
Тамъ подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованый цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ склонясь къ младой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водою старались оживить.
(Но ахъ! утраченного счастья
Никто не могъ ужъ возвратить...)

Вотъ онъ вздохнувши приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянулъ, затрепеталъ...
Онъ съ незабытыми друзьями!

Онъ вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпями...
Ужасный звукъ все, все сказалъ!!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакаль и рыдалъ.

- x. Счастливъ еще: его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и страдать.
Но кто сего ужъ утѣшенья
Лишенъ въ сей жизни слезъ и бѣдъ,
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишенъ того, чѣмъ сердце лъстило,
Чѣмъ счастье издали манило
(И если годы унесли
Пору цвѣтовъ) искать какъ прежде
Минутной радости въ надеждѣ,—
Пусть не живеть тотъ на землѣ.

- xi. Такъ плѣнникъ мой съ родной страною
Почти навѣкъ прости сказалъ!
Терзался прошлую мечтою,
Ея мѣста воспоминаль:
Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданье,
Гдѣ онъ, несчастный, погубиль
Святая сердца упованья...

- xii. Онъ слышалъ слово: *навсегда!*
И, обреченный тяжкой долѣ,
Почти дружилъ онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пасъ черкесскія стада;
Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой снѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины;
Хотя цѣпями скованъ быль,
Но часто къ Тереку ходилъ.
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подошвы скаль угрюмыхъ роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ казаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копья боевые.
Ахъ, какъ желалъ бы тамъ онъ быть!
Но цѣпь мѣшала переплыть.

- xiii. Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ городомъ

Ходили табуны. Лежали
 Въ тѣни другіе пастухи,
 Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки.
 Въ которой жажду утоляли...
 И тамъ-то пѣнникъ мой глядить,
 Какъ иногда орель летить,
 По вѣтру крылья простираеть,
 И, видя жертвы межъ кустовъ,
 Когтими хватаетъ вдругъ и вновь
 Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
 «Такъ!—думаль онъ:—я жертва та,
 Котора въ пищу имъ взята».

xiv. Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
 Иль синей степью, по горамъ,
 Сайгаки съ быстрыми ногами
 По камнямъ острымъ, по кремнямъ,
 Летятъ, стремнины презирая...
 Иль какъ олень и лань младая,
 Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
 Со скаль, не шевелясь, внимаютъ—
 И вдругъ внезапно исчезаютъ,
 Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

xv. Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
 Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою.
 Остановились. Лошадей
 Толкаютъ смѣлою ногою...
 И вдругъ, припавъ къ лукѣ своей,
 Близъ береговъ они мелькаютъ,
 Сремять—и, снова поскакавъ,
 Съ утеса падаютъ стремглавъ
 И шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
 Потомъ плывутъ, и достигаютъ
 Уже противныхъ береговъ;
 Они ужъ тамъ, и въ тѣмъ лѣсовъ
 Себя отъ казаковъ скрываютъ...
 Куда глядите казаки?
 Смотрите, волны у рѣки
 Сѣдою пѣной забѣлѣли!
 Смотрите, враны на дубахъ
 Вострепенулись, улетѣли,
 Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!
 Черкесы путника арканомъ
 Въ свои ущелья завлекутъ
 И, скрытые ночнымъ туманомъ,
 Оковы, смерть вамъ нанесутъ.

xvi. И часто, отгоняя сонъ,
 Въ глухую полночь смотрить онъ,
 Какъ иногда черкесь чрезъ Терекъ
 Плыть на вѣрномъ тулуку.
 Бушуютъ волны на рѣкѣ,
 Въ туманѣ виденъ дальний берегъ.
 На нѣй предъ нимъ висятъ кругомъ
 Его оружія стальныя:

Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевые;
 И шашка острая, ремнемъ
 Привязана, звенить на немъ.
 Какъ точка въ волнахъ онъ мелькаетъ—
 То виденъ вдругъ, то исчезаетъ...
 Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ:
 Бѣда беспечнымъ казакамъ!
 Не зреТЬ ужъ имъ роднаго Дона,
 Не слышать колоколовъ звона!
 Уже чеченецъ подъ горой,
 Желѣзная кольчуга блещеть;
 Ужъ лукъ звенить, стрѣла трепещеть,
 Ударъ несется роковой...
 Казакъ! казакъ! увы, несчастный!
 Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
 Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
 Его такъ быстро не сразилъ?..

xvii. Такъ плѣнникъ бѣдной мой уныло,
 Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
 Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
 Когда-жъ полночное свѣтило
 Восходитъ, близъ забора онъ
 Лежитъ въ аулѣ. Тихій сонъ
 Лишь рѣдко очи закрываетъ.
 Съ товарищами вспоминаетъ
 О милой той родной странѣ,
 Грустить, но больше чѣмъ онъ...
 Оставилъ тамъ залогъ прелестный,
 Свободу, счастье, что любилъ,
 Пустился онъ въ край неизвѣстный,
 И... все въ kraю томъ погубилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

xviii. Однажды, погружась въ мечтанье,
 Сидѣлъ онъ позднею порой.
 На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
 Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
 Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный,
 Лежалъ на зелени холмовъ;
 И тѣни шаткія деревъ,
 Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
 Черкесской сакли прилегли.
 Въ ней огонекъ уже зажгли:
 Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной
 Чуть освѣщаль большой заборъ...
 Все спить: холмы, рѣка и боръ.

xix. Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
 Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
 Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
 Все ближе, ближе, черезъ ровъ
 Идетъ бредучею стопою?..
 Вдругъ видить онъ передъ собою:
 Съ улыбкой жалости нѣмой
 Стоить черкешенка младая!

Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣна преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенної;
Но пишу принялъ русскій плѣнныи
И знакомъ ей благодариль...

- xx. И долго, долго какъ нѣмая
Стояла дѣва молодая,
И взглядъ какъ будто говорилъ:
«Разсѣй себя, невольникъ милый,
Еще не все ты погубилъ».
И вадохъ не тяжкій, но унылый
Въ груди раздался молодой;
Потомъ чрезъ валъ она кругой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой;
И только дѣвы покрывало
Еще очамъ вдали мелькало.
И долго, долго плѣнникъ мой
Смотрѣлъ ей вслѣдъ. «Она скрылась,—
Подумалъ онъ:—но почему
Она къ несчастью моему
Съ такою жалостью склонилась?»
Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
Уснуль за часъ лишь предъ зарей.

- xxi. Четверту ночь къ нему ходила
Она и пишу приносила;
Но плѣнникъ часто все молчаль,
Словамъ печальнымъ не внималь;
Ахъ! сердце полное волненій
Чуждалось новыхъ впечатлѣній:
Онъ не хотѣлъ ее любить.
И что за радости въ чужбинѣ,
Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
Не могъ онъ прежнее забыть...
Хотѣлъ онъ благодарныи быть,—
Но сердце жаркое терялось
Въ его страданіи нѣмомъ
И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
Безъ отолоска поглощалось!..
Оно и въ шумѣ, и въ тиши
Тревожитъ сонъ его души.

- xxii. Всегда онъ, съ думою унылой,
Въ ея блистающихъ очахъ
Встрѣчаетъ образъ вѣчно милой;
Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
Знакомые онъ слышитъ звуки,
И къ призраку стремятся руки...
Онъ вспомнилъ все—ее зоветъ...
Но вдругъ очнулся. Ахъ, несчастный!
Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной;

Ужъ жизнь его не расцвѣтеть.
Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаеть,
Какъ цвѣть прекрасный на зарѣ;
Какъ пламень юный потухаетъ
На освѣщенномъ алтарѣ!

xxiii. Не понялъ онъ ея стремленья,
Ея печали и волненья;
Не думалъ онъ, чтобы она
Изъ жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думалъ также, чтобъ любовь
Точила сердце въ ней и кровь.—
И въ страшномъ былъ недоумѣны.
Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...
Настала ночь ужъ роковая;
И, сонъ отъ очей отгоняя,
Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежаль.—

xxiv. Поднялся вѣтеръ той порою,
Качаль во мракѣ дерева,
И свистъ его подобенъ вою,
Какъ вость полночью сова;
Сквозь листья дождикъ пробирался,
Вдали на тучахъ громъ катался;
Блистая, молнія струей
Пещеру темну озаряла,
Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежаль.
Онъ весь промокъ и весь дрожалъ...

Гроза по-малу утихала,
Лишь капала вода съ деревъ;
Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
Струею мутною бѣжали
И въ Терекъ съ брызгами впадали.
Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣть...
И тучи врознь ужъ разбѣгаются.
И кой-гдѣ звѣздочки мелькаютъ,—
Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

xxv. И вотъ надъ нимъ луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И въ верхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пелепой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой.
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой.
Зачѣмъ же ей кинжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?..
Ахъ, нѣть! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышеній,
Къ пещерѣ подошла она;

И голосъ раздался извѣстный...
 Очнулся плѣнникъ какъ отъ сна,
 И въ глубинѣ пещеры темной
 Садятся... Долго они тамъ
 Не смѣли воли дать словамъ...
 Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
 Къ нему, вздохнувші, подошла
 И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
 Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
 Слова печальны начала:

xxvi. «Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
 Пото ты съ жалостью нѣмою
 Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
 На мой отчаянныи призывъ?
 Еще имѣшь въ свѣтѣ друга,
 Еще невѣсты не терялъ...
 Готова я часы досуга
 Съ тобой бѣлить; по ты сказалъ,
 Что любишь, русскій, ты другую?
 Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
 И вотъ обѣ чѣмъ и ночь, и день
 Я плачу, вотъ обѣ чѣмъ тоскую!..
 Забудь ее! готова я
 Съ тобой бѣжать на край вселенной!
 Забудь ее, люби меня
 Твоей подругой неизмѣнной...»
 Но плѣнникъ сердца своего
 Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой,
 И слезы дѣвы черноокой
 Души не трогали его...
 «Такъ, русскій, ты спасенъ! Но прежде
 Скажи мнѣ: жить иль умереть?
 Скажи, забыть-ли о надеждѣ,
 Иль слезы эти утереть?»

xxvii. Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
 Его прелестные глаза,
 И слезы крупныя мелькнули
 На нихъ, какъ свѣтлая роса...
 «Ахъ, нѣть! оставь восторгъ свой нѣжной,
 Спасти меня не лѣстись надеждой:
 Мнѣ будеть гробомъ эта степь!
 Не на останкахъ славныхъ бранныхъ,
 Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавить тѣгостная цѣпь!»
 Онъ замолчалъ. Она рыдала,
 Но ободрилась, тихо встала,
 Взяла пилу одной рукой,
 Кинжалъ другою подавала.
 И вотъ подъ острою пилой
 Скрипить желѣзо; распадаетъ,
 Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
 Она его приподымаетъ,
 И такъ, рыдая, говорить:

- xxviii. «Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости навѣкъ!.. Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!.. вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть-можеть, ужь могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть-можеть... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!..»
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжить одна слеза!
И только рвутся вопли муки...
Она береть его за руки
И въ поле темное спѣшить,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.
- xxix. Идуть, идуть, остановились;
Вздохнувъ, назадъ оборотились.
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣль—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блестая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
Безъ чувства падаетъ она;
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ, въ одинъ мигъ
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.
- xxx. Но очи русскаго смыкаетъ
Ужъ смерть холодною рукой,—
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...
И онъ ужъ тамъ—и кровь рѣкой
Застыла въ жилахъ охладившихъ.
Въ его рукахъ оѣпенѣвшихъ
Еще кинжалъ, блестя, лежитъ:
Въ его всѣхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
Навѣки жизнь ужъ не горитъ,
Навѣки радость не блеститъ.
- xxxi. Межъ тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной,
Выходитъ изъ глухи деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоить... безъ словъ,
Ногою гордой попираеть
Убитаго. Увидѣлъ онъ,
Что тщетно потерялъ патронъ,
И вновь чрезъ горы убѣгаеть.
- xxxii. Но вотъ она очнулась вдругъ,
И ищетъ плѣнника очами...
Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?

Его ужъ нѣть. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать.
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумной,
Свистя, покровъ ея клубиль...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну,—за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

xxxiii. Она ужъ къ Тереку подходитъ.
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводить,
Ужасной грустю полна?
И долго на бѣгущи волны
Она глядѣть, и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тымъ.
Она на каменной скалѣ—
«О, русскій, русскій!» восклицасть...
Плеснули волны при лунѣ,
Объ берегъ брызнули онѣ!..
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплыласть,
Несется по глухимъ волнамъ;
Остатокъ грустный и печальный
Плыть, какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

xxxiv. Но кто убійца ихъ жестокой?
Онъ былъ съ сѣдою бородой.
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глухи лѣсной.
Увы! то былъ отецъ несчастной!
Быть-можеть, онъ ее сгубилъ,
И тотъ свинецъ его опасной
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Не знаетъ онъ,—она сокрылась
И съ ночи той ужъ не явилась.
Черкесь! гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужъ ее не возвратишь...

xxxv. Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ:
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все. Но поздно было!
Отецъ! Убійца ты ее...
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣть. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.

Кто гробъ ся тебѣ укажеть?
 Бѣги, ищи ее вездѣ...
 «Гдѣ дочь моя?» И отзывѣ скажеть:
 «Гдѣ?»

КОРСАРЬ.

(1828 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Друзья, взгляните на меня!
 Я блѣденъ, худъ, потухла радость
 Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
 Моя давно увяла младость,
 Давно, давно нѣть ясныхъ дней,
 Давно нѣть цѣли упованья!
 Исчезло все! одни страданья
 Еще живутъ въ душѣ моей.

Я не видаль своихъ родимыхъ,
 Чужой семьей воскормленъ я.
 Одинъ лишь братъ былъ у меня,
 Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
 Его я старѣ годомъ былъ,
 Но онъ равно меня любилъ;
 Равно мы слезы проливали,
 Когда все спить во тьмѣ ночной,
 Равно мы горе повѣряли
 Другъ другу жаркою душой...
 Намъ очарованное счастье
 Мелькало рѣдко иногда!
 Увы! не зреали мы ненастія,
 Намъ угрожавшаго тогда...

Мой умѣръ братъ! передъ очами
 Еще теперь тотъ страшный часъ,
 Когда въ ногахъ его съ слезами
 Сидѣлъ. Ахъ! я не зреъ ни разъ
 Столъ милой смерти хладной муки:
 Сложивъ крестообразно руки,
 Несчастный тихо угасалъ,
 И блѣдны впалыя ланиты,
 И смертный взоръ, тоской убитый,
 Въ подушкѣ бѣдный скрывалъ.
 Онъ умѣръ! страшнымъ восклицаньемъ
 Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ.
 Но сожалѣнье, не любовь
 Согрѣли жизнь мою и кровь.
 Съ тѣхъ поръ съ обманутой душою
 Ко всѣмъ я недовѣрчивъ сталъ.
 Ахъ! не подъ кровлею родною
 Я былъ тогда—и увядалъ.

Не могъ съ улыбкою смиренія
 Съ тѣхъ поръ я все переносить,
 Насмѣшкіи гордости, презрѣнья;

Я могъ лишь пламеннѣй любить.
 Самимъ собою недоволенъ,
 Желая быть спокоенъ, воленъ,
 Я часто по лѣсамъ бродилъ,
 И только тамъ душою жилъ;
 Глядѣлъ въ раздуміи глубокомъ,
 Когда на деревѣ высокомъ
 Пѣвецъ пезримый напѣвалъ
 Веселье, радость и свободу,
 Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
 Какъ онъ, треща, свисталь и шелкалъ,
 Какъ по лазоревому своду
 На легкихъ крыліяхъ порхалъ.
 И непонятное волненье
 Въ душѣ я сильно ощущалъ.
 Всегда любя уединенъе,
 Возненавида шумный свѣтъ,
 Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
 Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
 Утративъ жизни лучшій дѣять,
 Ожесточился я; угрюмой
 Душа моя смутилась думой...
 Не могши болѣе страдать,
 Я вдругъ рѣшился убѣжать.

Настала ночь... Я всталъ печально
 Съ постели, грустью омраченъ.
 Во всемъ дому глубокій сонъ.
 Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальный
 На мѣсто бросить то, гдѣ я
 Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
 Гдѣ жизни тѣнь всегда прелестной
 Безпечно встрѣтила меня.
 Я взялъ кинжалъ, два пистолета
 На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
 Звенѣли. Я страшился свѣта
 Луны въ безмолвіи ночномъ...

Но вихорь сердца молодаго
 Меня влачиль къ сѣдымъ скаламъ,
 Гдѣ между берега крутаго
 Дунай кипѣлъ, ревѣлъ; и тамъ,
 Склонясь на камень головою,
 Сидѣлъ я озаренъ луною...
 Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
 Лила лучи свои златые
 Съ небесъ на рощи бреговыя.
 Вездѣ знакомыя мѣста,
 Все мнѣ напоминало младость,
 Все говорило мнѣ, что радость
 Навѣки здѣсь погребена.
 Хотѣлъ проститься съ той могилой,
 Гдѣ прахъ лежалъ столь сердцу милой.
 Перебѣжавши черезъ ровъ,
 Пошелъ я тихо по кладбищу.

Душъ моей давало пищу
 Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
 И долго, долго я въ молчаны
 Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ;
 Казалось, вѣяло въ страданы
 Какимъ-то холдомъ сырымъ.
 Потомъ невѣрными шагами
 Я удалился; но за мной,
 Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
 Я ночь провелъ въ глухи лѣсной.
 Заря багряно освѣщала
 Верхи холмовъ; ночная тѣнь
 Уже рѣдѣла надо мною.
 Съ отягощенною главою
 Я тамъ сидѣлъ, склонясь на пень...
 Но всталъ, пошель къ брегамъ Дуная,
 Который издали ревѣлъ.
 Я въ Грецію идти хотѣлъ,
 Чтобъ турокъ сабля роковая
 Пресѣкла горестный удѣль
 (Въ душѣ смѣнился мечтанье).
 Ярчье дневное сіянье,—
 И вотъ Дунай ужъ предо мной
 Синѣлъ съ обычной красотой.
 Какъ онъ, прекрасный, величавой,
 Игралъ въ прибережныхъ скалахъ!
 Воспоминанье о дѣлахъ
 Живеть здѣсь, и протекшей славой
 Рѣка гордится. Сѣвъ на брегъ,
 Я измѣрилъ Дуная бѣгъ.
 Потомъ бросаюсь въ быстры волны,
 Онъ клубятся подъ рукой
 (Я спорилъ съ быстрою рѣкой).
 Но скоро на берегъ безмолвный
 Я вышелъ. Все въ душѣ моей
 Мутилось пѣною Дуная;
 И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
 «Прости, отчизна золотая!—
 Сказаль,—быть можетъ, въ этотъ разъ
 Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
 Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
 Надолго въ сердцѣ сохранится!..»
 Потомъ я быстро удалился...

Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
 Чѣмъ было какъ потомъ со мною:
 Скажу вамъ только то, что я
 Вездѣ съ обманутой душою
 Бродилъ одинъ, какъ сирота,
 Не смѣя ввѣриться, какъ прежде,
 Все измѣняющей надеждѣ.
 Міръ былъ чужой мнѣ, жизнь—пуста.
 Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
 А для души моей несчастной

Ея лишь видъ отравой былъ.
День приходилъ—день уходилъ...
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греція долины;
Ужъ море синее, блестя
Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока,
Какъ шумъ нагорнаго потока
Обрадовало вдругъ меня...
Но какъ спастися намъ отъ рока!—
Я здѣсь нашелъ, здѣсь погубиль
Почти все то, что я любилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкой,
Плеская волнами, шумить,
Покрытый лѣсомъ, одинокой,
Аеосъ задумчивый стоять.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окружент; ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный чолнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Межу стремнинъ, межу кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аеоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами,
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ,
Летали межу островами,
Какъ бы на лебедя крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшой истиной живеть...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
Я шелъ, не чувствуя себя;
(Я былъ въ стремительномъ волненыи,
Увидѣвъ, Греція, тебя!).

Кустарникъ дикій въ отдаленыи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ—
Межъ скалъ, гдѣ въ счастья упоеные
Ѳракіецъ храбрый пироваль.
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ,
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность; но они
Той страшной участіи не знали.

И дышать все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда-жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный,
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать.
И часто барка въ тымѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ;
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣль.
И что-то новое пытало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желаль я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желаль я плыть въ моряхъ широкихъ
(Любить—кого, не находилъ).
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей?
Прости навѣкъ тогда ужъ радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.

Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. «Ахъ,—думалъ я,—
Война, могила—но не горе,
Быть—можеть, встрѣтить тамъ меня».
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Цвѣтующими надъ влажнымъ дномъ
Святаго старца-океана.
Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой
Гдѣ свѣль нась съ буйною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана;
И такъ ужъ было рѣшено,
Что жизнь и смерть—все за одно!

Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать;
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать
Все, что имѣю, за тѣ годы,
Которые ужъ я убилъ
И невозвратно погубилъ.
Прекрасныѣ были бы мнѣ воды,
Поля, лѣса, луга, холмы—

И вѣ, вѣ прелести природы...
 Но такъ себѣ невѣрны мы!—
 Живемъ, томимся и желаемъ,
 А получивши забываемъ
 О томъ,—уже предметъ другой
 Играеть въ нашемъ вображеніи.
 И въ безпрерывномъ такъ томленіи
 Мы тратимъ жизнь, о, Боже мой!

Мы часто на берегъ сходили,
 И часто по степямъ бродили,
 Гдѣ конь арабскій вороной
 Играль скакчками подо мной,
 Летая вдали степи широкой.
 Уже терялся брегъ далекой,
 И я, съ веселою толпой,
 Какъ въ морѣ былъ въ степи сухой.
 Или въ лѣсу, въ ночи глубокой,
 Когда все спитъ, то мы однѣ
 При полной въ облакахъ лунѣ,
 Въ пещерѣ темной припѣвая,
 Сидимъ,—и чаша между насъ
 Идетъ съ весельемъ круговая;
 За нею вслѣдъ за часомъ часть.
 И свѣтить пламень, чуть блестая,
 Треща, синяя и мелькая...

Потомъ мы часто въ корабли
 Опять садились, въ быстры волны
 Съ отважной дерзостью текли,
 Какой-то гордостью полны.
 Мы правы были: домъ царей
 Не такъ великъ, какъ зыбь морей!
 Я часто, храбрый, кровожадный,
 Носился въ буряхъ боевыхъ,
 Но въ сердцѣ юномъ чувствъ иныхъ
 Таился пламень безотрадный.
 Чего-то страшнаго я ждалъ,
 Грустиль, томился и желалъ.
 Я слушалъ пѣсни удалыхъ
 Веселой шайки средь морей.
 Тогда, воспомнивъ золотые
 Тѣ годы юности моей,
 Я слезы лилъ, не зная Бога:
 Мнѣ жизни дальняя дорога
 Была скользка; я былъ, друзья,
 Несчастный прахъ изъ бытія.
 Какъ бы сражался съ судбою,
 Мятежной ярости полна,
 Душа, терзанью предана,
 Живеть утратою самою,
 Узнавъ лишь тѣнь утраты сей;
 Я ждалъ ее еще мятежнѣй,
 Еще печальнѣй, безнадежнѣй.
 Какъ лишь начало страшныхъ дней

Опять предъ мной все исчезало,
 Какъ свѣтъ предъ тѣнью ночной;
 И сердце тяжко изнывало,
 Исчезъ и кроткій мой покой;
 Исчезло милое волненіе
 И благородное стремленіе
 И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалихъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Однажды въ ночь сошлися тучи,
 Катился громъ издалека,
 И гналъ, стоная, вихрь летучій
 Порывомъ бурнымъ облака.
 Надулись волны, море плещеть,
 И молнія во мракѣ блещетъ.
 Но нашихъ храбрыхъ удальцовъ
 Ничто-бѣ тогда не испугало,—
 И море синее стонало
 Отъ рѣзкихъ корабля слѣдовъ.
 Шипящей пѣною блѣдѣть
 Корабль, вдругъ рвется къ небесамъ,
 Волна,—качается, чернѣеть,
 И возвращается къ волнамъ.
 Намъ въ ономъ ужасъ казалось,
 Что море, въ ярости своей,
 Съ предѣлами небесъ сражалось,
 Земля стонала отъ зыбей;
 Что вихри въ вихри ударялись,
 И тучи съ тучами слетались,
 И устремлялся громъ на громъ,
 И море билось съ влажнымъ дномъ,
 И черна бездна загоралась
 Открытої бездною громовъ.
 И наше судно воздымалось
 То вдругъ до тяжкихъ облаковъ,
 То вдругъ, треща, внизъ опускалось.
 Но храбрость я не потерялъ:
 На палубѣ съ моей толпою
 Я часто гибель возвѣщалъ
 Одною пушкой вѣстовою.
 Мы скоро спрашивались. Кругомъ
 Лишь дождь шумѣлъ, ревѣлъ лишь громъ.
 Вдругъ слышенъ выстрѣлъ отдаленный,
 Блеснулъ фонарь, какъ бы зажженный
 На мачтѣ, въ мрачной глубинѣ...
 И скрылся онъ въ туманной мглѣ,
 И небо страшно разразилось,
 И блескомъ молній озарилось—
 И мы узрѣли: быстро къ намъ
 Неслося греческое судно.
 Все различить мнѣ было трудно.
 Предавши глухимъ волнамъ,
 Они на помощь призывали,

Но вѣтры вопли заглушали.
 «Скорѣй ладью, спасите ихъ!»
 Раздался голосъ въ этотъ мигъ.
 О камень судно ударяетъ,
 Трещитъ—и съ шумомъ утопаетъ.

Но мы иныхъ еще спасли,
 Къ себѣ въ корабль перенесли.
 Они безъ чувствъ, водой покрыты,
 Лежали всѣ какъ бы убиты;
 И вѣтеръ буйный утихаль,
 И громъ почаше умолкалъ,
 Лишь изрѣдка волна вздымалась,
 Какъ бы гора, и опускалась.

• • • • •
 Все смолкло. Вдругъ корабль волной
 Былъ брошенъ къ мели бреговой.

Хотѣлъ я видѣть мнѣ спасенныхъ
 И къ нимъ поутру я взошелъ.
 Тогда на тучахъ озлащеныхъ
 Вскатилось солнце. Я узрѣлъ,
 Увы! гречанку молодую.
 Она почти безъ чувствъ, блѣдна,
 Склонившись на руку главою,
 Сидѣла, и съ тѣхъ поръ она
 Донынѣ въ памяти глубоко...
 (Она изъ стороны далекой
 Была сюда привезена.
 Свою весну, златыя лѣта
 Воспоминала. Томный взоръ
 Чернѣе тьмы, ярчье свѣта
 Глядѣлъ, казалось, съ давнихъ поръ
 На небо. Тамъ звѣзда, блистая,
 Давала ей о чемъ-то вѣсть
 [О томъ, друзья, что въ сердцѣ есть].
 Звѣзду затмила туча злая,
 Звѣзда щемеркла,—и она
 Съ тѣхъ поръ печальна и грустна).
 Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю,
 Моя тѣмъ участъ рѣшена,
 Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю;
 Но съ тѣхъ же поръ я омертвѣлъ,
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Д Ж У ЛІО.

(1830 г. Великимъ постомъ и послѣ).

(И слышалъ этотъ разсказъ отъ одного путешественника).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Осенній день тихонько угасаль
 На высотѣ гранитныхъ шведскихъ скаль.
 Гуманъ облекъ поверхности озеръ,
 Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ

Бѣгунцій бѣлый парусъ рыбака.
 Я выходилъ тогда изъ рудника,
 Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметь—
 Тамъ люди достають ужъ много лѣтъ.
 Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
 И вѣчный стукъ тревожить тишину;
 Между столповъ гранитныхъ и аркадъ
 Блестить огонь трепещущихъ лампадъ,
 Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Кидая свѣтъ безсильный и пустой!..

Но если очи, въ безпривѣтной мглѣ
 Угасшія, морщины на челѣ;
 Но если блѣдный, вѣлій цвѣтъ ланить
 И равнодушный, молчаливый видъ;
 Но если вздохъ, потерянный въ тиши,
 Лвляютъ грусть глубокую души,—
 О! не завидуйте судьбѣ такой:
 Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
 Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
 Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточнымъ рѣчей,
 Чтобы описать восторгъ души моей,
 Когда я вновь взглянулъ на небеса,
 И освѣжила голову роса.
 Тянулись цѣпью острыя скалы
 Передо мной; пустынны орлы
 Носилися, крича средь высоты.
 Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
 У озера спокойныхъ береговъ.
 И стебли черные сухихъ дубовъ.
 Отъ рудника вился, желтѣя, путь...
 Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
 Прохладный воздухъ, волниный какъ народъ
 Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведеть.

Вожатому подарокъ я вручилъ;
 Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
 Когда ис принялъ денегъ. Я не могъ
 Понять: зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
 Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
 (Развалины минувшей красоты,
 Хоть не являли старости онъ),
 Казалось, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ за руку меня,
 «Напрасно-бѣ», онъ сказалъ: «скрывался я.
 Такъ, Джуліо предъ вами,—но не тотъ,
 Кто по струямъ венеціанскихъ водъ
 Въ украшенной гондолѣ пролеталъ.
 Я жиль, я жиль и много испыталъ.
 Не для корысти я въ странѣ чужой:
 Могилы тьма сходна съ моей душой,
 Въ которой страсти, лѣта и мечты
 Изрыли бездну вѣчной пустоты...
 Но я молю васъ только объ одномъ»;

Молю: возьмите этотъ свитокъ,—въ немъ,
Въ немъ міръ всю жизньъ души моей найдетъ,
И, можетъ-быть, онъ васъ остережеть!»
Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
И посмѣялся я надъ нимъ; бѣднякъ,
Я полагалъ, разсудокъ потерявшъ,
Не потерялъ еще свой пылкій нравъ.
Но, пробѣгая свитокъ (видить Богъ),
Я много слезъ остановить не могъ.

Джуло. Повѣсть 1830 г.

Есть край: его Италіей зовутъ.
Какъ Божи птицы, мнится, тамъ живуть
Покойно, вольно и безпечно, и пришелъ,
Германіи иль Англіи жилецъ,
Дивится часто счастію людей,
Скрывающихъ улыбкою очей
Безумный пыль и тайный ядъ страстей.
Вамъ, жителямъ холдной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могутъ въ васъ зажечь такъ сильно кровь,
Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ,—
Для крайностей вашъ духъ не сотворенъ!..
Спокойны вы!.. На вашъ унылый край
Навѣкъ я промѣнялъ сей южный рай,
Гдѣ тополи, обвитые лозой,
Хотя шатерь достигнуть голубой,
Гдѣ любить моря синіе валы
Баюкатъ тѣнь береговой скалы.

Вблизи Неаполя мой пышный домъ
Бѣлѣется на берегу морскому,
И вокругъ него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть.
И тамъ, у водъ, въ лимонной рощѣ, есть
Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
Однако вспомнить я боюсь обѣ ней.
Она душистымъ запахомъ полна,
Уединенна и всегда темна.
Ахъ! здѣсь любовь моя погребена,
Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
Бывало мы, укрывшись отъ родныхъ,
Туманною озарены луной,
Спѣшили съ ней туда рука съ рукой;
И Лора, лютню взявъ, нѣвала мнѣ...
Ея плечо горѣло какъ въ огнѣ,
Когда къ нему я голову склонялъ
И пойманные кудри цѣловалъ.
Какъ гордо волновалась грудь твоя,
Коль очи въ очи томно устремя,

Твой Джуліо слова любви твердилъ;
 Лукаво ми́лый пальчикъ мнѣ грозилъ,
 Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
 Восторгъ въ душѣ остановить не могъ...

Случалось, послѣ я любилъ сильнѣй,
 Чѣмъ въ этотъ разъ; но жалость лишь о сей
 Любви живеть, горитъ въ груди моей.
 Она прошла,—таковъ судьбы законъ:
 Неумолимъ и непреклоненъ онъ,
 Хотя щадить луны любезный свѣты.,
 Какъ памятникъ всего, чего ужъ нѣть.
 О, тѣнь священная! простишь ли ты
 Тому, кто обманулъ твои мечты,
 Кто обольстилъ невинную тебя
 И навсегда оставилъ, не скорбя?
 Я страсть твою употребилъ во зло...
 Но ты взгляни на блѣдное чело,
 Которое изрыли не труды,—
 На немъ раскальня и мукъ слѣды;
 Взгляни на степь, куда я уѣжалъ,
 На снѣжныя вершины Шведскихъ скалъ,
 На эту бездну смрадной темноты,
 Гдѣ носятся, какъ дымъ, твои черты,
 На ложе, гдѣ съ рыданiemъ, съ тоской
 Кляну себя съ минутой роковой...
 И скялься, скялься, скялься надо мной!..

Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
 Живеть для насъ въ младыхъ ея очахъ:
 Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ
 Мы различивъ, укорь себѣ прочтемъ.
 Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
 Я послѣдний, безсмысленный, бѣжать,
 Чтобъ гдѣ-нибудь разсѣянье сыскать!
 Но съ Лорой я проститься захотѣль.
 Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣль
 Отправиться на многое должно лѣтъ,
 Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣты.
 «Зачѣмъ тебѣ?—воскликнула она.—
 Что дастъ тебѣ чужая сторона,
 Когда ты здѣсь не хочешь быть счастливъ?..
 Подумай, Джуліо!» Тутъ, взоръ склонивъ,
 Она меня рукою обняла:
 «Ахъ, я почти увѣренна была,
 Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
 Не покидай меня, возьми съ собой,
 Не преступи вторично свой обѣтъ...
 Теперь... ты долженъ знать...!»—Нѣть, Лора, нѣть!—
 Воскликнулъ я.—Оставь меня, забудь;
 Привязанность былую не вдохнуть
 Въ холодную къ тебѣ отнынѣ грудь...
 Какъ странники на небѣ, облака,
 Свободно сердце и любовь легка!—
 И, поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозь сна,

Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
 «И такъ, прости навѣкъ, любезный мой,
 Жестокій другъ, обманщикъ дорогой.
 Когда бы зналъ, что оставляешь ты...
 Однако прочь безумныя мечты!
 Надежда! сердце это не смущай...
 Ты болѣе не мой... Прощай... прощай...
 Желаю, чтобы тебя въ чужой странѣ
 Не мучила бы память обо мнѣ...»

То былъ глубокой, вѣщей скорби гласъ.
 Такъ мы разстались. Кто жальчѣй изъ насъ,—
 Пускай въ своеемъ умѣ разсудить тотъ,
 Кто нѣкогда сіи листы прочтеть.

Зачѣмъ цѣну утраты на землѣ
 Мы познаемъ, когда ужъ въ вѣчной мглѣ
 Сокровище потонетъ, и никакъ
 Нельзя разгнать его покрывшій мракъ?
 Любовь младыхъ прелестныхъ женскихъ глазъ
 По рѣдкости сокровище для насъ
 (Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить);
 Мы день и ночь должны его хранить.
 И горе! если скроется оно:
 Навѣкъ блаженства сердце лишено.
 Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
 Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.

Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я,
 Шалиль, имѣнѣе съ временемъ губя.
 Первоначальной страсти жаръ святой
 Я называлъ младенческой мечтой.
 Дорога славы, заманивъ мой взоръ,
 Наскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
 Убить любовью новой захотѣвъ,
 Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ.
 Когда же охладѣлъ къ нимъ наконецъ,
 Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ;
 Повеселивъ меня немного дней,
 Распался онъ на головѣ моей...
 Я сталъ бродить, печаленъ и одинъ,—
 Меня увѣрили, что это сплинъ;
 Когда же надоѣли доктора,—
 Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.

Душа моя была пуста, жестка.
 Я походилъ тогда на бѣдняка:
 Надѣясь кладь найти, глубокій ровъ
 Онъ исконалъ среди своихъ садовъ,
 Испортить не страшась гряды цвѣтовъ;
 Рылъ, рылъ, вдругъ что-то застучало,—онъ
 Вздрогнулъ: предметъ трудовъ его найденъ!
 Приблизился, торопится, глядить...
 Что-жъ?—передъ нимъ гнилой скелетъ лежитъ!
 «Заботы въются въ сумракѣ ночей
 «Вокругъ ложа мягкаго, златыхъ кисей;
 «У изголовья совѣсть—скорпіонъ,

«Отъ вѣждъ засохшихъ гонитъ сладкій сонъ;
 «Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
 «Оторванныя тучки,—такъ печаль,
 «Въ одну и ту же съ нами сѣвъ ладью,
 «Не отстаетъ ни въ купѣ, ни въ бою».
 Такъ Римскій говорить поэтъ-мудрецъ.
 Ахъ! это испыталъ я наконецъ,
 Отправившись, не зная самъ куда
 И съ Сеною простившись навсегда!..
 Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
 Ни Рейна вдохновенные брега,
 Ничѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
 И сердцу ничего не принесли.....

Венеция! о, какъ прекрасна ты,
 Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
 Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
 Скользятъ, и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
 То затрепещутъ и погаснутъ вдругъ,
 То вновь зажгутся. Тамъ далекій звуки,
 Какъ благодарность въ злой душѣ, порой
 Раздастся—и умреть во тьмѣ ночной:
 То пѣсни красавицы, съ ней другъ ея;
 Они поютъ и мчится ихъ ладья.
 Народъ, тѣснясь на берегу, кипитъ,
 Оттуда любопытный взоръ слѣдить
 Какой-нибудь красивый павильонъ,
 Который бѣгло въ волнахъ отраженъ.
 Разнообразный плескъ и весель шумъ
 Приводятъ много чувствъ и много думъ;
 И много чудныхъ слuchaевъ рождалъ
 Ничѣмъ ненарушимый карнаваль.
 Я прихожу въ гремящій маскарадъ.
 Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ;
 Здѣсь не узнаетъ мужъ жены своей.
 Какой-нибудь лукавый чичисбей,
 Подъ маской, близъ него проходить съ ней,—
 И мужъ готовъ божиться, что жена
 Лежитъ въ дому отчаянно больна...
 Но если все проникъ ревнивый взоръ,—
 Тотчасъ кинжалъ рѣшилъ недолгій споръ,
 Хотя не нужна пролитая кровь:
 Ужъ не воротить женскую любовь!..
 Такъ мысля, въ залѣ тихо я блуждалъ
 И разныхъ лицъ движенья наблюдалъ:
 Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
 Чтобъ разказать,—я не запомню ихъ.
 И вижу маску: мнѣ грозить она.
 Огонь паровъ застольного вина
 Смутилъ мой умъ, волнила кровь мою.
 Я въ домино окутался, встаю,
 Открылъ лицо, за тайнымъ чудакомъ
 Стремлюсь, и покидаю шумный домъ.
 Быстро ногъ преслѣдуютъ его

Мои глаза. Не помня ничего,
 Вослѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
 На лѣстницу крутую я взлетѣлъ!..
 Огромные покой предо мной,
 Отдѣланы съ искусственной красой;
 Сияли свѣчи яркія въ углахъ,
 И живоились дышала на стѣнахъ.
 Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ
 Желаньемъ ускоряемыхъ шаговъ
 Остановить въ то время не могли:
 Они меня съ предчувствіемъ несли
 Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
 Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
 Сидѣлъ. Уже я близко у дверей...
 Вдругъ (изумленіе души моей
 Чьи краски на землѣ изобразить?)
 Съ него упалъ обманчивый нарядъ,—
 И женщина единственной красы
 Стояла близъ меня. Ея власы
 Катились на волнуемую грудь
 Съ восточной нѣгой. Я не смѣлъ дохнуть,
 Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
 На землю томно не упалъ съ меня...
 Ахъ! онъ стрѣлой во глубь мою проникъ!
 Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей мигъ
 Ни ангельскій, ни демонскій языки!..
 Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я, гротъ,
 Откуда Терекъ молодой течетъ,
 О скалы неприступныя дробясь;
 Съ Казбека въ прошастъ иногда скатясь
 Отверстіе лавина завалить:
 Какъ мертвый, онъ на время замолчть...
 Но лишь враждебный снѣгъ промоетъ онъ—
 Быстрѣй его не будетъ Аквилоны:
 Бѣги, сайгакъ, отъ берега въ тотъ часъ,
 И жаждущій табунъ,—умчитъ онъ васъ,
 Сей токъ, покрытый пѣною густой,
 Свободный, какъ чеченецъ удалой.
 Такъ и любовь: покрыта скуки льдомъ,
 Прорвется, и мучительнымъ отнемъ
 Должна свою разрушить колыбель,
 Достигнетъ, или не достигнетъ цѣль!..
 И бѣденъ тотъ, кому судьбина, давъ
 И влюблчивый и своевольный нравъ,
 Позволила узнать подробно міръ,
 Гдѣ человѣкъ всегда гонимъ и сиръ,
 Гдѣ жизнь—измѣнь взаимныхъ вѣчный рядъ,
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ,
 И гдѣ они, покорствуя страсти,
 Приносятъ только сожалѣнья намъ!
 Я былъ любимъ, самъ страстью пылать,
 И много дней Мелиной обладаль.
 Летучихъ наслажденій властелинъ,

Изъ этихъ днѣй я не забылъ одинъ.
 Златило утро дальний небосклонъ,
 И запахъ розъ съ бреговъ былъ разнесенъ
 Далеко въ море; свѣжая волна,
 Играющимъ лучомъ пробуждена,
 Отзывы пѣсни рыбаковъ несла.
 Въ ладьѣ, при вѣрной помощи весла,
 Неслися мы съ Мелиною самъ-другъ,
 Внимая сладкій и небрежный звуки;
 За нами, въ блескѣ утреннихъ лучей,
 Венеція, какъ пышный мавзолей
 Среди песковъ Египта золотыхъ,
 Изъ волнъ поднявшись, озирала ихъ.
 Въ восторгѣ я твердилъ любви слова
 Подругѣ пламенной; моя глава,
 Когда я спорить уставалъ съ водой,
 Въ колѣна ей склонялася порой.
 Я счастливъ былъ; невѣдомый никѣмъ,
 Казалось, я покоенъ былъ совсѣмъ,
 И въ первый разъ лишь могъ о томъ забыть,
 О чемъ грустиль, не зная возвратить.
 Но дьяволъ, сокрушитель благъ земныхъ,
 Блаженства намъ дарить на краткій мигъ,
 Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильней,
 Чтобы съ жестокой тѣгостью своей
 Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
 Все, что ему еще завидно въ насть...

Однажды (ночь на городъ ужъ легла;
 Луна какъ въ дымѣ безъ лучей плыла
 Между сырыхъ тумановъ, вѣтръ ночной,
 Багровый западъ съ тусклой луной—
 Все предвѣщало бури; но во мнѣ
 Уснули, мнилось, навсегда онѣ)
 Я ѿхалъ къ милой. Радость и любовь
 Мою младую волновали кровь;
 Я былъ любимъ Мелиной, былъ богатъ,
 Все вкругъ мнѣ веселило слухъ и взглядъ:
 Роптанье струй, мельканье членковъ,
 Сквозь окна освѣщеніе домовъ,
 И баркаролла мирныхъ рыбаковъ.
 Къ красавицѣ взошелъ я; цѣлый домъ
 Былъ пустъ и тихъ, какъ завоеванъ сномъ.
 Вотъ проникаю въ комнаты, и вдругъ
 Я роковой вблизи услышалъ звукъ—
 Звукъ подѣлуга... Праведный Творецъ,
 Зачѣмъ въ сей мигъ мнѣ не послать конецъ?
 Зачѣмъ, затрапетавъ какъ средь огня,
 Не выскочило сердце изъ меня?
 Зачѣмъ, окаменѣвшій, я опять
 Движеніе жизни долженъ былъ принять?..
 Бѣгу, стремлюсь,—трещитъ—и настежь дверь!..
 Кидаясь, какъ разъяренный звѣрь
 Въ ту комнату,—и быстрый шумъ шаговъ

Мой слухъ мгновенно поразилъ безъ словъ.
Схвативъ свѣчу, я—въ темный коридоръ,
Гдѣ, ревностью пылая, встрѣтилъ взоръ
Сколзящую, какъ нѣкій духъ ночной,
По стѣнамъ тѣнь. Дрожащею рукой
Схвативъ кинжалъ, машу передъ собой!
И вотъ настигъ... въ минуту удержу...
Рука... рука... хочу схватить,—глядя:
Недвижная, какъ мертвая блѣдна,
Миѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!..
Качая головой, призракъ стоитъ...
Кого-жъ я въ немъ, встревоженный, узналъ?—
Мою обманутую Лору!..—Я упалъ!

Печалень стеши видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитаются летучій Аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчасте березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Черпѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнъ скучна, когда бореня нѣть:
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ въ цвѣтѣ лѣть,
Въ минувшее проникнувъ, различить,
Опа души не будеть веселить.
Но жребій я узналъ совсѣмъ иной:
Убить я не былъ раннею тоской,
Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ,
Еще теперь въ душѣ моей кипять...
И ихъ слѣды узналъ я въ этотъ разъ.
Въ безпамятствѣ, не открывая глазъ,
Лежаль я долго; кто принесъ меня
Домой—не могъ узнать я. День отъ дня
Разсудокъ мой свѣжій и тверже былъ,
Какъ вновь меня внезапно посѣтилъ
Томительный и пламенный недугъ.
Я былъ при смерти. Ни единый другъ
Не приходилъ провѣдать о больномъ...
Какъ часто въ душномъ сумракѣ ночномъ
Со страхомъ пробѣгалъ я жизнъ мою,
Готовясь предстать предъ Судію;
Какъ часто, мучимъ жаждой огневой,
Я утолить ее не могъ водой
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Какъ часто хлѣбъ передъ лишенными силъ
Черствѣлъ, хотя еще не тронутъ былъ;
И сколькихъ слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!..

И долго я томился. Наконецъ
Родныхъ полей блуждающій бѣглецъ
Я возвратился къ пимъ.—Въ большомъ саду,
Однажды я задумавшись иду,—
И вдругъ предъ мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ: люблю

Невинной Лоръ (я еще объ ней
 Не спрашивалъ сосѣдственныхъ людей).
 Но страхъ пустой мой умъ преодолѣлъ.
 Вхожу,—и что жъ бродящій взглѣдъ узрѣлъ?—
 Могилу!—Свѣжай лѣтній вѣтерокъ
 Порою несъ увялый къ ней листокъ,
 И незабудками испещрена
 Дышала сыростью и мглой она.
 Не ужасомъ—но пасмурной тоской
 Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
 Презрѣнья, гордость въ этой тишинѣ
 Старались жалость побѣдить во мнѣ.—
 Такъ вотъ что я любилъ!.. такъ вотъ о комъ
 Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!..
 И стоило-ль любить и покидать,
 Чтобы странамъ чужимъ нести казать
 Испорченное сердце (плодъ страстей),
 Въ чемъ недостатка нѣть между людей?..
 Такъ вотъ что я любилъ! Клянусь, мой Богъ,
 Ты лучшую ей участь дать не могъ:
 Пресвѣтъ должна кончина бытіе,—
 Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для неё!

И блещутъ, дѣва, незабудки надъ тобой,
 Хотя забвенья стали пеленой;
 Сплела изъ нихъ земля тебѣ вѣнецъ,
 Ихъ вырастили матерь и отецъ,
 На дернѣ роняя слезы каждый день,
 Пока туманная ложася тѣнь
 Съ холодной сладкою росой ночей
 Не освѣжала старыхъ ихъ очей...
 И я умру!—Но только вѣтъ степей
 Восплачеть надъ могилою моей!..

Преодолѣть стараясь думъ борьбу,
 Такъ я предчувствовалъ свою судьбу...
 И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
 Въ которомъ для меня веселья нѣть;
 И гдѣ раскаянья бѣжитъ отъ насъ,
 Покуда юность не оставить глазъ.
 Но я былъ старъ: я многое свершилъ!
 Повѣрьте: не одно лишенье силъ,
 Послѣдствія толстой протекшихъ дней,—
 Браздить чело и гасить жизнь очей!..
 Я потому съ досадой ихъ кидаль
 На міръ, что самъ себя въ немъ презиралъ!
 Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть
 Что въ сей груди такое чувство есть.—
 Я гордъ былъ—и не снесъ бы, какъ позоръ,
 Пытавшій, искромный, хитрый взоръ.
 Какъ могъ бы я за чашей хохотать
 И яркій даръ похмѣлья выпивать,
 Когда всечасно мстительный металъ
 Въ больного сердца струны ударялъ?
 Онъ меня будили въ тѣмѣ ночной,

Когда и умъ, какъ взгляди, подернуть мглой,
Чтобы нагнать еще ужаснѣй сонь;—
Не уходиъ съ зарей багровой онъ.—
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ;
Я счастіе, казалося, привлекъ,
Когда его навѣки отняль рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣ живыхъ.

Есть сумерки души во днѣтѣ лѣть,
Межъ радостью и горемъ полусвѣть:
Жметъ сердце безотчетная тоска,
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты
Воспоминаемъ иль игрой мечты,—
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче! Я
Опять бѣжалъ въ далекіе края,
И здѣсь, въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ горахъ,
Зароють мой изгнаническій прахъ.
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампадъ
Мнѣ правятся. Товарищей толпу
Презрѣннѣе себя всегда я чту—
И самолюбье веселить мой нравъ:
Такъ радъ кривой слѣпаго увидавъ!....

И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнетъ, на воздухъ выйти. Пусть,
Пусть укорицъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдастъ Тотъ,
Кто былъ и есть и вѣчно не прейдетъ.
Задумавшись нерѣдко я сижу
Надъ дикою стремниной, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшія подъ свѣжею росой.
Тогда, какъ я, восклікнешь къ небесамъ,
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—Но ничто ихъ не найдетъ,—
И молодость вторично не придетъ!..

Ахъ! много чувствъ—и мрачныхъ, и живыхъ—
Открыть хотѣлъ бы Джуліо. Но ихъ
Пускай обниметь ночь, какъ и меня!
Уже въ лампадѣ нѣть почти огня:
Страница кончена—и (хотъ чудна)
Съ ней повѣсть жизни, прежде чѣмъ она...

Г О Ш П И Т А Л Ь.

(Р A Z S K A Z Ъ).

(1834 г.).

Друзья! вы помните, конечно,
Нашъ Петергофскій гошпиталь:

И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли запимая,
Старушка дряхлая, слѣпая,
Жила съ усастымъ ямщикомъ.
Но дѣло вовсе не о томъ!
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Неумолимыхъ юнкеровъ.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженье цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазт...

II. Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Е., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
—Клянуся!—молвилъ князь удалый...—

«Шесть штукъ шампанского?»—Пожалуй!—
И разошлись. Проходитъ день...
Заря угасла; вечеръ ясный.
У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
Нашъ князь вертится ежечасно,
И вотъ на первую ступень
Онъ ставить трепетную ногу.
Доска проклятая скрипить,
Боится онъ поднять тревогу...
Какъ быть? Вернуться? Страхъ и стыдъ...
Онъ осушаетъ съ ромомъ фляжку...
«Courage! mon cher... allons, скорѣй!»
Кричитъ Choubin изъ-за дверей.

III. И, ободренный виннымъ паромъ,
На верхъ вскарабкался нашъ князь:
Прижалъ защелку, входить съ жаромъ...
Чердакъ закоптѣлый
Едва лампадой озаренъ,
. и пыль со всѣхъ сторонъ.
Въ широкихъ креслахъ, въ кофтѣ бѣлой,
Въ очкахъ, недвижна какъ гранитъ,
Слѣпая барыня сидитъ.
Она чепцомъ почти закрыта...
И мыслить пьяный волокита:
«Она должна быть!.. подойду!»

IV. Въ тотъ самый мигъ со свѣтчкой сальной
Входилъ по лѣстницѣ мужикъ.
Вдругъ слышитъ онъ:
Зовутъ на помощь... гамъ и крикъ!..
Онъ дверь геройски отворяетъ,

Ударивъ кулакомъ съ-плеча...

- v. Межъ тѣмъ мужикъ схватилъ дубину
И лѣзетъ прямо;—тотъ назадъ...
Увы! на княжескую спину
Удары сыплются какъ градъ!..
— Эй, господа... ко мнѣ... скорѣй!..—
«Попался постой,
Въ другой разъ будешь поумнѣй!
Вотъ разъ тебѣ, а вотъ другой!»
— Ты знаешь-ли, я князь!—«Вотъ штука!
Когда жъ князья
— Пусти же!—«Виши какой пѣтухъ...
. впередь наука!»
Трещитъ окно, трясется домъ,
Шумъ, грохотъ, стулья вверхъ ногами,
Удары
Летять, встрѣчаются,—содомъ!..
И видить князь: въ чуланчикъ темной
Открыта дверь,—туда скорѣй...
За нимъ съ дубиною огромной
И со свѣчей спѣшить Андрей...
Въ окно сквозь щели вѣтеръ свищетъ,
Гнилая утварь на полу...
Мужикъ врага повсюду ищеть,
И видитъ: что-то тамъ въ углу.
Но только неучъ размахнулся,
Вдругъ точно чортъ его схватилъ...
Остановился, заикнулся,
И тихо руку опустилъ.
Въ шинели
. Марису защитивъ рукой,
Предъ нимъ, кидая взглядъ орлиной,
Стоялъ Лафа, уланъ лихой!..
Огромный, красный прыщъ звѣздою
Блисталь среди его чела...

- vi. Ужасный молнией небесной,
Быстро смертоносныхъ стрѣль,
Лафа оставилъ уголъ тѣсной
И на злодѣя полетѣлъ;
Даль въ зубы, сшибъ его,—ногою
Ему на горло наступилъ...
—«Гдѣ ты Б....нскій? за мною!
Кто противъ насть?»—онъ возопилъ.
И князь, сидѣвшій за лоханкой,
Выходитъ робкою стопой,
И съ торжествующей осанкой
Лафа ведеть его домой.
Какъ шаръ по лѣстницѣ скатился,
Нашъ купидонъ,
Ворчалъ, ругался и бѣсался,
И, морщась, спину щупалъ опь.

III. Но въ ту же ночь, ихъ факторъ смѣлой,
 Клянясь доставить ящикъ цѣлой,
 Пошелъ Какушкинъ со двора
 Съ пригоршней полной серебра.
 И поутру смѣялись, пили
 Внизу, какъ прежде... А потомъ?..
 Потомъ?!—что спрашивать?.. забыли...
 Какъ забываютъ обо всемъ
 Князь мужика простиль давно,
 И за разбитое окно
 Съ беззубой барыней расчелся;
 И, отъ друзей досаду скрывъ,
 Остался весель и счастливъ.

Промчались дни... Мариса, гдѣ ты?
 Гдѣ губицъ ты младыя лѣта?
 Она исчезла!.. никогда
 Мы не найдемъ ея слѣда.
 Унылъ нашъ бѣдный гошпиталь,
 Онъ сталъ мрачнѣй ночной пустыни...
 Смѣшно вздыхать... а право жалъ!..

Гр. Діарбекиръ.

У ЛАНША. (1834 г.).

Идеть нашъ пестрый эскадронъ
 Шумящей, пьяную толпою.
 Повѣсь усталыхъ клонить сонъ.
 Ужъ поздно. Темной синевою
 Покрылось небо, день угасъ.
 Повѣсы ропщутъ: «.
 пожалуй, эдакъ насы
 Прогонять черезъ всю Европу!
 Ужель Ижорки не видать?..»—
 «Ты, братецъ, придавилъ миѣ ногу!..
 Да право!..»—Вотъ поднялъ тревогу!—
 —«Дай трубку!..»—Тише!..—
 Но вотъ Ижорка, слава Богу!
 Пора раскланяться съ конемъ.
 Какъ должно, вышелъ на дорогу
 Уланъ съ завернутымъ значкомъ:
 Онъ по квартирамъ важно, чинно
 Повелъ начальниковъ съ собой,
 Хоть, признаюся, запахъ винной
 Изобличалъ его порой.....
 Но безъ вина, что жизнъ улана?
 Его душа на днѣ стакана,
 И кто два раза въ день не пьянъ.
 Тотъ, извините, не уланъ.
 Скажу вамъ имя квартирьера:
 То былъ Лафа, буянъ лихой,
 Съ чьей молодецкой головой
 Ни доппель-кюммель, ни мадера,

Ни даже шумное *аи*
 Ни разу сладить не могли.
 Его коричневая кожа
 Была въ сияющихъ угряхъ,
 И, словомъ, все: походка, рожа,—
 На сердце наводили страхъ.
 Надвинувъ шапку на затылокъ,
 Идетъ онъ... Все гремитъ на немъ,
 Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
 Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
 Шумя какъ бѣсь, онъ въ избу входитъ,
 Шинель скользя валился съ плечъ,
 Глазами вкругъ онъ косо водить,
 И мнить, что видить сотню свѣчъ
 (Всего одна въ избѣ лучина!—
 Треща, предъ нимъ горитъ она).
 Но что за дивная картина
 Ея лучемъ озарена!
 Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
 Блистаютъ лица юнкеровъ;
 Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны!
 Кто въ сбруѣ весь, кто безъ
 Пирутъ. Въ ихъ кругу туманиномъ,
 Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
 И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
 Пылаетъ синимъ огонькомъ.
 «Народъ! сказалъ Дафа икая,
 Что тутъ сидѣть! за мной ступай—
 Я поведу васъ въ двери рай!..

Вотъ голоса, стукъ, гамъ—они...
 Земля дрожитъ... идутъ... о, Боже!..
 Закрой глаза, Творецъ небесъ!
 Зажмите уши, добры люди!..

Когда же межъ сѣрыхъ облаковъ
 Явилось раннее свѣтило,
 Струи залива озарило,
 И кровли бѣдныя домовъ
 Живымъ лучемъ позолотило,—
 Раздался крикъ: «вставай скорѣй!»
 И сборъ пробили барабаны,
 И полусонные уланы,
 Зѣвая, сѣли на коней...
 Мирзу не шиорить Разинъ смѣлый,
 Князь Нось, сопя, къ сѣдлу прилегъ...

Идутъ и видятъ... Изъ амбара
 Выходитъ женщина: блѣдна,
 Гадка, скверна какъ Божья кара...
 Глаза померкнувшіе впали
 Въ багровыхъ пятнахъ ликъ и грудь...

Ужель Танюша?—иолно та ли?
 Одинъ Ляфа ее узналъ,
 И, дерзко тишину наруша,
 Съ подъятой дланью онъ сказалъ:
 «Миръ праху твоему, Танюша!..»

Съ тѣхъ порь промчалось много дній;
 Но справедливое преданье
 Навѣки сохранило ей
 Уланши громкое название!

Гр. Діарбекиръ.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(1834 г.).

Кипить веселый Петергофъ,
 Толпа по улицамъ пестрѣть;
 Печальный лагерь юнкеровъ
 Примѣтно тихнетъ и пустѣть.
 Туманъ ложится по холмамъ,
 Окрестность сумракомъ одѣта,—
 И вотъ къ далекимъ небесамъ,
 Какъ долгохвостая комета,
 Летитъ сигнальная ракета.
 Волшебно озарился садъ,
 Затѣльливо, разнообразно.
 Толпа валитъ впередъ, назадъ,
 Толкается, зѣваетъ праздно.
 Узоры радужныхъ огней,
 Дверецъ, жемчужные фонтаны,
 Жандармы, бѣлые султаны,
 Корсеты дамъ, гербы ливреи,
 Колеты кирасиръ мучные,
 Лядунки, ментики златые,
 Купчихъ парчевые платки,
 Кинжалы, сабли, алебарды,
 Съ гнилыми фруктами лотки,
 Старухи, франты, казаки,
 Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
 Венгерки мелкихъ штукарей...

Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
 Татарь, черкесовъ и армянъ;
 Французовъ тощихъ, толстыхъ пѣмцевъ
 И долговязыхъ англичанъ,—
 Въ одну картину все сливалось
 Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ,
 И сверху ярко освѣщалось
 Отнями склянокъ расписныхъ...

Гурьбу товарищей покинувъ,
 У моста Бииковъ стоялъ,
 И, каску на глаза надвинувъ,
 Какъ юнкеръ истинный мечталъ...

(Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ).
Стоить онъ пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ;
Съ досады глядя на фонтаны,
Ворчить
« . . . Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ—и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять.
Нѣть, видишь, гонять какъ скотину:
Ступай-де въ садъ, да губъ не дуй...
Да осторожень будь дорогой...
. Тоска!»
Умолкъ, поникнувъ головою.

Народъ толпой шумитъ вокругъ.
Вотъ, кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалды дернула, тронула каску.
Кутила вздрогнула изумленъ;
Романа чуднаго развязку
Ужъ предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь приосновеніе
Онъ обернулся съ быстротой...
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой...
Вдругъ кинулась бѣжать, бѣжать;
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Легка какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То удаляясь равнодушно,
Грозить насмѣшило перстомъ,
То вдругъ опять бѣжитъ потомъ.
Вотъ углубилася въ аллею
Все дальше, глубже. Онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша...
Кричитъ: «постой, моя душа!..»
Куда!—красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышеть
И шляпка на спинѣ виситъ...
.

И ночью, въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,
Онъ рекъ, съ себя счищая грязь:
«Блаженъ»

МОНГО.

(1836 г.).

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ.

И воть, дорогой столбовой,
 Летяты, склонившись надъ лукой,
 Два всадника лихимъ полетомъ.
 Одинъ высокъ и худошавъ,
 Кобылу сѣрую собравъ
 То горячить нетерпѣливо,
 То сдержить вдругъ одной рукой.
 Маль и широкъ въ плечахъ другой;
 Храпя, мотаеть длинной гривой—
 Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
 Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
 Устали всадники. До ногъ
 Отъ головы покрыты прахомъ.
 Коней пріѣзженныхъ размахомъ
 Они любуются порой,
 И рѣчь ведутъ между собой:
 «Монго, послушай—тутъ направо!
 Остались только три версты...»
 —Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
 Дрожать—и смотрять такъ лукаво.
 —Впередь, Маешка! только насть
 Измучить это приключеяе!
 Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
 «Нѣть, въ семь—я самъ читалъ приказъ!»

Но прежде нужно вамъ, читатель,
 Героевъ показать портретъ:
 Монго—повѣса и корнетъ,
 Актрисъ коварныхъ обожатель—
 Былъ молодъ сердцемъ и душой:
 Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ,
 И на аршинъ предлинный свой
 Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
 Породы англійской онъ былъ—
 Флегматикъ съ бурыми усами;
 Собакъ и портеръ онъ любилъ,
 Не занимался онъ чинами,
 Ходилъ немытый цѣлый день,
 Носиль фуражку на-бекренъ;
 Имѣлъ онъ гадкую посадку—
 Неловко гнулся напередъ,
 И не тянулъ ноги опь въ пятку,
 Какъ долженъ каждый патріотъ.
 Но если, милый, вы ъѣзжали
 Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
 То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
 Его внимательный лорнетъ...
 Одна изъ дѣвъ ему сначала
 Дней девять сряду отвѣчала;
 Въ десятый день онъ былъ забытъ—
 Съ толпою смѣшанъ волокить.
 Всѣ жесты, вздохи, объясненія
 Не помогали ничего...
 И зародился пламень миценъ

Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка быль такихъ же правиль:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома быль безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшкѣ гибельное жало
Броню желѣзнью встрѣчало
Надъ самолюбиемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ быль въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—враль безбожно,
И молчаливъ быль—на пирахъ.
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ—онъ быль таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,—
Терзаемъ пьяницы недугомъ,
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады—
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирныхъ домовъ.
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ, и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кабачкомъ,
И тамъ для блага человѣка
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла,—
Краса и честь балетной сцены,
На содержаніи была:
NN., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый Волжскій сторожиль,
Безъ волокитства, безъ признаній...
Мой другъ! ему я говорилъ
Ты не въ свои садишься сани,—
Танцоркой вздумалъ управлять,
Ну гдѣ тебѣ?

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоять въ пустой аллѣ,
Коней привязываютъ тамъ.

И воть, тропинкой потасенной
 Они къ калиткѣ отдаленной
 Спѣшатъ подобно двумъ ворамъ.
 На землю сумракъ ниспадаетъ:
 Сквозь вѣтви брежжетъ лунный свѣтъ
 И переливами играеть
 На гладкой мѣди эполеть.
 Впередъ отправился Маѣшка,
 Въ кустахъ проползъ онъ какъ черкесъ
 И осторожно, точно кошка,
 Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
 За нимъ Монго нашъ долговязый,
 Довольный этою проказой,
 Перевалился кое-какъ.
 «Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
 Теперь душа моя въ покоѣ,—
 Судьба окончить остальное!»

Облокотившись у окна,
 Межъ тѣмъ танцорка молодая
 Сидѣла дома и одна.
 Ей было скучно, и зѣвая
 Такъ тихо думала она:
 «Чудна судьба! о томъ ни слова!
 На матушкѣ моей чепецъ
 Фасона самаго дурнаго,
 И мой отецъ—простой кузнецъ.
 А я—на шелковомъ диванѣ
 Бѣмъ мармеладъ, пью шеколадъ;
 На сценѣ—знаю ужъ заранѣ,—
 Минѣ будеть хлопать третій рядъ.
 Теперь со мной плохія шутки!
 Меня сударыней зовутъ,
 И за меня три раза въ сутки
 Каналью-повара дерутъ!
 Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
 Ревнивъ, упрямъ, что пи толкуй,
 Не любить смѣха онъ, ни пѣсенъ,
 За то богатъ и глупъ. . . .
 Теперь не то, что было въ школѣ:
 Тѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
 И за обѣдомъ пью люнель.
 А въ школѣ... Боже!.. Воть мученье!
 Днемъ танцы, выправка, ученье,
 А ночью жесткая постель;
 Встаешь бывало утромъ рано,—
 Бренчить ужъ въ залѣ фортечно,
 Поють всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
 А тутъ сама, поднявши ногу,
 Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
 Флери хлопочеть, бьетъ тревогу...
 Но воть одиннадцатый часъ!
 Въ кареты всѣхъ сажаютъ нась.
 Тутъ у подъѣзда офицеры

Стоять вѣ въ рядъ, порою вѣ два.
 Какія милыя манеры!
 И все отборныя слова!
 Иныхъ улыбкой ободряешь,
 Другихъ брашишь и отгоняешь;
 За то, вернулись лишь домой,
 Директоръ поретъ на убой:
 Ни взглѣдъ не думай кинуть лишній,
 Ни слова ты сказать не смѣй:
 А самъ, прости ему Всевыпній,
 Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!..»

Но тутъ въ окно она взглянула,
 И чуть не брякнулась со стула:
 Предъ ней, какъ призракъ роковой,
 Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
 Готовый влѣзть почти въ окошко,
 Стоитъ Монго, за пимъ Маѣшка.
 —Что это значитъ, господа?
 И кто васъ звалъ приди сюда?
 Ворваться къ дѣвушкѣ безчестно!—
 «Намъ право это очень лестно!»
 —Я васъ прошу, подите прочь.—
 «Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
 Мы мчались, выбились изъ силы».
 —Вы неучи!—«Вы очень милы».
 —Чего хотите вы теперь,
 Ей Богу, я не понимаю.—
 «Мы просимъ только чашку чаю».
 —Панфишка! отвори имъ дверь!—
 Поклонъ отвѣшивши пренизко,
 Монго ей бросилъ нѣжный взоръ:
 Потомъ садится очень близко
 И продолжаетъ разговоръ:
 Сначала колкіе намеки,
 Воспоминанія, упреки,—
 Ну словомъ: весь любовный вздоръ.
 И нѣжный вздохъ, прилично томный,
 Шорхнулъ изъ груди молодой...

Маѣшка, другъ великодушный,
 Засѣль поодаль на диванъ,
 Угрюмъ, безмолвень, какъ султанъ.
 Чужое счастіе намъ скучно
 Какъ добродѣтельный романъ.
 Друзья! ужасное мученіе
 Быть на пиру
 Иль адъютантомъ на сраженьи
 При генералишкѣ гутомъ;
 Быть на парадѣ жалонеромъ
 Или на балѣ быть танцоромъ...
 Но хуже, хуже во сто разъ
 Встрѣтить огонь прелестныхъ глазъ
 И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ Монго горить и таетъ...
 Вдругъ самый пламенный пассажъ
 Зловѣшимъ стукомъ прерываетъ
 На дворъ влетѣвшій экипажъ,—
 Девятимѣстная коляска
 И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.
 Увы! печальная развязка!
 Неотразимый гнѣвъ боговъ!
 То былъ NN съ своею свитой:
 Степаномъ, Федоромъ, Никитой,
 Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ!
 Идуть, гремяты, орутъ,—содомъ!
 Всѣ пьяны, прямо изъ трактира...

Но нѣть! постой, умолкни лира!
 Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
 Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать!
 Въ истерикѣ младая дѣва:
 Какъ защититься ей отъ гнѣва?
 Куда гостей своихъ дѣвать?
 Подъ столъ въ комодъ, иль подъ кроватъ?
 Въ комодѣ мѣста нѣть и платью...
 Имъ остается лишь одно:
 Перекрестись прыгнуть въ окно.
 Но вмигъ проснулся духъ военный:
 Прыгъ, прыгъ,—и были таковы!..

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
 Когда, свершивъ побѣгу обидный
 Для самолюбія любви,
 Повѣсы на коней вскочили,
 И думы мрачныя свои
 Другъ другу вздохомъ сообщили.
 Дѣла печаль своихъ господъ,
 Ихъ кони съ рыси не сбивались:
 Упрямо убавляя ходъ,
 Они спотыкались,—
 И лѣнность ихъ преодолѣть
 Ни шпоры не могли, ни плеть.
 Когда же въ комнатѣ дежурной
 Они сошлися поутру,
 Воспоминанья почи бурной
 Прогнали краткую хандру.
 Тутъ много шутокъ, смѣху было;
 И право Пушкинъ нашъ не врѣть,
 Сказавъ: что день бѣды пройдетъ,
 А что пройдетъ, то будетъ мило!

Такъ повѣсть кончена моя,
 И я прощаюсь со стихами.
 А вы не можете-ль, друзья,
 Нравоученье сдѣлать сами.

Примѣчанія къ I и II томамъ.

Томъ первый:

1) *Ангел* (стр. 3). Сохранилось иѣсколько автографовъ этого, напечатанного еще при жизни Лермонтова, стихотворенія. Бѣловой авт. имѣется въ Лерм. Муз. (тетр. 15); но первоначальные наброски имѣются уже въ Ефремовской тетради (11 Лерм. М.) 1831 г., въ Саратовской (20 Лерм. М.) 1832 г., и въ альбомѣ Верещагиной, которойю и переданъ Сушковой-Хвостовой (см. «Записки»). Варьянты, приведенные подъ текстомъ, взяты: первый изъ XI т. (1831 г.), послѣдніе же изъ альб. Верещ. и изъ тетр. XX. Любопытно, что Лермонтовъ не почелъ возможнымъ помѣстить это превосходное стихотвореніе въ 1-е изд. 1840 года.

2) *Парусъ* (стр. 4). Въ письмѣ къ Лопухиной, которое неправильпо относимо было сначала къ 1841 и 1835 годамъ. Отдѣльный автографъ, съ котораго, вѣроятно, стихотв. и было напечатано въ «Отеч. Зап.» 1841 г., имѣется въ 15 тетр. Лерм. М. Въ этой тетради собраны автографы различныхъ, послѣднихъ лѣтъ жизни Лермонтова, стихотвореній, именно: «Русалка», «Умирающій гладіаторъ», «Два великаны», «Желаніе: Отворите мнѣ темницу», «Молитва: Я Матерь Божія», «Вѣтка Палестины», «Бородино», «Узникъ: Отворите мнѣ темницу», «Разстались мы, но твой портретъ», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Сосѣдъ», «Дума», часть «Журн., чит. и писателя», «Благодарность», «Сосна», «На свѣтскія цѣпи», «Есть рѣчи — значенье», «Отчизна (Родина)», «Послѣднее новоселье», «Илѣпій рыцарь» и «Договоръ». Многія изъ нихъ вошли въ первое, 1840 года, изданіе «Стихотвореній» (см. ниже). По этимъ автографамъ въ настоящемъ изданіи и сдѣланы исправленія, гдѣ это было нужно.

3) *Два великаны* (стр. 4). Стих. относилось въ предыдущихъ изданіяхъ къ 1836 году. Но оно, съ указанными подъ текстомъ незначительными варьантами, находится уже въ тетради 1832 года (20-я Лерм. М.), почему пами и отнесено къ 1832 году.

4) *Русалка* (стр. 5). Этими стихотв. начинаются въ настоящемъ изданіи стихотворенія, внесенные Лермонтовымъ въ первое и единственное при его жизни изданіе стихотвореній въ 1840 году. Въ него вошли только 28 стихотвореній: «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», «Бородино», «Узникъ», «Молитва (странника): Я Матерь Божія», «Дума», «Русалка», «Вѣтка Палестины», «Не вѣрь себѣ», «Еврейская мелодія: Скорѣй пѣвецъ», «Въ альбомѣ (изъ Байрона)», «Три пальмы», «Молитва: Въ минуту жизни трудную», «Дары Терека», «Памяти Одесского», «Первое января», «Казачья колыбельная пѣсня», «Журналистъ, читатель и писатель», «Воздушный корабль», «И скучно, и грустно», «Ребенку», «Отчего», «Благодарность», «Изъ Гёте: Горныя вершины», «Мцыри», «Когда волнуется желтѣющая нива», «Сосѣдъ», «Разстались мы, но твой портретъ» и «Тучи». Текстъ этого изданія, выходившаго подъ наблюдениемъ автора, долженъ считаться наиболѣе достовѣрнымъ и обязательнымъ; отступления отъ него въ настоящемъ изданіи всегда оговорены и допущены лишь тамъ, гдѣ разногласіе между рукописями и печатнымъ текстомъ объясняется не волею автора, а цензурными искаженіями и пизурными соображеніями издателей, а также простыми недосмотрами. Варьянты «Русалки» взяты изъ автографа въ 15 тетр. Л. Муз.

5) *Умирающій гладіаторъ* (стр. 7). Варьянтъ «яростной толпъ» вместо «знатнымъ и толпѣ», какъ въ рукописи, есть вѣроятно простое искашеніе Лермонтовскаго стиха. Въ рукописи же (15 тетр. Л. М.) ходятся и заключительныя строфы, приведенныя подъ текстомъ.

6) *Желаніе* (стр. 8) не можетъ быть рассматриваемо какъ первоначальная редакція стихотворенія «Узникъ» (стр. 16). Въ 15 т. Л. Муз. рукой Лермонтова они написаны, какъ независимыя стихотворенія. Первонач. наброски «Желанія» въ альб. Верещагиной (1831 г.) и въ тетр. 1832 года приведены подъ текстомъ. Автографъ «Желанія», равно какъ «Двухъ великановъ», «Гляжу на будущность съ боязнью», «Она поетъ и звуки таютъ» и «Какъ небеса твой взоръ блестаетъ» имются и въ Чертковской библіотекѣ.

7) *Молитва* (стр. 10). Въ рук. Л. Муз. „Молитва странника“. Въ первомъ ст. З-й стр. въ изд. 1840 года напечатано «душу достойную», вѣроятно по ошибкѣ. Въ Чертковской библіотекѣ на одномъ съ «Молитвою» листкѣ написаны также «Разстались мы, но твой портретъ» и «Ангель».

8) *Вѣтка Палестины* (стр. 11). По разсказу А. Н. Муравьеву, Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе въ 1837 году въ его образной, где были палестинскія пальмы, ожидая его съ вѣстями по дѣлу о стихотвореніи «На смерть Пушкина». Разсказъ не исключаетъ возможности того, что Лермонтовъ набросалъ на запискѣ Муравьеву произведеніе написанное прежде; на это указываетъ помѣтка стихотворенія въ изд. 1840 г. самимъ Лермонтовымъ,—1836-мъ годомъ.

9) *На смерть Пушкина* (стр. 12). Достовѣрнѣшайшая рукопись стихотворенія, ходившаго въ разныхъ спискахъ, находится при дѣлѣ о немъ, въ томъ видѣ, какъ оно печатается нами, но съ заглавіемъ «На смерть поэта». Эпиграфъ — изъ трагедіи Ротру «Венцеславъ», въ переводѣ Жандра, какъ это указано П. А. Ефремовымъ. Варьянты приводимъ только тѣ, которые входили въ текстъ прежнихъ изданій.

10) *Бородино* (стр. 14). Идея «Бородина», какъ впрочемъ и всего, что написалъ Лермонтовъ, выражена уже въ раннюю пору его поэтической дѣятельности; см. «Поле Бородина» (стр. 200), въ 1831 г.

11) *Казбеку* (стр. 18). Стих. отпосимо было къ маю 1841 года. Но Лермонтовъ, каждое стихотвореніе котораго непремѣнно связано съ дѣйствительными событиями и впечатлѣніями, ни въ 1841 году не ѿхалъ «на съверъ» мимо Казбека, ни даже въ 1840 году, когда онъ изъ Тифлиса проѣхалъ въ Крымъ моремъ. Очевидно стихотвореніе, полное живыхъ красокъ, говорящее о зноѣ и пыли, писано лѣтомъ 1837 года, когда Лермонтовъ ѿхалъ изъ Тифлиса по Военно-Грузинской дорогѣ. Тогда же, вѣроятно, написанъ и „*Кинжалъ*“ (стр. 18), автографъ котораго въ Чертковской библіотекѣ написанъ на одномъ листкѣ съ строфами изъ «Казначейши».

12) *Памяти А. И. Одоевскаю* (стр. 26). Поэтъ-декабристъ князь А. И. Одоевскій, по поводу написаннаго имъ въ 1836 году посланія къ отцу, представленнаго императору Николаю, возвращенъ бытъ изъ Сибири рядовымъ для выслуги на Кавказъ, где Лермонтовъ и познакомился съ нимъ. А. И. Одоевскій умеръ въ 1839 году, 15 августа, во время экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго моря, въ походной палаткѣ, отъ эпидемической горячки. Автографъ стихотворенія въ Чертков. библ., на одномъ листкѣ съ стихотв. «Мусиной-Пушкиной» и «Казотъ» (стр. 45 и 28).

13) *Поэтъ* (стр. 28). Автографъ безъ заголовка; написанъ на обратной сторонѣ черноваго наброска «Боярина Орши». Въ первоначальномъ видѣ стих. носить печать кавказскихъ воспоминаний: «Въ серебряныхъ ножнахъ блестаетъ мой кинжалъ,—Геурга стараго издѣлье;—Булатъ его хранить таинственный закатъ—Давно утраченное зелье...» и т. д. Геургъ — знаменитый тифлисскій оружейный мастеръ того времени. Вѣроятно, стих. написано раньше 1839 г.

14) *Ребенку* (стр. 30). Въ изданіи 1840 года стихотвореніе это помѣчено Лермонтовымъ 1840 годомъ, и относить его, какъ въ предыдущихъ изданіяхъ, къ 1838 г. мы не видимъ никакихъ основаній.

15) *Журн., чит. и писатель* (стр. 32). Варъянты, указанные подъ текстомъ, взяты изъ автографа въ 15 тетр. Лерм. Муз.

16) *Сосна* (стр. 40). Въ черновой рукописи, въ Публичной Библіотекѣ, стихотвореніе начинается словами: «На съверъ дальнемъ»; но въ двухъ бѣловыхъ автографахъ, въ 15 и 21 тетр. Л. Муз., написано: «На съверъ дикомъ». Первоначальный набросокъ, приведенный подъ текстомъ, находится въ альб. Лерм., въ Публичн. Библ.

17) *A. O. Смирновой* (стр. 43). Первоначальная редакція стихотворенія была напечатана въ «Библ. Зап.» 1858 г., а другой варъянтъ, не отдельный, г. Ефремовъ видѣлъ у М. И. Семевскаго.

18) *Валерикъ* (стр. 46). Черновой автографъ этого стихотворенія, напечатанного первоначально въ «Утр. Зарѣ» 1843 года весьма небрежно, находится въ Чертковской библіотекѣ, и точная копія съ него, сдѣланная Викторовымъ, — въ Лерм. Музѣ. И въ томъ, и въ другой не зачеркнуты четыре, почему-то процукаемые стиха: «Межь тѣмъ товарищей-друзей — Со вдохомъ возвѣ называли...» и т. д. (стр. 51 этого изд.). Нѣть въ автографѣ и стиха: «Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ», сообщеннаго П. А. Ефремову Ратынскимъ изъ экземпляра соч. Лермонтова, принадлежавшаго М. И. Донгинову; въ настоящемъ изданіи онъдержанъ, какъ вполнѣ умѣстный и дополняющій недостававшую рифму. «Валерикъ» написанъ не въ 1841 г., а въ 1840: сраженіе, послужившее для него фактическою основою, происходило 6 июня 1840 г., и въ письмѣ къ А. А. Лопухину отъ 12 сентября 1840 года Лермонтовъ говорить о немъ: «У насть были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. Насть было всего 2,000 пѣхоты, а ихъ до шести тысячъ, и все время дрались штыками. У насть убыло 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣль осталось на мѣстѣ. Кажется хорошо. Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью...» (см. статьи П. А. Висковатаго въ «Русск. Стар.» 1884 г., № 1, и «Истор. Вѣстн.» 1885 г., № 3).

19) *Любовь мертвца* (стр. 53). Въ Публ. Б. есть черновой автографъ этого стихотворенія, съ первоначальными заглавіями: «Новый мертвецъ» и «Живой мертвецъ», а въ Лерм. Музѣ есть бѣловая рукопись, съ первоначальнымъ, зачеркнутымъ заглавіемъ: «Влюбленный мертвецъ»; изъ нея пами и взять предпослѣдній стихъ, написанный рукою Лермонтова по зачеркнутому, печатавшемуся въ прежнихъ изданіяхъ.

20) *Есть рѣчи — значенье* (стр. 54). Стихотв. первоначально носило заглавіе: «Волшебные звуки». П. А. Висковатый высказалъ предположеніе, что помѣщенная нами подъ текстомъ редакція есть позднѣйшая, ссылаясь на разсказъ Панаева (въ «Воспоминаніяхъ»), что Лермонтовъ, не сладивъ со стихомъ «Изъ пламя и свѣта», разо-

рваль тотъ листокъ съ стихотвореніемъ, съ котораго Краевскій его напечаталъ. Бѣловой автографъ (15 тетр. Л. Муз.) не оправдываетъ этого разсказа.

21) *Отчизна* (стр. 57). Стихотвореніе печаталось подъ заглавіемъ *Родина*. Но въ автографѣ (15 тетр. Л. Муз.) съ котораго, нужно думать, и напечатано стихотвореніе въ «Отеч. Зап.» 1841 года, заглавіе *Отчизна*, ровно какъ и стихи читаются: «Ея полей (а не степей) холодное молчанье», «Ея лѣсовъ дремучихъ (а не безбрежныхъ) полыханье» и «И взоромъ медленно (а не медленныи)...»

22) *Послѣднее новоселье* (стр. 57). Черновой автогр. стих. въ Публ. Библіотекѣ. Но въ Лерм. М. (т. 15) есть бѣловая рукопись, писанная, едва-ли рукою Лермонтова, въ которой приведенные подъ текстомъ варианты зачеркнуты, а взамѣнъ написаны несомнѣнно рукою поэта соотвѣтствующіе стихи текста.

23) А. Г. Хомутовой (стр. 65). Написано по слѣдующему поводу. А. Г. Хомутова была двоюродная сестра поэта И. И. Козлова и съ дѣтства была съ нимъ очень дружна. Съ переѣздомъ Козлова въ Петербургъ они разстались надолго и встрѣтились уже въ концѣ 30-хъ годовъ, оба пожилые, и поэтъ уже слѣпымъ. Встрѣча эта чрезвычайно потрясла Козлова, и онъ написалъ стихотвореніе «Другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки», начинаящееся такъ: «О удалисъ!.. Поплуживаго—Въ томленьи горестномъ забудь...». А. Г. Хомутова, братъ которой, М. Г., командовалъ лейбъ-гусарскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ Лермонтовъ, показала послѣднему стихи Козлова. Лермонтовъ попросилъ ихъ на время и на другой день возвратилъ со своими. Эти обстоятельства, разсказанные въ «Рус. Арх.» 1866 года А. Хомутовымъ, указываютъ, что стихотвореніе Лермонтова едва-ли правильно относимо къ 1841 году, — оно написано, вѣроятно, раньше, въ концѣ 30-хъ годовъ.

24) *Споръ* (стр. 66—76). Это и вѣсѣ слѣдующія въ первой части стихотворенія отысканы въ книжкѣ (хранящейся теперь въ Публ. Библ.), подаренной Лермонтову передъ отѣзломъ изъ Петербурга кн. Вл. Фед. Одоевскимъ. На книжкѣ надпись: «Поэту Лермонтову дается сія моя старая и любимая книга съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ее самъ и всю исписанную». Подробное описание этой книжки, не представляющее однако особенного интереса, дѣлалось въ предыдущихъ изданіяхъ соч. Лермонтова. Достаточно сказать, что по книжкѣ виденъ весь процессъ созданія послѣднихъ стихотвореній Лермонтовыи: въ началѣ книжки написаны они первомъ, а если перевернуть другою стороною, то эти-же стихотворенія встрѣчаются написанными карандашемъ и не въ стройномъ порядкѣ, а разбитыми частями. Изъ нихъ *Споръ* напечатанъ при жизни автора, въ юпѣской книжкѣ «Москвитянина», но печатный текстъ его разнится отъ содержащагося въ книжкѣ. Такъ вмѣсто стиховъ: «Онъ настроить дымныхъ келій—По уступамъ горъ. — Въ глубинѣ твоихъ ушелій...» въ рукописи написаны: «Онъ настроить тѣсныхъ келій... Въ дымной мглы твоихъ ушелій...». Есть однако несомнѣнныя доказательства, что измѣненія сдѣланы самимъ авторомъ, и не могутъ быть приписаны прояволову издателей. Такъ слово «въ глубинѣ» зачеркнуто въ автографѣ, и предположить, что издатели, измѣния Лермонтовскія слова, попадали на тѣ, которыхъ онъ зачеркнулъ, было-бы слишкомъ рискованно.—Всѣ стихотворенія типографски выправлены нами по книжкѣ Одоевского, которая прочтена была раньше не всегда правильно. Такъ въ «Спорѣ»

рѣ» слова «въ дымной мглѣ» были прочтены въ дикой мглѣ; въ «Тамарѣ», въ строфи 7-й, 3-й стихъ былъ прочтенъ и печатался: «И дикие страшные звуки», тогда какъ нужно читать: «И дикие странные звуки»; въ «Выхожу одинъ я на дорогу», въ строфи 4-й, какъ и указано г. Болдаковымъ раньше, нужно читать «древали (а не дрожали, какъ печаталось) жизни силы...» и проч. Стих. «Дубовый листокъ» начиналось прежде словомъ: Зеленый, которое Лермонтовъ зачеркнулъ.

25) *Стихотворенія, часть вторая* (стр. 77). «Юношескія» стихотворенія Лермонтова, отъ 1828 по 1832 годъ, содержатся въ извѣстныхъ тетрадяхъ, нѣкогда, въ №№ 7 и 11 «Отеч. Зап.» 1859 г., не полно и не всегда вѣрно Дудышкинымъ описанныхъ и поставленныхъ въ извѣстномъ порядке, опредѣляющемъ хронологію произведеній. Такихъ тетрадей, сверхъ тѣхъ, въ которыхъ написаны поэмы «Черкесы», «Кавказскій пѣнникъ» и «Корсаръ», и драмы 1830 и 1831 гг., извѣстно одиннадцать: Солоницкаго (теперь у Тихоправова), въ Л. Муз. 9 отъ Краевскаго, одна отъ Ефремова и одна недавно найденная, такъ называемая Саратовская. П. А. Висковатый возбудилъ вопросъ о томъ, правильно-ли Дудышкинъ опредѣлилъ порядокъ тетрадей и предложилъ новую ихъ нумерацию. По нашему мнѣнію, вопросъ этотъ долженъ решаться иначе. Помѣтка такъ называемой *второй* тетради Краевскаго (нумерацией совпадаетъ съ пумерацией Лерм. Музея), сдѣланная самимъ Лермонтовымъ, относить ее къ 1829 году, тетрадь-же Солоницкаго предшествуетъ ей, чему доказательствомъ можетъ служить то, что набѣло переписанныя въ ней стихотворенія (какъ напр. «Дамонъ, нашъ врачъ»), во вторую тетрадь внесены совершенно такъ же, но потомъ частію зачеркнуты и передѣланы. Даже поверхностное изученіе тетрадей 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й должно-бы приводить къ тому выводу, что всѣ онъ сдѣланы изъ одной и той-же бумаги и, вѣроятно, одновременно, съ различными назначеніемъ. Особенно характерна 8-я тетрадь. Теперь она сложена неправильно: начинается стихотвореніями, помѣченными августомъ и октябремъ 1830 г., имѣть въ серединѣ прозаические переводы изъ Байрона («Мракъ, тьма») и оканчивается стихотвореніями отъ июня 1830 года; но если откинуть нѣсколько листковъ, до переводовъ къ концу тетради, то окажется, что стихотворенія распределются хронологически, оставя впереди переводы, для которыхъ она и сдѣлана, очевидно. Другія тетради, нужно думать, назначались: одна (5-я) для «Джулю», другая (10-я) для драмы «Странный человѣкъ», третья (6-я) для стихотвореній и т. д. Но Лермонтовъ, конечно, скоро перемѣщалъ тетради, впослѣдствіи напр. сцены изъ «Демона» въ тетрадь стихотвореній, а стихотворенія въ ту тетрадь, которая попадалась подъ руку. Едва ли можно сомнѣваться, что дѣло происходило именно такъ; и такимъ образомъ хронологія опредѣляется только помѣтками Лермонтова, хотя нужно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда Лермонтовъ вносилъ раньше написанное, быть можетъ на ключкѣ бумаги, стихотвореніе и помѣткой указывалъ именно это. Помѣтки въ тетр. 10 и 11 прямо указываютъ на 1831 годъ, а 20-я тетр. Л. М. (Саратовская) съ 118 стих., изъ которыхъ только послѣднія (съ № 105) писаны рукою Лермонтова, имѣла цѣлую выборку изъ тетрадей, причемъ выборка совсѣмъ не дѣлалась въ хронологическомъ порядке, какъ думали г. Висковатый и г. Болдаковъ, что доказывается уже тѣмъ, что стихотворенія 11-й тетради (1831 года) предшествуютъ въ ней стихотвореніямъ изъ тетр. 4-й (1830 года); стихотворенія-же на-

писаныя Лермонтовской рукой, нужно думать, относятся къ 1832 году. Въ вышеизложенномъ—вкратцѣ основанія, руководившія нами при опредѣленіи хронологіи юношескихъ стихотвореній Лермонтова.

26) *Веселый часъ* (стр. 87). Послѣ третьаго стиха въ рукописи слѣдуетъ: «Не плачьте, не грустите...»

27) *Къ Нинѣ* (стр. 96). Ст. 2-й въ Гербелевскихъ изданіяхъ Шиллера читается «Счастье прошло (а не скромнало) мечта». По нашему мнѣнію, такое чтеніе неяснаго слова этого правильнѣе.

28) *Евр. мелодія* (стр. 153). Автограф. въ тетр. 6-й и 20-й. Первый стихъ печатался «Я видалъ иного да...» изъ альбома Верещагиной.

29) *Въ тьснинѣ Кавказа...* (стр. 157). Въ рукоп., въ Шуб. Б. надъ стих. надпись: «Mlle Souchkoff. Крестъ на скалѣ.»

30) *Моя мольба* (стр. 176). Авт. въ 6-й тетр. Первый стихъ печатался «Избави Богъ отъ лѣтнихъ мушекъ», по другому списку.

31) *Мой демонъ* (стр. 239) сходно съ стихотв. съ тѣмъ же заглавіемъ (стр. 104) только первою строфою...

32) *Забудь опять* (стр. 247). Стих. имѣеть въ рукописи заглавіе: *Къ другу.*

33) *Я жить хочу* (стр. 261) безъ послѣдней строфы и слѣдующія пять стихотвореній взяты изъ писемъ Лермонтова. Первое, впрочемъ, находится вполнѣ въ 20 тетр.

34) *A. A. Θ... ву* (стр. 270). Есть даннаяя полагать, что стих. написано по просьбѣ Шань-Гирея въ 1836 году, когда тотъ былъ въ юнкерск. школѣ, гдѣ Θ... въ возбуждалъ ненависть юнкеровъ, и что Шань-Гирею принадлежать и рѣзкіе эпитеты.

35) *Лимейной рукой...* (стр. 275). По мнѣнію проф. В. Д. Смирнова, печатавшіяся прежде слова: «кангаръ» и «тукусъ» не имѣютъ смысла, и Лермонтовъ, вѣроятно, паписаль (что и согласно съ начертаніемъ словъ въ рукописи, въ кп. Одоевского): «капгаръ» (кап-кара—очень черный) и «тупдусъ» (туп-дусъ—очень гладкий).

36) *Югельскій баронъ* (279). Шутка написана по поводу выхода замужъ А. М. Верещагиной за бар. Гюгель, Вюртембергскаго посланника; напеч. въ кн. «Для избранныхъ. Стих. В. Аппенковой» (ей принадлежить, по ея собственному признанію, только конецъ стих.). М. 1884.

Томъ второй:

1) *Пѣсня про царя Ив. Васильевича* (стр. 3 — 15), напечатанная вполнѣ въ «Лит. Приб. къ Рус. Инвал.» 1838 года, въ изд. 1840 года появилась съ характернымъ сокращеніемъ. Именно были выкинуты 4 стиха, описывающіе гнѣвъ царя Ив. Васильевича.

2) *Демонъ* (стр. 16—74). Какъ известно, до насъ не дошло рукописи «Демона», писанной рукою Лермонтова, но за то дошло множество списковъ, болѣе или менѣе искажающихъ знаменитую поэму. Мы подробно ознакомились съ хранящимися въ Лерм. Музѣ спиками Краевскаго, корректурой его-же, Квиста, Шульца, Зотова, заѣмъ съ печатными списками: Висковатова 1838 и его-же 1840 — 41 (по его докладу въ Литературномъ Обществѣ), съ заграничными изданіями вообще и особенно съ изданіями въ Карлсруз 1856 и 1857 годовъ. Въ юношескихъ тетрадяхъ находятся первоначальные наброски поэмы 1829, 1830 и 1831 годовъ; далѣе имѣется тождественный со вторымъ очеркомъ списокъ Де-Бильерь, съ незначительными варьантами и вставкою отдельно написанныхъ мѣстъ; наконецъ, представляющей его дальнѣйшую обработку Ульяновскій — Булгаковскій списокъ. Критическое сличеніе списковъ даетъ довольно полную картину

постепенного создания «Демона». Первые очерки, какъ писанные самимъ Лермонтовымъ, особенно цѣны, и мы ихъ помѣщаемъ непосредственно послѣ главного текста, причемъ 4-мъ очеркомъ ставимъ списокъ друга Лермонтова, Булгакова, чрезвычайно характерный. Во всѣхъ этихъ очеркахъ дѣйствіе происходитъ при морѣ, по г. Висковатому и Шань-Гирею—въ Испаніи, и о Кавказѣ нѣть и рѣчи. Позднѣйшіе списки совершенно отличаются отъ первоначальныхъ, перенося дѣйствіе въ горы Кавказа, и все названные нами выше списки имѣютъ признаки происхожденія позднѣе списка Висковатовскаго 1838 года. Списокъ Зотовскій, въ прошлыхъ изданіяхъ Лермонтова игравшій роль «Четвертаго очерка», представляетъ собою совершенно лишенную смысла смѣсь списковъ двухъ эпохъ. Остальные списки въ существенномъ довольно сходны. Изъ всѣхъ ихъ наиболѣе достовѣренъ Карлсруйскій списокъ изд. 1856 г., въ которомъ, помимо указаній издателей, есть ясные признаки того, что онъ писанъ рукою Лермонтова, подкрепляемые показаніемъ Шань-Гирея («Рус. Обозр.» 1890 г., августъ). Но многое въ изд. 1856 года было плохо разобрано, а въ изданіе 1857 г. введены уже добавленія, очевидно изъ другихъ источниковъ, напр. разговоръ Тамары и Демона о томъ, что «Богъ занять небомъ, не землей» и проч. Что касается до списка 1840—41, найденнаго П. А. Висковатовымъ, то мы не думаемъ, чтобы Лермонтовъ могъ написать такие, палпим., странные стихи, какъ:—«Подъ чарой ясной благостины— Я счастье лучшихъ дней ловлю...» Въ основаніе текста «Демона» въ настоящемъ изданіи положено изданіе Карлсруйскаго 1857 года, но привѣренное по изд. 1856 г. и освобожденное отъ добавленій. Нужно ли читать въ изв. стихъ: «Столпообразныи руины» или, по г. Висковатому, рацины—остается вопросомъ. Хотя въ нѣсколькихъ рукописяхъ стоитъ слово рации, но въ рисункахъ кавказскихъ видовъ (напр. № 15 въ Л. М.). Лермонтовъ постоянно выражаетъ свои представленія, изображая столпообразныи руины надъ «звонкобѣгущими ручьями», но не тополи.

3) *Мцыри* (стр. 74—94). Черн. автографъ подъ заглав. «Бэри» (т. 13-я Л. М.), изъ которого брались варьянты, рѣвно какъ и конецъ XXV гл. (выпущенный въ изд. 1840 г.), не особенно тѣательно былъ до сихъ поръ прочитанъ. Въ варьянтѣ на стр. 88, вмѣсто «Неутолимою тоской», печаталось «Неизъяснимомъ», а вмѣсто До сей минуты—
Но сей мучитель... и т. п.

4) *Былецъ* (стр. 101). Вновь привѣренъ по рукописи. Стихъ на стр. 102: «Селимъ пришельца не узналъ», вмѣсто печатавшагося «Старикъ пришельца...» взятъ изъ нея; вѣроятнѣе, что черкесъ—«младшій сынъ» «называлъ другимъ»—не старика...

5) Поэмы *Литвинка* (стр. 105), *Каллы* (141), *Ауль Гастунджи* (145), *Сашка* (252), опубликованныя П. А. Висковатовымъ, привѣрены нами по тѣмъ самымъ рукописямъ (или копіямъ съ нихъ), на которыхъ онъ самъ указываетъ. Оказались значительныя отступленія отъ рукописей, и мы по нимъ восстановили текстъ. Текстъ *Исповѣди* (117) привѣренъ по автографу (С. А. Эллісъ); главы, опубликованныя П. А. Висковатовымъ съ неизвѣстной рукописи, напечатаны нами въ скобкахъ.

6) *Ангелъ смерти* (стр. 128) напечатанъ нами по автографу въ 11-й тетр. Л. М. Прежде поэма печаталась съ заграницнаго издавлія сдѣланнаго по списку Верещагиной, съ незначительными варьантами.

7) *Бояринъ Орша* (226). Авторъ, мало отличные другъ отъ друга, хранятся одинъ въ Л. М. въ другомъ. Публ. Библ.

Оглавленіе I и II томовъ.

Предисловіе
М. Ю. Лермонтовъ. Біографіческій очеркъ III—XIV

Томъ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1831.	Ангель. «По небу полуночи ангель летѣль»	3
1832.	Парусъ. «Бѣлѣеть парусъ одинокой»	4
	Два великаны. «Въ шапкѣ золота»	—
1836.	Русалка. «Русалка плыла по рѣкѣ голубой»	5
	Еврейская мелодія. (Изъ Байрона). «Душа моя мрачна»	6
	Въ альбомъ. (Изъ Байрона). «Какъ одинокая гробница»	—
	Умирающій гладіаторъ. «Ликуетъ буйный Римъ»	7
	Желаніе. «Отворите мнѣ темницу»	8
	«Гляжу на будущность съ боязною»	9
	«Она поетъ—и звуки таютъ»	—
	«Какъ небеса, твой взоръ блестаетъ»	10
	Молитва (страницы). «Я, Матерь Божія»	—
	Вѣтка Палестины. «Скажи мнѣ, вѣтка Палестины»	11
1837.	На смерть Пушкина. «Погибъ поэтъ»	12
	Бородино. «Скажи-ка, дядя»	14
	Узникъ. «Отворите мнѣ темницу»	16
	«Разстались мы, но твой портретъ»	17
	«Когда волнуется желтѣющая нива»	—
	Сосѣдъ. «Кто бъ ни былъ ты»	18
	Казбеку. «Спѣша на сѣверъ изъ-далека»	—
	Кинжалъ. «Люблю тебя, булатный мой»	19
1838.	Дума. «Печально я гляжу на наше поколѣніе»	20
1839.	Молитва. «Въ минуту жизни трудную»	21
	Три пальмы. «Въ песчаныхъ степяхъ»	—
	Дары Терека. «Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ»	23
	Не вѣрь себѣ.	25
	Памяти А. И. Одоевскаго. «Я зналъ его»	26
	Казотъ. «На буйномъ пиршествѣ»	28
	Поэтъ. «Отдѣлкой золотой блестаетъ мой кинжалъ»	—

1840.	Первое января. «Какъ часто, пестрою толпою»	29
	Ребенку. «О грезахъ юности томимъ»	30
	Казачья колыбельная пѣсня. «Спи, младенецъ»	31
	Журналистъ, читатель и писатель	32
	Воздушный корабль. «По синимъ волнамъ»	37
	И скучно, и грустно	39
	Отчего. «Мнѣ грустно, потому что я тебя»	—
	Благодарность. «За все, за все Тебя благодарю»	—
	Изъ Гете. «Горныя вершины»	40
	Тучи. «Тучки небесныя, вѣчные странники»	—
	Сосна. «На сѣверѣ дикомъ»	—
	Кн. М. А. Щербатовой. «На свѣтскія дѣпи»	41
	Посвященіе къ поэмѣ «Демонъ». «Тебѣ, Кавказъ»	42
	А. О. Смирновой. «Безъ васъ хочу»	—
	Къ портрету гр. А. К. Воронцовой-Дашковой. «Какъ мальчикъ кудрявый»	43
	М. П. Соломирской. «Надъ бездной адскою»	44
	Въ альбомъ автору «Курдюковой». (Ив. Петр. Мятлеву)	—
	Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной. «Графиня Эмилия» .	45
	Изъ альбома С. Н. Карамзиной. «Любиль и я»	—
	Гр. Ростопчиной. «Я вѣрю: подъ одной звѣздою»	—
	«Слышу ли голосъ твой»	46
	Валерикъ	—
	Любовь мертвѣца. «Пускай холодно землею»	53
1841.	«Есть рѣчи—значенье»	54
	Завѣщаніе. «Наединѣ съ тобою, братъ»	55
	Оправданіе. «Когда одни воспоминанья»	56
	Отчизна (Родина). «Люблю отчизну я»	57
	Послѣднее новоселье	—
	Плѣнnyй рыцарь. «Молча сижу подъ окошкомъ»	59
	Сосѣдка. «Не дождаться мнѣ видно свободы»	60
	Договоръ. «Пускай толпа клеймить»	61
	«Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою»	—
	«Изъ-подъ таинственной холодной полумаски»	62
	«Не плачь, не плачь, мое дитя»	—
	«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима» .	63
	«Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналь»	64
	«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою»	—
	Видъ горъ изъ степей Козлова	65
	А. Г. Хомутовой. «Слѣпецъ, страданье вдохновенный»	—
	Споръ. «Какъ-то разъ, передъ толпою»	66
	Сонъ. «Въ полдневный жарь, въ долинѣ Дагестана» .	68
	Утесь. «Ночевала тучка золотая»	69
	(Изъ Гейне). «Они любили другъ друга»	—
	Тамара. «Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла»	70
	Свиданіе. «Ужъ за горой дремучею»	71
	«Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой» .	73
	«Нѣть, не тебя такъ пылко я люблю»	74
	«Выхожу одинъ я на дорогу»	—
	Морская царевна. «Въ морѣ царевичъ»	75
	Пророкъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія»	76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1828.	Осень. «Листья въ полѣ пожелтѣли»	77
	Заблуждѣніе купидона. «Однажды женишины»	—
	Цѣвница. «На склонѣ горъ, близъ водь»	78
	Поэтъ. «Когда Рафаэль вдохновенный»	—
1829.	Къ друзьямъ. «Я рожденъ съ душою пылкои»	79
	Къ Пу . . . ну. «Забудь, любезный П . . . нъ»	—
	Къ Д . . . ву. «Я пробѣгалъ страны Россіи»	80
	Портреты: «Онъ не красивъ, онъ не высокъ»	—
	«Довольно толстъ, довольно тучень»	81
	«Лукавъ, завистливъ, золь и страшень»	—
	«Все въ мірѣ суeta, онъ мнить, или отрава»	—
	«Всегда онъ съ улыбкой веселой»	—
	«Онъ любимецъ мягкой лѣни»	—
	Преступникъ. «Скажи намъ, атаманъ честной»	82
	Посвященіе NN. «Вотъ, другъ, плоды»	86
	Пиръ. «Приди ко мнѣ, любезный другъ»	87
	Веселый часъ. «Зачѣмъ вы на меня»	—
	Эпиграмма. «Дуракъ и старая кокетка»	88
	Мадrigаль. «Душа тѣлесна»	—
	Романсъ. «Коварной жизнью недовольный»	89
	Къ генію. «Когда во тьмѣ ночей»	—
	Покаяніе. «Я пришла, святой отецъ»	90
	Письмо. «Свѣча горитъ. Дрожащею рукою»	92
	Война. «Затѣялась, друзья мои, война»	93
	Русская мелодія. «Въ умѣ своемъ я создаль»	—
	Пѣсня. «Свѣтлый призракъ дней минувшихъ»	94
	Къ А. С. «Не привлекай меня красотой»	—
	Романсъ (Дурнову). «Невинный нѣжною душою»	95
	Три вѣдмы (изъ Макбета. Фр. Шиллера)	—
	Къ Нинѣ (изъ Шиллера). «Ахъ! сокрылась»	96
	Къ NN. «Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока»	97
	Эпиграммы: «Есть люди странные»	—
	«Тотъ самый человѣкъ пустой»	—
	«Поэтомъ (хоть и это бремя)»	98
	(Г-ну П...). «Аминь твой на глупца походить»	—
	«Стыдить лжеца, шутить надъ дура- комъ»	—
	«Дамонъ, пашъ врачъ, о другъ просле- зился»	—
	Къ Грузинову. «Скажу, любезный мой приятель»	—
	Наполеонъ. «Гдѣ бѣть волна о брегѣ высокій»	100
	Пань. «Люблю, друзья, когда за рѣчкой»	—
	Жалобы турка. «Ты зналь-ли дикий край»	—
	Къ NN***. «Не играй моей тоской»	101
	Черкешенка. «Я видѣлъ васъ, холмы и нивы»	—
	Отвѣтъ. «Кто муки знать когда-нибудь»	102
	Два сокола. «Степь, синѣя, разстилалась»	—
	Грузинская пѣсня. «Жила грузинка молодая»	103
	Мой демонъ. «Собранье золь—его стихія»	104
	Жена Сѣвера. «Покрыта таинствъ легкой сѣткой»	—
	Къ другу. «Взлѣянный на лонѣ вдохновенія»	105

Цыганы. (Опера)	106
Элегия. «О, еслибъ дни мои текли»	107
«Забывши волненія жизни мятежной»	—
Къ ***. «Глядися чаще въ зеркала»	—
Въ день рождения N.N. «Чего тебѣ, мой милый»	108
Къ ***. «Мы снова встрѣтились съ тобой»	—
Монологъ. «Повѣрь, ничтожество есть благо»	—
Встрѣча (изъ Шиллера). «Она одна межъ дѣвъ»	109
Баллада. «Надъ моремъ красавица-дѣва»	—
Перчатка (изъ Шиллера). «Вельможи толпою»	110
Дитя въ лукѣ (изъ Шиллера). «Счастливъ ребенокъ»	111
Къ *** (изъ Шиллера). «Дѣлись со мною тѣмъ»	—
Молитва. «Не обвиняй меня, Всесильный»	112
Олегъ	—
Два брата (поэма). «Ахъ, братъ! ахъ, братъ!»	115
Венеция. «Поверхностью морей отражена»	117
1830.	
«Когда послѣднее мгновенье»	118
«Я не для ангеловъ и рая»	—
Портрѣтъ. «Взгляни на этотъ ликъ»	119
«Настанетъ день—и міромъ осужденный»	—
К. Д. «Будь со мною, какъ прежде бывала»	120
Пѣсня. «Желтый листъ о стебель бѣется»	—
Къ Нэрѣ. «Скажи, для чего передъ нами»	121
Мстиславъ (монологъ). «Три ночи я провелъ»	—
Силуэтъ. «Есть у меня твой силуэтъ»	124
«Какъ духъ отчаянья и зла»	—
«Я не люблю тебя! страстей»	—
П. Ф. И. «Дай Богъ, чтобы вѣчно вы не знали»	125
Бухариной. «Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра»	—
Трубецкому. «Нѣть! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ»	—
Г. Павлову. «Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтъ?»	—
Алябьевой. «Вамъ красота, чтобы блеснуть»	126
Л. Нарышкиной. «Всѣмъ жалко вѣсть»	—
Толстой. «Не даромъ она, не даромъ»	—
Бартеневской. «Скажи мнѣ, гдѣ переняла»	—
Мартыновой. «Когда спорить вамъ придется»	127
Додо. «Умѣешь ты сердца тревожить»	—
Башилову. «Вы старшина собранья вѣрно»	—
Крапоткиной. «Я оклеветанъ передъ вами»	128
Щербатовой. «Повѣрю-ль я, чтобы вы хотѣли»	—
Булгакову. «На вздоръ и шалости ты хватъ»	—
Сабуровой. «Какъ! вы поэта огорчили»	—
Уваровой. «Вы мнѣ однажды говорили»	129
«Вы не зневали-ль князь Петра?»	—
Н. Н. Арсеньеву. «Дай Богъ, чтобы ты»	—
«Люблю я цѣли синихъ горъ»	130
Солнце. «Какъ солнце зимнее прекрасно»	131
«Я счастливъ: тайный ядъ течеть въ моей крови»	—
Прощанье. «Не уѣзжай, лезгинецъ молодой»	—
«Она была прекрасна, какъ мечта»	132
«Время сердцу быть въ покой»	—
«Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой»	133
«Девятый часъ, ужъ темно. Близъ заставы»	134

«Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень»	136
Къ ***. «Я не уніжусь предъ тобою»	—
«Какъ лучъ зари, какъ розы Леля»	137
«Синія горы Кавказа, привѣтствуя вась!»	138
Романсъ. «Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ»	—
Прелестница. «Цускай ханжи глядѣть»	139
«Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей»	—
«Had we never loved so kindly»	140
Эпитафія. «Прости! увидимся-ль мы снова?»	—
«Измученный тоскою и недугомъ»	141
Кавказъ. «Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней»	—
«Не говори: однимъ высокимъ»	142
Опасеніе. «Страшись любви: она пройдетъ»	—
Стансы. «Люблю, когда, борясь съ душою»	143
Н. Ф. Ивой. «Любиль съ начала жизни я»	—
Ночь I. «Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я»	144
Разлука. «Я виноватъ передъ тобою»	146
Ночь II. «Погаснулъ день! И тьма ночная»	—
«Въ старинны годы жили-были»	148
Незабудка (сказка). «Въ старинны годы люди»	—
Совѣтъ. «Если, другъ, тебѣ сгрустнется»	150
Одиночество. «Какъ страшно жизни сей оковы»	151
Въ альбомъ. «Прими, хотя и безъ вниманья»	—
«Нѣтъ, я не требую вниманья»	—
Гроза. «Реветь гроза, дымятся тучи»	152
Звѣзда. «Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда»	153
Еврейская мелодія. «Видали-ль когда, какъ»	—
Вечеръ послѣ дождя. «Гляжу въ окно»	—
Наполеонъ (дума). «Въ невѣрный часъ»	154
Эпитафія Наполеону. «Да тѣнь твою никто»	155
Къ глупой красавице. «Тобой плѣняться издали»	—
Очи NN. «Нѣтъ смерти здѣсь!»	156
Кавказу. «Кавказ! далекая страна!»	—
Утро на Кавказѣ. «Свѣтасть. Вѣтется дикой пеленою»	—
«Въ тѣснинѣ Кавказа» (Крестъ на скалѣ)	157
Стансы. «Я не крушусь о быломъ»	—
«Прости, мой другъ!.. Какъ призракъ, я лечу»	158
Челнокъ. «Воеть вѣтъ и свистить»	—
(Отрывокъ). «На жизнь надѣяться страшась»	159
1830 года мая 16 дня. (Предчувствіе). «Боюсь не смерти я»	161
1830 года юля 15-го. «Зачѣмъ семьи родной»	162
Черноокой. «Вблизи тебя до этихъ поръ»	163
Благодарю. «Благодарю!.. Вчера мое признанье»	—
Въ Воскресенскѣ. I. «Оставленная пустынъ предо мной»	164
II. «Предъ мной готическое зданье»	—
10-е юля 1830 г. «Опять вы, гордые, возстали»	165
Парижъ 30 юля 1830 г. «Ты могъ быть лучшимъ королемъ»	—
Чума въ Саратовѣ. «Чума явилась въ нашъ предѣль»	166
Чума. «Два человѣка въ этотъ страшный годъ»	167
«Плачь, плачь, Израиля народъ!»	168
«У вратъ обители святой» (Ниццій.)	—

Къ . . . «Не говори,— я трусь, глупецъ!..» . . .	169
Стансы. «Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ» . . .	—
Ночь III. «Темно. Все спить»	170
Ночь IV. «Одинъ я въ тишинѣ ночной»	—
Къ «Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ»	171
Прости (изъ Байрона). «Прости! Коль могутъ»	172
Элегія. «Дробись, дробись, волна ночная»	—
Эпітафія. «Простосердечный сынъ свободы»	173
Гробъ Оссіана. «Подъ занавѣсю тумана»	174
Sentenz. «Когда бы могъ весь свѣтъ узнать»	—
Посвященіе. «Прими, прими мой грустный трудъ»	—
Кладбище. «Вчера до самой ночи просидѣлъ»	175
Посвященіе. «Тебѣ я нѣкогда ввѣряль»	—
Моя мольба. «Да охраняюся я отъ мушекъ»	176
Экспромтъ. «Три граціи считались»	—
Весна. «Когда весной разбитый ледъ»	—
Гость. «Какъ пришелъ иношлеменный»	—
Къ ***. «Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья»	177
Эпітафія (утонувшему игроку). «Кто яму для друзій»	178
Дереву. «Давно-ли съ зеленью радушной»	—
Предсказаніе. «Настанетъ годъ, Россіи черный годъ»	179
«Все тихо. Полная луна»	—
Булеварь. «Съ минуту лишь съ бульвара»	—
Пѣснь Барда. «Я долго былъ въ чужой странѣ»	182
«Когда къ тебѣ молвы разскажь»	183
«Передо мной лежитъ листокъ»	—
«Свершилось! полно ожидать»	—
«И такъ, прощай! Впервые этотъ звукъ»	184
Глупой красавицѣ. «Амуръ спросилъ меня»	—
Могила бойца. «Онъ спить послѣднимъ сномъ»	—
Смерть. «Закатъ горить огнестой полосою»	185
«Сыны снѣговъ, сыны славянъ». (Новгородъ, 13 октября 1830 года)	—
Баллада. «Въ избушкѣ позднею порою»	186
«Нерѣдко люди и бранили»	187
Романсъ. «Въ тѣ дни, когда ужъ нѣть надеждъ»	—
Отрывокъ. «Примѣти въ юной дѣвицы грудь»	—
Баллада (изъ Байрона). «Берегись! берегись!»	188
«Вверху одна горить звѣзда»	—
Раскаяніе. «Къ чemu мятежное роптанье»	189
«Случалось, съ вихремъ и грозой»	190
«Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала»	—
Подражаніе Байрону. «Не смѣйся, другъ»	—
Къ Дурнову. «Довольно любить я»	191
Арфа. «Когда зеленый дернъ мой скроеть прахъ»	—
«На темной скалѣ надъ шумящимъ Диѣпромъ»	—
Пѣсня. «Что въ полѣ за пыль пылить»	192
Пѣсня. «Не знаю, обмануть-ли былъ я»	193
Пиръ Асмодея (сатира). «У бѣса праздникъ»	—
Сонъ. «Я видѣлъ сонъ. Прохладный гаснулъ день»	195
На картину Рембрандта. «Ты понимаешь»	196

Къ ***. «О, полно извинять развраты!»	196
Прощанье. «Прости, прости!»	197
Къ приятелю. «Мой другъ, не плачь передъ разлукой»	—
Смерть. «Оборвана щѣль жизни молодой»	198
Волны и люди. «Волны катятся одна за другою»	199
Звуки. «Что за звуки! Неподвиженье внемлю»	—
Однинадцатаго іюля. «Между лиловыхъ облаковъ»	—
Первая любовь. «Въ ребячествѣ моемъ»	200
Поле Бородина. «Всю ночь у пушекъ»	—
Мой домъ. «Мой домъ вездѣ, гдѣ есть»	202
Смерть. «Ласкаемый цвѣтующими мечтами»	—
Стансы. «Мнѣ любить до могилы»	205
Тройка. «Луна привѣтно такъ сияла»	206
1831. 1831, января. «Рѣдѣютъ блѣдные туманы»	207
Въ альбомъ Н. И. Поливанову. «Послушай, вспомни обо мнѣ»	—
Гость. «Кларису юноша любилъ»	—
Завѣщаніе. «Есть мѣсто: близъ тропы глухой»	209
«Сижу я въ комнатѣ старинной»	210
Къ ***. «Всевышній произнесъ свой приговоръ»	—
Желаніе. «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной»	211
Къ дѣвѣ небесной. «Когда бы встрѣтилъ я въ раю»	212
Св. Елена. «Почтимъ привѣтомъ островъ»	—
Къ другу В. Ш. «До лучшихъ дней»	213
Романсъ. «Хоть бѣгутъ по струнамъ»	—
1831 года, іюня 11-го. «Моя душа, я помню»	214
7-го августа. «Блистая, пробѣгаютъ облака»	220
Атаманъ. «Горе тебѣ, городъ Казань!»	221
Надежда. «Есть итичка рай у меня»	222
Исповѣдь. «Я вѣрю, обѣщаю вѣрить»	223
Чаша жизни. «Мы пьемъ изъ чаши бытія»	224
Къ Л***. «У ногъ другихъ не забываль»	—
Къ Н. И «Я не достоинъ, можетъ быть»	225
Воля. «Моя мать—злая кручина»	226
Сентября 28-го. «Опять, опять я видѣлъ взоръ»	—
Къ ***. «Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ»	227
«Прекрасны вы, поля въ землѣ моей родной»	228
Солнце осени. «Люблю я солнце осени»	—
Потокъ. «Источникъ страсти есть во мнѣ»	—
Къ ***. «Не ты, но судьба виновата была»	229
Ночь. «Въ чугунѣ печальный сторожъ бѣть»	230
Къ себѣ. «Какъ я хотѣлъ себя увѣрить»	—
«Душа моя должна прожить въ земной неволѣ»	231
Пѣсня. «Колоколь стонеть»	—
«Пускай поэта обвиняетъ»	232
Слава. «Къ чему ищу такъ славы я?»	—
Вечеръ. «Когда садится алый день»	233
«Унылый колокола звонъ»	—
«Хоть давно измѣнила мнѣ радость»	234
Русская пѣсня. «Клоками бѣлый снѣгъ»	235
Звуки и взоръ. «О, полно ударять рукой»	—
Земля и небо. «Какъ землю намъ больше небесъ»	—
Къ ***. «Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта»	236

Изъ Андрея Шенье. «За дѣло общее, быть-можеть».	236
Къ ***. «Не медли въ дальней сторонѣ».	237
Сосѣдь. «Погаснулъ день»	—
Стансы. «Не могу на родинѣ томиться»	238
Мой демонъ. «Собранье золъ его стихія»	239
«Метель шумить и снѣгъ валить»	240
Пѣсня. «Ликуйте, друзья, ставьте чаши»	—
Небо и звѣзды. «Чисто вечернее небо»	—
«Когда-бѣль въ покорности незнанья»	241
Къ кн. Л. Г—ой. «Когда ты холодно внимаешь»	—
«Кто видѣлъ Кремль въ чась утра золотой»	242
«Я видѣлъ тѣнь блаженства»	—
Къ ***. «О, не скрывай! Ты плакала объ немъ»	243
«Кто въ утро зимнее, когда валить»	—
«Ты слишкомъ для невинности мила»	244
Стансы къ Д***. «Я не могу ни произнестъ»	—
«Ужасная судьба отца и сына»	246
Стансы. «Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ»	—
Къ другу. «Забудь опять свои надежды»	247
«Пора уснуть послѣднимъ сномъ»	248
Изъ Паткуля. «Напрасна враговъ ядовитая злоба»	—
«Нѣть, я не Байронъ, я другой»	—
Романсъ. «Ты идешь на поле битвы»	—
Сонетъ. «Я памятью живу съ увядшими мечтами»	249
«Болѣзнь въ груди моей»	—
Къ ***. «Мы случайно сведены судбою»	250
«Подѣлуми прежде считалъ»	—
«Послушай: быть-можеть, когда мы покинемъ»	251
Къ ***. «Оставь напрасныя заботы»	—
Два посвященія поэмы «Демонъ»:	
«Прими мой даръ»	252
«Я кончилъ,—и въ груди невольное сомнѣніе».	—
1832. Морякъ. «Въ семье безвѣстной я родился»	253
Изъ Мазепы (Байрона). «Ахъ, нынѣ я не тотъ»	254
Баллада. «Куда такъ проворно, жидовка младая»	255
Гусаръ. «Гусарь! ты веселъ и беспечень»	256
Тростникъ. «Сидѣль рыбакъ веселый»	257
Баллада (съ нѣмецкаго). «Изъ воротъ выѣзжаютъ»	258
Бой. «Сыны небесъ однажды надо мною»	259
«Смѣло вѣрь тому, что вѣчно»	—
(Новгороду). «Привѣтству тебя, воинственныхъ славянъ»	260
Къ ***. «Мой другъ, напрасное старанье!»	—
Къ *. «Печаль въ моихъ пѣсняхъ; но что за нужда».	—
Къ *. «Прости! мы не встрѣтимся болѣ».	261
«Я жить хочу! Хочу печали»	—
Изъ Петербурга. (С. А. Бахметевой). «Примите дивное посланье».	262
Челнокъ. «По произволу дивной власти»	263
«Для чего я не родился»	—
«Что толку жить!.. Безъ приключеній»	264
«Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ»	265
«Слова разлуки повторяя»	—

Толпѣ. «Безумецъ я! вы правы»	266
«Она не гордой красотою»	—
1833— «Когда надеждѣ недоступный»	267
1834. «Онъ былъ въ kraю святомъ»	268
«Посреди небесныхъ тѣлъ»	—
Юнкерская молитва. «Царю небесный»	—
«На серебряныя щпоры»	269
«Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой»	—
А. А. Ф ву. «О, ты, котораго зовутъ»	270
1835. «Опять, народные витія»	—
1836. Къ портрету старого гусара. «Смотрите, какъ ле- тить»	272
Къ Бухарову. «Мы ждемъ тебя, спѣши»	—
(Эпиграмма на Кукольника). «Въ Большомъ театрѣ» .	—
Ребенку (въ альбомъ А. П. Петрову). «Ну, что скажу»	—
«Росписку просишь ты, гусарь»	273
(Изъ потерянного стихотворенія). «Великій мужъ» .	—
(Отрывокъ изъ потеряного стихотворенія: «Навод- неніе»). «И день насталъ»	274
1838. Къ М. И. Цейблеру (экспромпты). «Русскій нѣмецъ» .	—
1839. На рожденіе сына у А. А. Лопухина. «Ребенка ми- лаго»	274
1841. Эпиграмма О. И. Сенковскому (барону Брамбеусу). (Передъ отѣздомъ на Кавказъ). «Прощай, не мытая Россія»	275
Отрывки. «Лилейной рукой поправляя»	—
«На буркѣ, подъ тѣнью чинары»	—
Н. П. Верзилиной. «Надежда Петровна»	—
Франц. и пѣм. стих. Лермонтова.	—
1830. «Quand je te vois sourire»	276
1831. «Dir folgen meine Thränen»	—
1832. «Non, si j'en crois mon espérance»	277
1841. «Je l'attends dans la plaine sombre»	—
Баллада «Югельскій баронъ»	279
Стихотворенія изъ Боденштедта	280
Стихотворенія, приписываемыя Лермонтову.	—
Сердце. «У сердца сокровищъ такъ много»	281
«И ты думаешьъ, буду я хладенъ и нѣмъ»	282

Томъ II. ПОЭМЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича (1837).	3
Демонъ. Восточная повѣсть (1829—1840).	16
Первоначальные очерки «Демона».	
I. Посвященіе 1. «Я буду пѣть, пока поется»	47
Посвященіе 2. «Я буду пѣть, пока поется»	—
«Печальный демонъ, духъ изгнанья» (1829)	—
II. Демонъ. «Печальный демонъ, духъ изгнанья» (1830)	50

III. Демонъ. «По голубому небу пролеталь» (1831)	62
IV. Демонъ. «Печальный демонъ, духъ изгнанья» (1833)	63
Мцыри (1840)	74
Сказка для дѣтей (1841)	94
Бѣглецъ. (Горская легенда). (1841)	101
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
Литвинка (1830)	105
Исповѣдь (1830)	117
Азраилъ (1831)	123
Ангель смерти. (1831)	128
Каллы (1831)	141
Ауль Бастунджи (1831) Посвященіе. «Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли»	145
Измаиль-Бей (1832) Посвященіе. «Опять явилось вдохновеніе»	161
Хаджи-Абрекъ (1833)	215
Бояринъ Орша (1835)	226
Сашка. (Нравственная поэма). (1833—1836)	252
Казначейша (1836)	294
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Черкесы (1828)	312
Кавказскій плѣнникъ (1828)	317
Корсаръ (1828)	329
Джулю (1830)	336
Гошпиталь (1834)	346
Уланша (1834)	349
Петергофскій праздникъ (1834)	351
Монго (1836)	352
Примѣчанія къ I и II томамъ	358

40

×KSIEGARNIA×
ANTYKWARIAT

 696479 E

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

79893

~~LER~~

Biblioteka WSP Kielce

0175147